

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ СИБИРИ**

№ 1, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Ананьев Д.А. История Сибири конца XVI – начала XX в. в англо- и германоязычной историографии: основные концепции и подходы к изучению	3
Соколовский И.Р. Сравнительные аспекты колонизации арктических и субарктических районов Сибири и Восточной Канады в XVII – начале XVIII в.	7
Элерт А.Х. Население Мангазейского уезда по анкетным данным 1739 г.	10
Туманик Е.Н. Эпистолярное наследие декабриста И.Д. Якушкина	14
Комлева Е.В. Красноярские купцы на иркутском рынке в первой трети XIX в.	18
Баяндин В.И. Российская армия в конце XIX – начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку	24
Шишкин В.И. «Хождение по мукам» юриста В.П. Ламанского в 1918–1919 гг.	29
Запорожченко Г.М. Союзы потребительской кооперации в городах Сибири: проблемы и противоречия организационного строительства (1913–1920 гг.)	35
Исаев В.И. Суды Сибири на защите прав женщин в 1920-е гг.	40
Морозова Т.И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.)	45
Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в западносибирских городах 1930-х гг.: коммеморативный аспект.	49
Романов Р.Е. Роль молодежи в формировании людского потенциала Сибири накануне Второй мировой войны (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)	53
Аблажей Н.Н., Салахова Л.М. «Как у вас организован режим и контроль?»	58
Савицкий И.М. Экологическая обстановка в Карском море в связи с захоронением ядерных отходов в условиях «холодной войны»	63
Дашинамжилов О.Б. Урбанизация в Западной Сибири в 1959–1989 гг.	67
Зольникова Н.Д. Реалии советского социализма в сочинении новокузнецкого старовера.	71

СООБЩЕНИЯ

Родигина Н.Н. Журнал «Всемирная иллюстрация» и репрезентации Сибири на его страницах	76
Старухин Н.А. Игумен Казанского белокрыницкого скита Феофилакт (Савкин) и его эпистолярное наследие	81
Шиловский М.В. Массовые беспорядки среди мобилизованных в Сибири во второй половине июля 1914 г.	84
Корновенко С.В. Мероприятия гражданских властей белых по сбору урожая в Украине (1919 г.)	88
Катионов О.Н. Книга С.В. Обручева «В неизведанные края» как источник для изучения средств передвижения и транспорта на северо-востоке России в 20–30-е гг. XX в.	92
Ильиных В.А. Система управления животноводством Сибири в конце 1920-х – 1930-е гг.	95
Орлов Д.С. Планирование производства и закупок сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	98
Журова Л.И. Рец. на кн.: А.И. Алексеев. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. 390 с.	102
Рышков В.М. Рец. на кн.: В.Л. Кожевин. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 260 с.	104
Тимошенко А.И. Рец. на кн.: И.М. Савицкий. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны» (1946–1965 гг.). Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2011. 352 с.	106

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Даидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с   р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
sektoragro@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В. И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*

Подписано к печати 15.03.13. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 50.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 930(57)''15/19''

Д.А. АНАНЬЕВ

ИСТОРИЯ СИБИРИ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XX в. В АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

В статье рассматриваются основные концепции и теоретико-методологические подходы к изучению и сибирской истории, предложенные западными исследователями в XX в. (концепции «русской восточной экспансии», «колонизации», «модернизации», теории «фронтира», «хартленда»). Автор приходит к выводу, что в целом для западных сибиреведов было характерно отсутствие доминирующих методологических установок и единой схемы исторического процесса. Определенные противоречия в развитии англо- и германоязычной историографии Сибири преодолевались, прежде всего, на основе более внимательного изучения источников, что позволяло вывести работу на качественно новый уровень.

Ключевые слова: Сибирь, историография, модернизация, колонизация, фронтир, хартленд, «русская восточная экспансия».

История присоединения и освоения Сибири привлекала внимание зарубежных исследователей на протяжении нескольких столетий. Для западных сибиреведов всегда было очевидно огромное историческое значение процесса освоения русскими Северной Азии и Тихоокеанского региона. Исследователи отмечали колоссальный экономический потенциал Сибири, во многом способствовавший превращению России в сверхдержаву. В связи с этим важной задачей представлялось объяснение исторических причин успешности освоения Сибири и прочности российского присутствия в регионе.

Наиболее активно вопросы сибирской истории стали изучаться в XX в. (в первую очередь в США, Канаде, Великобритании, Германии), когда возникли специализированные исследовательские центры, резко возросло количество публикаций по истории русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, были предложены новые подходы к изучению данной темы. В рамках небольшой статьи невозможно охватить все разнообразие подходов, применявшихся западными сибиреоведами. Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы выявить наиболее распространенные и влиятельные концепции сибирской истории, предложенные зарубежными авторами.

На протяжении всего XX в. в развитии зарубежного исторического сибиреведения наиболее влиятельные историографические направления были связаны с именами американских историков Ф. Голдера и Р. Кернера. Главное различие подходов, предложенных Ф. Голдером и Р. Кернером, заключалось в той роли, которую они отводили политическим факторам – правительственной политике, планам имперской экспансии, роли центральных и местных властей в колонизации Сибири, Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона.

Р. Кернер, стремившийся объяснить прочность позиций России в Северной Азии, основное внимание уделял социально-экономическим и географическим факторам, способствовавшим процессу колонизации. Признавая злоупотребления местных властей, историк расценивал правительственную политику в отношении колоний как вполне разумную и эффективную. С точки зрения Ф. Голдера, торговые интересы России за Уралом всегда подкреплялись силой оружия, местная администрация действовала практически бесконтрольно, и в целом процесс колонизации имел для коренного и пришлого населения Сибири гораздо больше негативных последствий, чем позитивных.

В предисловии к своей наиболее известной работе, опубликованной в 1914 г. под названием «Русская

экспансия к Тихому океану, 1641–1850...», Ф. Голдер заявлял, что не намерен уделять слишком большое внимание отдельным персоналиям – участникам историческим событий, поскольку они были лишь частицами общего процесса, подчинившего себе этих отчаянных, смелых, но, в сущности, обыкновенных людей, в действиях которых, по мнению автора, не было ничего героического [1, р. 14]. Вместе с тем монография почти полностью посвящена описанию деятельности конкретных землепроходцев и мореплавателей, достижения которых Ф. Голдер готов признать не всегда.

Наблюдая за процессами, происходившими в Российской империи в первые десятилетия XX в., Ф. Голдер был достаточно осторожен в оценках результатов колониального строительства в Северотихоокеанском регионе. Он не предлагал какой-либо стройной концепции и не подкреплял свои спорные и разрозненные умозаключения основательной разработкой источников.

Вообще, по верному заключению Стивена Хэйкокса, в течение многих десятилетий западные историки были вынуждены опираться лишь на работы своих соотечественников, выражавших преимущественно негативное отношение к действиям русских в Тихоокеанском регионе – предприятию, якобы с самого начала обреченному на провал [2, р. 233]. Начало данной историографической традиции положили историк Аляски Губерт Бэнкрофт [3] и его последователь в XX в. – Ф. Голдер. Однако в 1920-х гг. история освоения русскими Северотихоокеанского региона оказалась в центре внимания американских исследователей именно благодаря Ф. Голдеру.

Уже к концу 1920-х гг. стало ясно, что работы Ф. Голдера во многом устарели, тогда как разработка концепции «русской восточной экспансии» требовала обстоятельного изучения более частных вопросов. С 1930-х гг. ведущую роль в изучении сибирской истории на Западе стал играть Калифорнийский университет, прежде всего, благодаря исследовательской деятельности Р. Кернера. В 1930-х гг. на Западе возник первый специализированный научный центр изучения сибирской истории – Семинар по Северо-Восточной Азии, основанный Р. Кернером. Участники семинара стремились к более внимательному изучению источников, связанных с историей освоения русскими Североазиатского региона.

По признанию Р. Кернера, в процессе работы над библиографическим исследованием у него возник интерес к вопросу о причинах и сущности продвижения русских на восток. Стремление историка ответить на сугубо теоретические вопросы и выработать новую концепцию, способную хотя бы отчасти объяснить сложные исторические процессы, привело к созданию известного труда «Стремление к морю: курс русской истории...» [4]. Предложенная Кернером концепция истории русской колонизации, одним из направлений которой было освоение Северной Азии, по сути, основывалась на выводах русских историков С.М. Соловьева и В.О. Ключевского о значении колонизационных

процессов в истории России. Наиболее важным фактором процесса Р. Кернер считал «стремление русских к морю».

В отечественной историографии Р. Кернер подвергся критике за «географический детерминизм», недооценку народной колонизации, ее сельскохозяйственного характера, а также за преувеличение роли торговли пушниной [5, с. 195]. При всех недостатках предложенной Р. Кернером концепции, его работа имела большое значение, поскольку в ней определялось теоретическое направление дальнейших исследований темы, подчеркивалось значение социально-экономических факторов колонизации. Концепцию Р. Кернера развивали его ученики – в первую очередь Дж. Ланцев [6] и Р. Фишер [7], авторы исследований по истории управления и социально-экономического развития Сибири в XVII в.

Выводы, полученные Р. Кернером, Р. Фишером и Дж. Ланцевым, были усвоены последующей американской историографией, о чем свидетельствовали работы М. Раева [8], Р. Пирса [9], Дж. Харрисона [10], Э. Доннели [11], Дж. Гибсона [12; 13], Д. Тредголда [14], А. Вуда [15; 16; 17; 18], Б. Дмитришина [19], Ю. Слезкина [20], М. Бассина [21; 22; 23], Дж.-Л. Блэка [24; 25].

Вместе с тем в 1940–1970-х гг. в западном сибиреведении сохранялось влияние концепции Ф. Голдера об имперских целях «русской восточной экспансии». Многие историки продолжали писать об агрессивном, военном характере колонизации Сибири и Дальнего Востока, о сходстве методов русских и западноевропейских колонизаторов (В. Конноли [26, р. 8; 27, р. 31], В. Коларц [28, р. V, 1], Л. Тилетт [29, р. 3–4, 7–8, 15–16]).

Аналогичный взгляд на сибирскую колонизацию был высказан западногерманским историком Э. Хельцле в статье «Страна свободы (к истории русской освободительной идеи)», опубликованной в журнале «Saeculum» за 1954 г. Противопоставляя колонизацию Северной Америки и завоевание Сибири, автор писал, что из России в Сибирь были перенесены деспотизм, царская автократия, гнет центральной власти и несвобода, которым покорное население Сибири безропотно подчинилось [30; 31].

Немецкий историк швейцарского происхождения А. Каппелер признавал наличие общих черт в процессе русской колонизации Сибири и западноевропейской колонизации Северной Америки (в обоих случаях имели место жестокость в отношении коренных этносов и хищническая эксплуатация природных ресурсов), но считал, что не следует игнорировать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношений русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтнической страной. На этом основании А. Каппелер выступил против не критического использования в отношении России таких понятий, как «колониализм» и «империализм» [32, с. 7].

Для объяснения уникальных черт колонизируемых окраин А. Каппелер активно привлекал теорию «фрон-

тира». Ее автор, американский историк Ф. Дж. Тернер [33, р. 199–227], закрепил приоритет в определении исторических судеб США за географическим фактором (наличием «свободных» для заселения и освоения земельных массивов) [34, р. 16]. Ф. Дж. Тернер также задался вопросом, имеет ли его теория ограниченное применение или может быть проверена на материале иной «колониальной среды», с другими политическими и экономическими условиями [35, р. 19].

Ряд западных исследователей пытались использовать его теорию в своих работах по истории сибирской колонизации. Б. Самнер [36], Д. Тредголд [37, р. 147–152], Р. Пирс [9] признавали, что в некоторой степени феномен «фронтира» имел место и в Сибири. По мнению Д. Тредголда, концепция Ф. Тернера применима к сибирскому материалу в части тезиса о смещении национальностей в процессе возникновения русскоязычного населения Сибири, а также тезиса о роли колонии как своего рода «клапана безопасности», отдушины, дававшей возможность переселения нестабильных социальных элементов из центральных регионов страны.

В сущности, историк объединил в своих построениях элементы теории «фронтира», концепций «колонизации» и «модернизации»¹. В духе теории модернизации об успехах капиталистического развития Сибири в пореформенный период писали В. Коннолли [26], В. Моут [38], К. Криптон [39], А. Колз [40, р. 483–491], Б. Грэйсон [41], Н. Саул (Сол) [42, р. 405–420], Дж. Стюарт [43; 44, р. 132–143; 45]. Весьма четко данная мысль выражена в работе В. Коннолли: «Нет оснований сомневаться в намерении царского самодержавия разрабатывать находящиеся за Уралом природные ресурсы, особенно в то время, когда оно направлялось более либеральным правительством. Ярво выраженная тенденция в этом направлении имела место, но ее преждевременно подорвала Первая мировая война» [26; 45, с. 43].

Американский историк С. Маркс поставил под сомнение успехи модернизации Сибири в начале XX в., равно как назвал «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронтира». Со своей стороны, С. Маркс предложил использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. [46, р. 23–39.] По мнению исследователя, западные авторы часто не уделяют должного внимания роли России в общем процессе европейской колонизации, хотя многие страны могли бы позавидовать успехам русских в деле освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыло примерно 5 млн крестьян.

В русле концепции «колонизации» написаны и статьи, включенные в сборник «Заселение российских окраин: колонизация приграничных территорий в истории Евразии» (под ред. Н.Б. Брейфогле, А. Шрэ-

дер, У. Сандерленда) [47]. Его составители, подобно С. Марксу, отмечали, что хотя западные исследователи истории европейской колонизации обычно забывают упомянуть о роли русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого света. Русским удалось заселить огромные пространства Северной Европы и Азии, от побережья Балтики до Тихого океана, от Арктики до Центральной Азии. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

В ряде работ концепция «русской восточной экспансии» была дополнена теоретическим инструментарием геополитической теории «Хартленда», которую сформулировал в начале XX в. английский географ, преподаватель Оксфордского университета Хэлфорд Джон Макиндер. В своем труде «Географическая ось истории», опубликованном в 1904 г., Х. Макиндер отводил ключевую роль так называемому Хартленду – центральной части Евразии. По мнению Х. Макиндера, тот, кто контролирует Хартленд – контролирует мир.

После Второй мировой войны, когда США стали играть роль противовеса растущему военному и политическому могуществу СССР, Х. Макиндер ввел в свою теорию новую геополитическую ось – США, обосновав идею геополитических блоков и предсказав появление биполярного мира, в котором США будут противостоять СССР, контролирующему Хартленд. В 1944 г. Н. Спайкмен опубликовал работу, в которой отводил ключевую роль в мировой геополитике так называемому Римленду – прибрежной зоне Азиатского континента, который должен быть подконтролен США.

Своеобразная «реабилитация» морских держав и повышенный интерес к Тихоокеанскому региону отразились и на проблематике работ западных сибиреведов. Во второй половине XX в. появляются многочисленные исследования, посвященные истории освоения Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Америки (работы Дж. Гибсона, Дж. Ленсена, Дж. Стефана, Г. Баррэта и др.). Соответственно был возрожден тезис о контроле над Северной Азией и Тихоокеанским побережьем как одним из важнейших условий политического могущества Российской империи и Советского Союза.

В 1990-х гг. Россия утратила прежнее влияние в Восточной Европе и в значительной мере в Центральной Азии, но сумела сохранить территориальные владения в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако в период затяжного экономического кризиса контроль над значительной частью территории Хартленда сам по себе мало способствовал усилению позиций России на мировой политической и экономической арене. В этих условиях американские историки М. Хаунер [48] и Дж. Ледан [49] предложили новую интерпретацию теории Х. Макиндера.

¹Убежденным сторонником теории модернизации был учитель Д. Тредголда – русский историк-эмигрант М.М. Карпович, долгие годы преподававший в Гарвардском университете.

В целом для западных сибиреведов было характерно разнообразие теоретических подходов и концепций сибирской истории, отсутствие доминирующих методологических установок и единой схемы исторического процесса. Определенные противоречия в развитии англо- и германоязычной историографии Сибири преодолевались, прежде всего, на основе более внимательного изучения источников, что позволяло вывести работу на качественно новый уровень. Очевидно, что опыт, накопленный западной историографией, заслуживает самого внимательного и серьезного изучения отечественными исследователями истории Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914.
2. Haycox S. Russian America: Studies in the English Language // Pacific Historical Review. Berkeley, 1990. Vol. 59, N 2.
3. Bancroft H. History of Alaska. San Francisco, 1886.
4. Kerner R. The Urge to the Sea: The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs. 2nd ed. Berkeley; Los Angeles, 1942; 1946.
5. Янунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории. 1945. № 5–6.
6. Lantzeff G.V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943.
7. Fisher R. The Russian Fur Trade, 1550–1700. Berkeley, 1943.
8. Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956.
9. Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest of the Russian Open Frontier to 1750. Montreal; London, 1973.
10. Harrison J.A. The founding of the Russian Empire in Asia and America. Miami, 1971.
11. Donnelly A.S. The Russian Conquest of Bashkiria, 1552–1740: A Case Study in Imperialism. New Haven, 1968.
12. Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, Wisconsin, 1969.
13. Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. N.Y., 1976.
14. Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, 1957.
15. Wood A. The Siberian Criminals' Commune // Sibirica IV, 1989.
16. Wood A. Avvakum's Siberian Exile, 1653–1664 // The Development of Siberia: People and Resources / A. Wood, R. French, ed. L., 1989.
17. Wood A. Siberian Exile in the XVIII c. // Sibirica. Summer 1990. Vol. 1, N 1.
18. Wood A. Russian "Wild East": Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. // Wood A. The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. L., 1991.
19. Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // Sibirica. Summer 1990. Vol. 1, N 1.
20. Slezkine Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994.
21. Bassin M. The Russian Geographical Society, the "Amur Epoch" and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // Annals of the Association of American Geographers. 1983. Vol. 73, N 2.
22. Bassin M. Expansion and Colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. 1988. Vol. 14, N 1.
23. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96.
24. Black J.L. Opening up Siberia: Russian "Window to the East" // The History of Siberia. / A. Wood, ed. L., 1991.
25. Black J.L. I.-G. Gmelin and G.-F. Müller in Siberia, 1733–1743. A Comparison of their Reports // Sibirica IV. Lancaster University Press, 1989.
26. Connolly V. Beyond the Urals. Economic Developments in Soviet Asia. L., 1967.
27. Connolly V. Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources. Problems and Achievements. N.Y., 1975. P. 31.
28. Kolarz W. Russia and Her Colonies. L., 1953.
29. Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill, 1969.
30. Hölzle E. Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der Russischen Freiheitsidee // Saeculum. 1954. Jg. 5. H. 4.
31. Преображенский А.А. Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962.
32. Каннелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.
33. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Report of the American Historical Association for 1893.
34. Соргин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987.
35. Turner F.J. The Significance of Sections in American History. N.Y.: Henry Holt and Co., 1932.
36. Sumner B. A Short History of Russia. N.Y.: Harcourt, Brace, 1949.
37. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26, N 4.
38. Mote V. The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian Butter Industry // Slavic Review, 1976. Vol. 35, N 2.
39. Krypton C. The Northern Sea Route. Its Place in Russian Economic History before 1917. N.Y., 1953.
40. Kolz A. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918–1920 // Journal of Modern History. 1976. Vol. 37, N 3.
41. Grayson B. Lost Opportunity: the Alaska-Siberia Tunnel // Asian Affairs, 1977. Vol. 64. Pt. 1.
42. Saul N. An American's Siberian Dream // Russian Review, 1978. Vol. 37, N 4.
43. Stewart J. Siberia's lake Baikal: Aspects of its History, Economy and Ecology // Asian Affairs, 1976. Vol. 63. Pt. 2.
44. Stewart J. The British in Siberia: 1581–1978 // Asian Affairs, 1979. Vol. 10. Pt. 2.
45. Передепуй С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984.
46. Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin and S. Wolff. N.Y.; L., 1995.
47. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007.
48. Hauner M. What is Asia to Us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990.
49. Le Donne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. N.Y.; Oxford, 1997.

Статья поступила
в редакцию 03.12.2012

УДК 325(571.1)(71)''16/17''

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОЛОНИЗАЦИИ АРКТИЧЕСКИХ И СУБАРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ КАНАДЫ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: sokolowski@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ колонизации районов Сибири, расположенных севернее 60° с. ш., и районов Восточной Канады – севернее 50° с. ш., в XVII – начале XVIII в. Выявляется общее и особенное этих процессов, делается предположение об их взаимосвязи.

Ключевые слова: Сибирь, Канада, арктические и субарктические районы, колонизация, меховая торговля, боевые действия, гарнизоны.

Арктический и субарктический климатические пояса занимают огромные площади континентальной суши. На начало XVIII в. к ним относилось около 7,5 млн км² русских зауральских владений и около 7 млн км² на территории современной Канады.

Климат этих поясов очень суров. Например, климат Мангазеи, лежащей чуть севернее 66° 33', описывается исследователями следующим образом: «...континентальный-холодный, характеризуется большой разницей летних (максимум +37 С) и зимних (минимум -63 С) температур, низкой (-8,3 С) среднегодовой температурой. Устойчивый снежный покров держится более семи месяцев... Сочетание ветров с низкими температурами обуславливает большую суровость зимней погоды» [1, с. 26]. Такие условия предъявляют особые требования ко всем сторонам жизни людей. Одежда, жилище, поведение должны быть приспособлены к долговременному воздействию низких температур, низкой инсоляции, трудностям с продовольствием. По этим причинам данные территории заселены слабо, хотя они были освоены человеком еще в каменном веке. Сложившееся несколько десятков тысячелетий назад автохтонное население представляло первую волну переселенцев, второй стало европейское население, пришедшее в эти области в раннее Новое время. Процесс вторичной колонизации происходил в обоих полушариях в сопоставимое время, и сравнение его двух вариантов – евразийского и североамериканского – и является предметом нашего исследования.

Для того чтобы территория стала объектом колонизации, она предварительно должна быть представлена сознанию, иначе говоря, «открыта». Еще с эпохи Великих географических открытий европейская культура выработала механизм «открытия», связанный с мореплаванием. Схожий механизм, хотя и ориентированный на другие социальные институты, сложился к

концу XVI в. и в Московском государстве (подробнее об этом механизме см.: [2, с. 192–194]).

Ход открытия новых территорий представляет первое существенное различие между Канадой и Сибирью. Значительная часть приарктической территории Канады прилегает к огромному внутриматериковому морю, носящему имя Гудзонова залива. Его площадь равна 1,23 млн км², максимальная протяженность с севера на юг 1370 км, а с запада на восток 1050 км. В залив впадает множество рек. Когда в 1670 г. английский король Карл II (Charles) в Хартии, данной Компании Гудзонова залива (далее – КГЗ), определил ее владения по бассейну всех рек, впадающих в залив, в юрисдикцию компании отошло примерно 3,9 млн км² (около трети территории современной Канады). Залив и реки предопределили преимущественно морской характер открытия этих территорий.

Непосредственно открытию Гудзонова залива и одноименного пролива предшествовал этап стихийного освоения французскими рыбаками богатых промысловыми сортами рыбы банок Ньюфаундленда. Освоение это началось уже в конце XIV в. Южное побережье п-ова Лабрадор было открыто и исследовано во время морских экспедиций Картье в 1534 и 1535 гг., а Гудзонов залив и пролив открыты только в 1576 г. Фробишером и обследованы Гудзоном, в 1610 г. и Гудзоном совместно с Прикетом в 1611 г., Баттоном в 1612 и 1613 гг., Джеймсом в 1631 и 1632 гг. [3, с. 321, 328–334].

Этапы исследования сибирской Арктики и Субарктики примерно совпадают с канадскими, однако, в отличие от исследователей Гудзонова залива, русские первооткрыватели бассейнов Оби, Енисея и Лены двигались по рекам. Точно так же, как и в Северной Америке, этапу открытия предшествовал этап стихийных контактов с приобским Зауральем, однако главным стимулом здесь была не рыба, а меха пушных зверей.

В первой половине 1580-х гг. происходит обследование бассейна Оби и ее притоков, проведенное Ермаком и его спутниками. В первой половине 1590-х гг. в Северном Приобье уже основываются русские укрепленные пункты с постоянным населением — это Березов, Сургут (оба — 1593 г.) и Обдорск (1595), расположенный в районе Полярного круга. В XVII в., меньше чем через десять лет после них, на широте Обдорска русские землепроходцы основывают Мангазею (1600) и Туруханск (1607). Таким образом, продвижение русских в бассейн р. Таз и занятие нижнего течения Енисея совпадают по времени с экспедициями Гудзона [4, с. 283–284; 5, с. 310–312; 6, с. 25].

В 1630-х гг. благодаря нескольким удачным походам был исследован и освоен бассейн р. Лены. В 1630–1635 гг. В.Е. Бугор и И. Галкин открывают р. Алдан, М.Н. Васильев — р. Виллой, П. Бекетов и И. Падерин — р. Лену в ее верхнем и нижнем течениях, М. Перфильев и И.И. Ребров открывают устье р. Лены, море Лаптевых (в 1633 г.), р. Оленек (не ранее августа 1634 г.) и Яна (1634 г.) [3, с. 273–281]. В 1632 г. на месте, близком к современному Якутску, основывается постоянное русское поселение. В 1630–1640-е гг. в Якутском уезде создается сеть ясачных зимовий [6, с. 39–85]. В 1638–1640 гг. И.И. Ребров совершает открытие р. Индигирки. После целого ряда других экспедиций русские к середине 1640-х гг. выходят к побережью Охотского моря и открывают пролив, отделяющий Евразию от Северной Америки. Созданная в ходе первичного освоения сеть опорных пунктов позволяла поддерживать сборщиков натурального государственного налога («ясака») и являлась подспорьем для разворачивания деятельности частных охотников («промышленников»). Аборигены должны были приходить к зимовьям раз в год для уплаты ясака и торгового обмена.

На этапе создания сети постоянных или временных пунктов колонизации, ориентированных на тот или иной способ эксплуатации природных богатств края, мы видим существенную разницу между русской и европейской колонизацией региона. Колонизация субарктической Канады начинается значительно позднее. В 1668 г., при помощи двух беглых франко-канадцев англичане основывают факторию на р. Руперт (в южной части залива Джемса), назвав ее Форт Чарльз (51° 28' 48" с. ш., 78° 45' 0" з. д.) [7, с. 2]. Инкорпорация в 1670 г. английской КГЗ приводит к переходу под ее юрисдикцию форта Чарльз (Руперт) и основанию в 1673–1683 гг. факторий в устье р. Муз (там же, в заливе Джеймса, в 1673 г. (51° 15' 30" с. ш., 80° 36' 0" з. д.) и в устье р. Северин (56° 0' 37" с. ш., 87° 35' 9" з. д.), в устье р. Нельсон, известной как фактория Йорк (или форт Нельсон) (57° 0' 9.8" с. ш., 92° 18' 17.3" з. д.). Позднее, опять же в заливе Джеймса, была основана пятая фактория — форт Олбани (52° 15' 4" с. ш., 81° 30' 4" з. д.) [8, с. 133–197].

Поздняя колонизация региона связана с тем, что объектом промысловой деятельности европейцев был не соболь, как у русских, а бобер. Ареал его обитания простирается от северной границы Мексики до зоны

полярных льдов. Хищническая добыча бобра привела к значительному уменьшению пушного промысла южнее р. Св. Лаврентия [9, с. 25, 45, 47, 56, 60, 72; 10, с. 65, 83, 87, 210, 383]. В 1625 г. из Новых Нидерландов, особенно из форта Оранж (ныне Олбани, Нью-Йорк), вывезли 5738 шкурок, в 1633 г. уже 15 174, а в 1656 г. — 35 тыс., что привело к тому, что в 1669 г. вывоз сократился до 25 тыс. шкурок, а в XVIII в. пушная торговля и промысел на данной территории были и вовсе прекращены. В 1712 г. англичане вывезли из Виргинии рекордные 40 тыс. бобровых шкурок. Француз в октябре 1693 г. доставили в Ла-Рошель 235 786 шкурок из Канады, а в 1702 г. в Монреаль было доставлено 581 380 шкурок [11, с. 170, 174, 175, 176; 12, с. 279–280; 13, с. 948].

Центры русской колонизации с гарнизонами, с воеводской администрацией были достаточно крупными постоянными поселениями. Поэтому московская администрация в начале XVII в. испытывала серьезные трудности при снабжении их продовольствием, поскольку выращивание здесь зерновых было невозможно по климатическим условиям. В декабре 1621 г. царь Михаил Федорович распорядился, чтобы архиепископ Нектарий и тобольский воевода рассмотрели проект томского воеводы Ф. Бабарыкина ликвидировать постоянные гарнизоны в Березове и Сургуте. В Березове Ф. Бабарыкин предлагал оставить 50 или 100 «годовальщиков», посылаемых из других городов, на тех же условиях, что и 100 «годовальщиков», посылаемых в Мангазею [14, с. 182–183]. В 1626 г. в Мангазее уже постоянно жили 53 служилых [15, с. 137]. В 1628 г. гарнизон Березова насчитывал 293 чел. (4 в чинах детей боярских и казацких атаманов, а 289 рядовых «литвы», стрельцов и казаков). Из этого числа 50 чел. высылались в Мангазею, а 25 — на Нижнюю Тунгуску. В Сургуте в это же время числилось 2 чел. «начальных людей» и 200 рядовых [16, с. 55]. Начиная с 1629 г. постоянный гарнизон Мангазеи вырос примерно до 90 чел. [15, с. 176]. Этот проект по ликвидации постоянных гарнизонов так и остался не реализованным и на протяжении XVII в. численность гарнизонов в Березове и Сургуте колебалась вокруг цифры 300 чел. — для первого и 200 чел. — для второго [17, с. 29]. В 1699 г. в Якутске было 951 чел., которые получали жалование, в это число включали не только служилых людей, но и разного рода ружников и оброчников (т. е. церковный причт и казенных мастеров). В Сургуте проживало 200 чел. тех же категорий. В Новой Мангазее (Туруханске) к этим категориям относились 168 чел. В Березове жалование получал 331 чел. [16, с. 150, 157, 158]. Следовательно, к концу века на арктических и субарктических территориях Сибири на постоянной основе проживало более 1500 чел., только состоявших на государственном жаловании, не считая других категорий населения и тех, кто присутствовал на указанных территориях на временной основе («промышленников», «гулящих людей»).

Европейские силы на побережье Гудзонова залива были меньше. В 1682 г. в форте Бурбон (фактория Йорк) гарнизон состоял из 8 чел. В 1684 г. там обос-

новался английский гарнизон – 50 чел. и 20 пушек. В 1686 г. французский отряд, захвативший три английские фактории в заливе Джеймса, насчитывал 100 рядовых, 6 офицеров и духовника. В первом же захваченном ими форте оказался гарнизон в 17 чел. В 1687 г. французы столкнулись с угрозой голода и вывели основные силы, оставив в каждой фактории по 12 чел. В 1688 г. у форта Олбани столкнулись английская эскадра (два корабля – 85 чел.) и французский корабль. 15 августа (н. ст.) 1688 г., уже после капитуляции англичан, к французам подошла подмога – 38 чел. В 1693 г. в форте Св. Анны (Олбани) оставалось 5 чел. В 1709 г. Олбани пытался захватить отряд из 100 французов и т.д. [7, с. 3, 4, 69]. Даже в период наиболее острой конфронтации с обеих сторон были задействованы лишь десятки людей, находившихся там временно, что составляет разительный контраст с многочисленным постоянным русским населением.

Колонизация побережья Гудзонова залива сопровождалась ожесточенными столкновениями между представителями английской и французской монархий. В 1868 г. английские фактории были захвачены французами, в 1693 г. отбиты, в 1698 г., вновь захвачены французами, кроме форта Олбани, который оставался английским до 1713 г., когда по Утрехтскому миру Франция была вынуждена уступить все побережье Гудзонова залива [7, с. 3, 4, 14]. В XVII в. русские полярные владения не оспаривались с помощью открытой военной силы ни одним европейским государством.

Сразу же после их создания в английских факториях развернулась активная скупка пушнины. В конце XVII в. корабли КГЗ доставили в Лондон в 1688–1692 гг. 140 тыс., а в 1693–1694 – 150 тыс. шкурок [11, с. 175]. Систематические данные по факториям имеются с начала XVIII в. Среднегодовое количество бобровых шкурок, скупаемых в форте Олбани в 1700–1720 гг., примерно 19 тыс. шт., с широкими колебаниями по годам, в диапазоне около 15 до 30 тыс. шт. Данные о количестве бобровых шкурок, скупленных в фактории Йорк, имеются только с 1716 г. Первоначально их количество было невелико – 3–5 тыс. шкурок в год. К середине XVIII в. добыча бобровых шкурок многократно увеличилась, что привело к истреблению этого животного и снижению размеров закупок. Положение не изменил даже рост цен [18]¹.

Первоначально импорт бобровых шкурок из арктических районов Канады должен был дополнить вывоз из других частей континента и заместить сокращающийся ввоз мехов, поступающих на европейский рынок из Сибири. Однако из России была вывезена технология изготовления бобрового войлока (фетра), что привело к резкому росту спроса. В Великобритании в XVIII в. производство «бобровых шляп» было организовано в промышленных масштабах [11,

с. 169]. Если в 1700 г. из Англии было вывезено около 140 тыс. головных уборов из шкур и фетра, то через полгода было экспортировано более 870 тыс. шт.²

Объемы экспорта бобровых шкур сравнимы с экспортом мехов из Сибири. В книге П.Н. Павлова приведены данные по объемам как государственного, так и частного присвоения соболя. Однако данные сохранились не полностью и доступны не за все годы столетия. Например, для Мангазеи имеются данные за 29 лет по ясаку и за 40 лет по частной торговле с 1624 по 1685 г. Средний объем ясака был в эти годы 9,2 тыс. шкурок и частного рынка – 23,2 тыс. Только в Якутске, без уезда, с 1630 по 1687 г. средний сбор составил 7,5 тыс. соболей ежегодного ясака и 13 тыс. на свободном рынке. Из Сургута в 1625–1657 гг. в среднем поступало 3,2 тыс. и 2,8 тыс. соболей ежегодно (данные за 12 и 10 лет соответственно) [19, с. 358–353, 370–375]. Мы видим те же тенденции, что и в Канаде: среднегодовые объемы, как минимум, 20–30 тыс. шкурок на факторию и тенденцию к «испромышлению» ценных видов пушного зверя. Это толкало к расширению территории, на которой велась заготовка пушнины.

Подведем некоторые итоги.

1. Открытие субарктических областей восточной территории Канады и севера Сибири начинается в одно и то же время и охватывает три этапа: ранний (конец XV – XVI в.), средний (1600–1610-е гг.) и поздний (1630-е гг.). К 1640-м гг. соответствующие районы Севера становятся в основных своих чертах известными. Основное различие в ходе открытий заключается в способе передвижения: европейцы путешествуют преимущественно по морю и частично по рекам, а русские – преимущественно по рекам и частично по морю.

2. Значительно отличаются временные рамки создания постоянных поселений и административных центров. Колонизация субарктической Канады отстает от русской почти на сто лет. Первые русские поселения создаются еще в конце XVI в., тогда как сеть европейских факторий складывается лишь к концу XVII в.

3. Начав колонизацию региона, русские активно заселяют арктический и субарктический регион, создав на протяжении XVII в. севернее 60° с. ш. четыре центра воеводской власти (Березов, Сургут, Мангазея, с 1670-х гг. Туруханск, Якутск) и около 60 «зимовий». Несколько относительно крупных населенных мест находится прямо на Полярном круге (Обдорск, Мангазея и др.). В отличие от русских, ни англосаксы, ни французы ни создают ни одного населенного пункта севернее 60° с. ш. Все их фактории расположены между 51° и 57° с. ш.

4. Европейская колонизация субарктической Канады происходит за счет создания очень редкой сети факторий (примерно в 15 раз более редкой, чем русской), с минимальным постоянным европейским населением. За весь изучаемый период в этой части Канады англичанами и французами не было создано ни одного полноценного центра государственной власти.

¹ Carlos A., Lewis F. Fur Trade (1670–1870) // EH.Net Encyclopedia / ed. R. Whaples. March 16, 2008. URL <http://eh.net/encyclopedia/article/carlos.lewis.furtrade> (дата обращения: 06.01. 2013).

² Там же.

5. Как русская, так и европейская модели колонизации предполагают очень схожую территориальную схему общения с аборигенами, которые сами должны приходить для обмена в фактории колонизаторов. Однако европейская модель строит эти отношения на целиком рыночной основе – на свободном обмене продуктами.

6. Еще одно отличие в русской и европейской моделях колонизации предполагает наличие или отсутствие очень сильного геополитического соперника. Вся колонизация субарктической Канады в конце XVII – первой четверти XVIII в. осуществляется под знаком острого соперничества Англии и Франции, при сравнительном безразличии аборигенного населения. Русская колонизация сходного региона проходит при полном отсутствии такого рода конкурента (только при смутном намеке на него).

7. Колонизация Севера Сибири и освоение субарктической Канады оказались связанными посредством европейского рынка. Падение объемов пушных товаров, поступавших в Европу из Сибири, привело к росту спроса на канадские меха. Заимствование русских технологий позволило поставить производство меховых изделий на индустриальные рельсы. Однако, как и русский проект, европейский проект промысловой колонизации закончился истреблением пушного зверя и падением прибылей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазья – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2007.
2. Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979.

3. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. М., 1983. Т. 2: Конец XV – середина XVII в.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.; Л., 1937. Т. 1.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М., 2005. Т. 3.
7. De Troyes P. Journal de l'expédition du chevalier de Troyes à la baie d'Hudson en 1686. E. et ann. par l'abbé Ivanhoe Caron. Beauceville, 1918.
8. Beckles Willson. The great company: In 2 vols. L., 1900. Vol. 1.
9. Barnes William. The settlement and early history of Albany. Albany, N.Y., J. Munsell, 1864.
10. Laws and Ordinances of New Netherland, 1638–1674 / compiled and translated from the Original Dutch Records in the Office of the Secretary of State / ed by E.B. O'Callaghan. Albany; N.Y., 1868.
11. Davies Kenneth Gordon. The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis; L., 1974.
12. Merwick D. Possessing Albany, 1630–1710. The Dutch and English Experiences. Cambridge, 1990.
13. Chase J. [Rec. ad op.] Merwick D. Possessing Albany, 1630–1710, The Dutch and English Experiences // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1992. Vol. 47, N 4.
14. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV).
15. Обдорский край и Мангазья в XVII веке: сб. документов / сост.: Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004.
16. Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Д.Я. Резун при участии А.А. Бродникова и И.Ю. Просекова; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1994.
17. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
18. Carlos Ann M., Lewis Frank D. Commerce by a Frozen Sea Native Americans and the European Fur Trade 264 pages – 25 illus. University of Pennsylvania Press, 2010.
19. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

Статья поступила
в редакцию 05.11.2012

УДК 94(57).063

А.Х. ЭЛЕРТ

НАСЕЛЕНИЕ МАНГАЗЕЙСКОГО УЕЗДА ПО АНКЕТНЫМ ДАННЫМ 1739 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: alexandreiert@yahoo.com

В статье анализируются материалы «Ведомости» Мангазейской уездной канцелярии, составленной в 1739 г. по вопросным пунктам анкеты академика Г.Ф. Миллера 1738 г., характеризующие русское и коренное население уезда. Основное внимание уделяется численности, сословному составу и расселению русского служилого и податного населения, численности и этническому составу коренных жителей, а также особенностям ясачной политики уездных властей.

Ключевые слова: анкеты Академии наук, Г.Ф. Миллер, Вторая Камчатская экспедиция, Мангазейский уезд, население, демография, история.

Во время путешествия по Сибири в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) академик Г.Ф. Миллер поставил перед

собой целью собрать путем анкетирования официальные данные об истории, экономике, сословном составе, численности и расселении русского населения, его

повинностях, а также этническом составе, расселении и ясачных сборах коренного населения во всех сибирских уездах. Итогом этой работы стало собрание «ведомостей», состоящее из 7 громадных томов, сформированных ученым по территориальному принципу (исключая 7-й том, в который вошли материалы, полученные из различных церковных ведомств). Ответы поступили из всех уездов. Одними из самых объемных (190 с. рукописного текста) и информативных являются ответы на анкету, составленные в Мангазейской (Туруханской) воеводской канцелярии.

Как правило, ученый посылал анкеты в уездный город незадолго до его посещения. Исключение составляют анкеты, направленные в несколько северных городов (Туруханск, Нарым, Сургут и Березов) в 1738 г., поскольку в это время Миллер не планировал побывать в них (но все же побывал). Анкета по Мангазейскому уезду была подготовлена и отправлена Миллером в Туруханск через губернскую канцелярию 19 августа 1738 г. во время путешествия из Иркутска в Енисейск. Составление ответов на вопросы анкеты заняло у канцелярских служителей почти год. Когда Миллер прибыл в Туруханск 6 июня 1739 г., «Ведомость» была еще не готова, он смог получить ее только в день отъезда из города – 6 июля того же года¹. Заверен документ дворянином Алексеем Карамжиным и подканцеляристом Петром Дружининым.

Мангазейский уезд в это время входил в число самых малонаселенных по всей Сибири. Времена, когда в XVII в. в «златокопнящей Мангазее», прежнем административном центре уезда, проживало до 700–800 чел. и скапливалось перед соболиным промыслом в лучшие времена до 2000 промышленных, давно миновали [1, с. 202]. В 1739 г., согласно «Ведомости», в Туруханске насчитывалось всего 97 жилых дворов: 2 поповских, 1 дьяконский, 1 детей боярских, 65 служилых людей, 14 разночинцев, 8 промышленных людей и 6 посадских; 5 дворов пустовали. Исследователи связывают такие изменения с оскудением пушных промыслов, почти полным истреблением промышленными соболей, а также изменением путей колонизации Сибири, движением населения на юг.

Согласно штатному расписанию, в уезде должно было быть 134 служилых (4 сына боярских и 130 рядовых). Реально же в наличии в 1739 г. было всего 100 служилых (2 сына боярских и 98 рядовых), службу которых нельзя назвать легкой. Они посылались за сбором ясака (каждый год от 42 до 48 служилых), на заставу (2 чел.), «для зажигания маяков» на морском побережье (24 чел.), в Енисейск для доставки казны, товаров и канцелярских дел (от 4 до 8 чел.) и др. В результате, как сообщают авторы документа, «при городе остаетца по дватцати по пяти и по четьрнатцати, и по десяти человек»². Податное население уезда насчитывало 856 душ: промышленные люди (125 чел.), разночинцы (239 чел.), черносошные пашенные крестья-

не (25 чел.), пашенные крестьяне (17 чел.), посадские (379 чел.) и монастырские вкладчики (71 чел.).

Естественный прирост русского населения был практически нулевым. На вопрос анкеты о количестве родившихся и умерших за последние 10 лет по всем церквям уезда авторы в канцелярии смогли ответить лишь по приходу церкви в Туруханске: с 1729 по 1739 г. родилось 515 чел., умерло 512 чел. Причем число новорожденных мужского пола значительно уступало числу новорожденных женского пола (соответственно 226 и 289 чел.); иным было соотношение умерших разного пола (соответственно 272 и 240 чел.). Аналогичными данными по приходам церквей в погостах и Троицком монастыре в уездной канцелярии не располагали. Сравнение приведенных сведений с аналогичными анкетными данными по другим северным уездам с крайне неблагоприятными природно-климатическими условиями показывает их типичность. Так, в Нарымском уезде за 10 лет родилось 745 чел, умер 751; в двух приходах (по другим данным нет) Якутского уезда за 1732–1737 гг. родилось 378 чел., умерло 385 чел. [2, с. 93]. Для сравнения: в соседнем Енисейском уезде за 5 лет (1730–1734) родилось 3084 чел., умер 1501 чел.³ Таким же значительным был естественный прирост русского населения и в большинстве других земледельческих уездов Сибири.

В «Ведомости» приводятся чрезвычайно подробные сведения о поселениях русских жителей уезда, в основном дворах (с указанием сословной принадлежности и имени их владельцев) и зимовьях (обычно называлось только имя владельца), а также их местоположении, расстояниях между ними и устьями рек и речек, о других примечательных природных объектах. Ни одно из этих поселений не названо деревней, даже в случае, когда рядом стояли два или три двора. Всего указано более 200 поселений.

Помимо дворов и зимовий отмечены следующие поселения с постоянными жителями. 1. Мангазейский Троицкий монастырь, описание которого в «ведомости» отсутствует (авторы ссылаются на то, что соответствующие сведения должны поступить ученому от монастырских властей). 2. Заимка Троицкого монастыря, в которой была часовня, 1 келья и 1 работничья изба. 3. Хантайский погост (церковь с колокольной, винный кабак, 2 поповских двора, 1 двор посадского, 1 служилого, 1 двор Троицкого монастыря, 2 пустых). 4. Хатангский погост (церковь, 1 поповский двор и 3 якутских зимовья). 5. Авамское ясачное зимовье с 5-ю дворами служилых. В полевом дневнике Миллер пишет, что в прежние времена это поселение насчитывало около 50 жилищ⁴. 6. Винный завод откупщика Шишкина (сведений о том, что он собой представлял, не дается).

Все поселения, названные дворами, но вряд ли отличавшиеся от тех, что обозначены зимовьями, находились на Нижней Тунгуске в очень большом удалении от города. Приведем описание ближнего к городу

¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 5. Л. 107–201 об.

² Там же. Л. 145.

³ Там же. Портф. 481. Ч. 5. Л. 29 об.

⁴ Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 308.

двора: «В Туруханском ведомстве вверх по Нижней Тунгуске реке, от города Мангазеи верхового ходу недель з девять, а верст например с тысячу с шесть сот, имеется на левой стороне мангазейского ведомства государева пашенного крестьянина один двор Фарков. И при том зимовье на горе имеетца озеро, вкруг например версты с полторы, и пониже того двора с полверсты имеетца река Ерома Малая, а повыше от Фаркова зимовья с версту имеетца другая река Ерома»⁵. Здесь примечательно именование поселения то двором, то зимовьем. Помимо этого двора выше по Нижней Тунгуске находилось еще 5 дворов государевых пашенных крестьян, 8 дворов монастырских крестьян и 1 двор монастырского вкладчика.

Всего в «Ведомости» указано местоположение 195 действующих зимовий (включая 20 зимовий новокрещенных якутов), а также около 30 заброшенных. Хозяевами зимовий являлись не только промышленные люди, но и представители всех других податных сословий. Большинство из них владело лишь одним зимовьем, однако было немало и таких, которые помимо основного («коренного») имели и «отъезжие» зимовья. Их посещали в зависимости от сезонных обстоятельств (для рыбной ловли, охоты на мигрирующих диких оленей, ловли гусей и уток во время линьки и др.). Таких отъезжих зимовий у одного хозяина могло быть несколько, а больше всего их было в бассейне Енисея, у его устья. Зимовья были разбросаны на огромной территории по Енисею до его устья, на крупных притоках и реках, впадающих в Северный Ледовитый океан (Нижняя Тунгуска, Дудина, Хета, Пясины, Дудыпта, Хатанга, Попигаи, Авам и др.), а также вдоль океанского побережья. К западу от низовьев Енисея указано лишь несколько поселений, основной причиной их малочисленности была опасность нападений «вольной юрацкой самодия». Судя по всему, обитателям зимовий удалось наладить добрые взаимовыгодные отношения со всеми другими коренными народами уезда, не исключая воинственных тунгусов, поскольку в противном случае выживать было невозможно.

Основными занятиями жителей уезда, естественно, были охота и рыбная ловля. Составители документа утверждают даже, что «довольствуютца» жители уезда исключительно продуктами рыбной ловли и охоты, а также хлебом, привозимым из Енисейска. В документе ничего не говорится о занятиях местных жителей скотоводством, хотя таковое существовало в недавнем прошлом не только в городе, но и в уезде. В «Описании сибирских народов» в главе о скотоводстве Миллер сообщает: «Прежде также и в Мангазейском уезде русские занимались скотоводством почти во всех зимовьях, от Туруханска вниз по реке до Толстого носа... Но с 1730 г. в Мангазейском уезде 4 года подряд у рогатого скота была эпизоотия, так что он весь издох, и теперь от него нигде ничего не осталось, кроме как в одном лишь городе Туруханске» [3, с. 213]. Можно предположить, что многие из опустевших зимовий

были оставлены как раз по этой причине. Нам трудно объяснить все причины, по которым сотни семей продолжали жить в суровых природных условиях, в полной изоляции большую часть года и подчас на грани выживания. Мы полагаем, что среди этих причин была и отмеченная участником Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллером при описании промышленных людей Иркутского уезда: «Особенное удовольствие им доставляет то, что ими никто не командует, и они сами себе господа» [4, с. 36].

В отличие от большинства уездов Сибири коренное население Мангазейского уезда учитывалось не по волостям, землицам или улусам, а по 15 ясачным зимовьям, к которым были приписаны ясачные. В некоторых из этих зимовий служилые жили постоянно (помимо прочего, охраняя заложников-аманатов), другие же посещались ими лишь во время сбора ясака. Ясачное население уезда было представлено тунгусами, самоедами-ненцами, самоедами-юраками, остяками (так тогда именовались разные народы – кеты, селькупы и ханты), тавгами (нганасами) и якутами. Согласно записанным в полевом дневнике показаниям информаторов Миллера, якуты и тунгусы-долганы переселились в Мангазейский уезд из Якутского из-за тяжести ясачного гнета на их прежней родине⁶. Следует упомянуть, что в число коренных жителей уезда могли войти и западные (колымо-алазейские) чукчи, которые, согласно показаниям ряда информаторов Миллера, в количестве около 40 семей в конце первой четверти XVIII в., спасаясь от набегов восточных сородичей, проделали огромный путь на запад, достигнув пределов Мангазейского уезда (отдельные семьи добрались даже до низовьев Енисея), но были истреблены, предположительно тунгусами, самоедами и русскими [3, с. 88–91].

Общую численность коренных народов уезда возможно определить лишь приблизительно, исходя из количества плательщиков ясака. Согласно анкетным данным, ясак должны были платить 963 чел. (918 взрослых и 45 подростков), в том числе 394 тунгуса, 220 тавгов, 118 ненцев, 61 юрак, 118 остяков и 52 якута. Если исходить из методики подсчета численности коренного населения Сибири, предложенной Б.О. Долгих (путем умножения числа плательщиков ясака на 4, а в отдельных случаях на 5) [5, с. 13], то численность указанных народов составляла около 4 тыс. чел. Впрочем, следует отметить достаточно большую условность данной методики, поскольку коэффициент мог значительно варьировать в зависимости от региона, этнической принадлежности ясачных, политической ситуации и др.

Окладной ясак, как почти по всей Сибири, определялся в соболях, а реально взимался, за исключением небольшого количества соболей, другими мехами – лисьими, волчьими, песцовыми, рысьими, росомашьими (каждая шкура приравнивалась к одному соболю), горностаевыми (20 горностаев за соболя), беличьими (100

⁵ Там же. Портф. 481. Ч. 5. Л. 112.

⁶ Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 308 об.–309.

белок за соболя), а также необработанными лосиными (1 – за соболя) и оленьими (карлушины) (5 – за соболя) шкурами. Исключение составляли тавги, которые должны были платить ясак ровдугами (очищенными от шерсти и подкожной клетчатки выделанными оленьими шкурами). Объясняется это, видимо, не столько тем, что в местах кочевий тавгов пушных зверей было мало, сколько большим спросом на «авамские» (по названию ясачного зимовья) ровдуги, отличавшимися высоким качеством [6, с. 290].

Размеры ясака были неодинаковыми для представителей разных народов и даже разных родов. Так, почти все тунгусские роды должны были платить по 3 соболя с взрослого ясачного и по 1–2 соболя – с подростков. Исключение составляли тунгусы, относившиеся к Подкаменному зимовью, с которых взималось соответственно по 5 и 1 соболю. В среднем несколько большим был ясак у самоедов: до 4 соболей – у взрослых плательщиков и до 3 – у подростков. Наиболее высокие оклады были у остяков: 5 соболей на каждого взрослого и до 4 на подростка. Тавги делились на несколько групп по принципу знатности и состоятельности, представители каждой из которых платили от 2 до 7 ровдуг. Значительная часть коренного населения относилась к категории неокладных ясачных, вносивших нефиксированный ясак в размере, который они считали приемлемым для себя (все якуты, «вольная юрацкая самоедь», 40 остяков и 10 тунгусов). Показательно, что не существовало никаких послаблений для тех, кто принял православие, а таковыми было, к примеру, большинство остяков.

Объяснение указанных выше различий мы видим в следующем. Основным критерием для определения размера ясака были не экономические возможности плательщиков, а степень их покорности властям, военный потенциал сторон, возможность применения силы для взыскания ясака в полном объеме и, наконец, доступность ясачных для отрядов служилых. Так, среди всех народов уезда наиболее воинственными, склонными к актам неповиновения и даже вооруженным выступлениям против русских, являлись самоеды-юраки и тунгусы, которые кочевали в отдаленных районах тундры и тайги, нередко нападали на русских промышленных и служилых. Тунгусы отваживались даже на нападения на ясачные зимовья и убийство ясачных сборщиков. Так, в документе сообщается: «От Турыжского устья вверх по Нижней Тунгуске реке расстоянием верст с семдесят имеетца на правой же стороне ясажное пустое Илимпейское зимовье. А оное зимовье опустело для того, что в прежние годы ясажные тунгусы мангазейских служилых людей убили до смерти и после того во оное зимовье показанные тунгусы ходить не стали»⁷. Остяки, большая часть которых была крещена, вели полуоседлый образ жизни и находились поблизости от Енисея. Этими обстоятельствами, а также покорностью остяков властям и объясняются, на наш взгляд, их высокие ясачные оклады.

Полная уплата окладного ясака, как и взыскание недоимок, были редкими исключениями. В «Ведомости» даются чрезвычайно подробные сведения о ясачном сборе за последние три года (1736–1738) по всем родам и зимовьям. Полная уплата ясака за эти годы отмечена лишь дважды: пятью тунгусами, относящимися к Есейскому зимовью, и тавгами. Относительно последних даже подчеркнуто, что «... оные ровдуги показанные тавги повсягодно платят против оклада сполна»⁸. Обычной же была уплата около половины, трети и даже менее от оклада. Так, остяки, относившиеся к Инбацкому зимовью, должны были уплатить за три года 1005 соболей, собрать же с них удалось мехов лишь за 222 соболя. Некоторые тунгусские роды годами вообще ничего не платили, и властям приходилось мириться с этим. Так, тунгусы Чапагирского зимовья должны были вносить по 146 соболей в год: «И со оных тунгусов в 736 и 737 годех ясаку ничего не собрано для того, что к ясажному зимовью оные тунгусы не бывали и сыскать их мангазейские служилые люди не могли, токмо с одного человека тунгуса, едучи ис того зимовья дорогою, взято в 737 году сто белок за одного соболя»⁹. Можно предположить, что ясачные сборщики не особо усердствовали в поисках указанных тунгусов, так как в предыдущие годы (когда именно, в документе не сказано) те убили служилых, пришедших за ясаком, и надолго исчезли из поля зрения властей.

Рассмотренные материалы ответов на анкету Миллера показывают, что, несмотря на массовый отток русского населения Мангазейского уезда в XVII в. на юг, край не обезлюдел полностью – сотни семей разных сословий продолжали заселять огромные пространства от южных границ уезда до Северного Ледовитого океана, зачастую в местах кочевий коренных народов. А это предполагало преимущественно мирный добрососедский характер взаимоотношений между жителями зимовий и аборигенами. Приведенные материалы также опровергают распространенное мнение об исключительной тяжести ясачного гнета для всех коренных народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989.
2. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990.
3. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.
4. Элерт А.Х. Георг Вильгельм Стеллер: «Иркуцкие нравы и образ жизни» // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 32–41.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960 (Труды Ин-та этнографии; нов. серия; Т. 55).
6. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009.

Статья поступила
в редакцию 23.11.2012

⁷ Там же. Портф. 481. Ч. 5. Л. 111.

⁸ Там же. Л. 142 об.

⁹ Там же. Л. 134 об.

УДК 94(47).072/073(093)

Е.Н. ТУМАНИК

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТА И.Д. ЯКУШКИНА

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

Статья посвящена характеристике эпистолярного корпуса одного из самых известных декабристов. Письма И.Д. Якушкина сохранились в значительном объеме и представляют собой идейно связанные пласты документов, что позволяло историкам в разные годы активно публиковать комплексы его эпистолярики. Помимо общих классификационных данных и систематизации эпистолярного наследия, в статье на базе писем декабриста сделана попытка охарактеризовать его личность и менталитет, психологический тип – столь важные для воссоздания истории движения декабристов в целом, в котором Якушкин являлся важнейшей знаковой и типологической фигурой.

Ключевые слова: декабристы, мировоззрение, освободительное движение, сибирская ссылка, эпистолярное наследие.

Иван Дмитриевич Якушкин (1793–1857) – один из самых известных декабристов, стоявших у основания тайных политических обществ в России. Член Союза спасения и Союза благоденствия, активный участник Московского заговора 1817 г., вызвавший на царевубийство, – именно этот образ запечатлен А.С. Пушкиным и известен с детства каждому читателю «Евгения Онегина» («...Меланхолический Якушкин, Казалось, молча обнажал Цареубийственный кинжал...»). Отчасти поэтому фигура декабриста стала хрестоматийной для нашей культуры. Но не будем забывать и обратную связь – если бы Иван Дмитриевич не обладал яркой и самобытной индивидуальностью, выдающейся, интересной и во многом знаковой, даже типичной для пушкинской эпохи, русского «золотого века», не был бы яркой звездой декабристского круга, – то, возможно, его личность не удостоилась бы внимания поэта. Итак, «меланхолический Якушкин», таким ли он был, справедливо ли это пушкинское определение, ставшее для нас, в общем-то, аксиомой... Разобраться в этом поможет голос самого декабриста, идущий из глубины веков, а именно, его письма, сохранившиеся, к счастью, в довольно значительном объеме.

Интерес, особенно примечательный для нашего времени, к наследию И.Д. Якушкина подтверждает факт выхода в 2007 г. репринтного издания «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина», подготовленного С.Я. Штрайхом более полувека назад [1]. Этот крупнейший опубликованный блок эпистолярики Якушкина объединяет 178 его писем. Всего же в настоящее время известно около 270 писем декабриста, из них десятая часть пока ждет своего выхода в свет.

Отдельные письма декабриста публиковались еще в дореволюционных изданиях. Из них, прежде всего, стоит выделить ярчайший документ по истории декабризма в целом – послание Якушкина к теще Н.Н. Ше-

реметевой от 13 марта 1832 г. из Петровского Завода, ярко живописующее не только условия повседневного быта узников 14 декабря, но и, что особенно важно, умонастроение и мировосприятие автора, думается, во многом типичное и для его сотоварищей. В 1915 г. письмо дважды публиковали различные издания [2; 3], подлинник хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Но есть еще и копия (список), выполненная в Москве 29 сентября 1832 г. для семейства Шереметевых, она хранится в их фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹. Это письмо, при всей внешней обыденности и спокойной повествовательности тона, поражает своим трагизмом и невольно заставляет задуматься о силе духа и мужестве Якушкина, что дает материал для развития концепции Ю.М. Лотмана об особом «поведенческом типе декабриста» [4].

В эпистолярике И.Д. Якушкина без труда можно выделить ряд отдельных комплексов, классифицируемых не только по адресному или хронологическому принципу, но и содержательно, даже идейно. Прежде всего, это письма к кн. И.Д. Щербатову – ценность данной подборки заключается также в том, что она датируется 1816–1821 гг., периодом до восстания на Сенатской площади, а это является большой редкостью в контексте реконструкции корпуса декабристской эпистолярики в целом. Далее следует говорить о крупных опубликованных блоках эпистолярного наследия И.Д. Якушкина (о чем будет сказано подробнее чуть ниже): к сыновьям (сибирский период), И.И. Пущину (сибирский период), М.А. Фонвизину (сибирский и частично досибирский период). Существует еще

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 279. Оп. 1. Д. 147. Л. 7–10 об.; Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 340.33.17. Л. 1–2 об.

один интереснейший комплекс писем декабриста – к Н.Д. Фонвизиной, пока в основной своей части неопубликованный (неопубликованная часть – 18 писем на французском языке за 1837–1850 гг.)².

В разные годы из печати выходили отдельные подборки якушкинских писем, единые по духу и содержанию, на «одном дыхании» воспринимаемые читателями. Первым в 1928 г. крупный комплекс писем декабриста выпустил в свет В.Н. Нечаев – упомянутые выше послания Якушкина к своему другу Щербатову (36 писем) [5]. Время переписки совпало с этапом активной деятельности декабриста в тайном обществе, а также, как известно, с периодом его несчастной любви к сестре адресата – Н.Д. Щербатовой. Личная трагедия Якушкина, без сомнения, сказавшаяся и на всей его последующей жизни, и на деятельности в тайном обществе, и на моделях взаимоотношений с людьми, в полной мере отразилась в этих посланиях.

Идеи общественного служения и свободы, бывшие неотъемлемой частью самосознания декабриста, стали для него своеобразным выходом из кризиса – не найдя счастья и взаимности, он решает принести свою жизнь в жертву Отечеству, вызвавшись на цареубийство во время Московского заговора 1817 г. и предполагая сразу же после смерти Александра I лишиться жизни и себя. Позже, желая уйти от личной драмы, декабрист концентрируется на проектах освобождения собственных крестьян, желая дать свободу крепостным хотя бы в своем имении, если невозможно переломить государственную систему, создавая тем самым прецедент, весьма значимый в контексте декабристской идеологии.

Тем не менее общественное не подавляет личное, и вскоре И.Д. Якушкин предстает перед нами если не сломленным человеком, то пришедшим к определенному жизненному кризису. Вот что он пишет другу и члену Союза благоденствия П.Х. Граббе 21 октября 1821 г.: «Большую часть моей молодости я пролюбил; любовь сменило какое-то стремление исполнить некоторые обязанности ... с некоторого времени кажется во мне сомнительность и дает мне какой-то вид лицемерия; в самом деле, трудно уверить себя, что стремишься к цели, когда ясно видишь, что беспрестанно от нее отдаляешься; что же остается в жизни? Пустить коренья и принять вид растения» [6, с. 235].

В этих строках заключены не только озвученные самим автором определенные итоги жизненного пути, а также и оценка им своей политической деятельности, видящаяся ему на данном этапе как «лицемерие». Тогда же, в октябре 1821 г., И.Д. Якушкин, мучимый совестью именно из-за «неисполнения» тех самых «некоторых обязанностей», принимает решение отправиться в Грецию, чтобы проявить себя в деле реальным, действенным участием в национально-освободительном движении (еще раньше в 1818 г. он серьезно размышлял об отъезде с той же целью в Америку) [6, с. 222, 236]. Надо сказать, что это было

не только якушкинское восприятие состояния в освободительном движении России и декабристских организациях того времени – он просто фиксирует общее положение тайного общества в определенный момент. Обращаясь к личности и психологии И.Д. Якушкина, стоит лишний раз подчеркнуть справедливость точно подмеченной Пушкиным его классической «меланхоличности», которая и позже никуда не ушла и осталась с декабристом до конца его дней, так или иначе проявляя себя.

В 1938 г. появилась крупная, подготовленная Н.П. Чулковым публикация двух комплексов писем И.Д. Якушкина сибирского периода: 1) к сыновьям Вячеславу и Евгению и жене Евгения Елене Густавовне (44 письма), 2) к И.И. Пущину (7 писем) [7]. Письма к детям – особая тема в эпистолярике Якушкина. Несмотря на отдаленность и разобщенность, на то, что декабрист был вырван из семьи и не мог принимать личного участия в воспитании сыновей, он сохранил с ними тесное общение и самые теплые отеческие отношения – это, без преувеличения, уникальное явление в контексте истории декабристской ссылки.

В письмах к Пущину, одному из своих лучших друзей, И.Д. Якушкин был предельно открыт и свободен в высказываниях, делился очень многим и рассказывал буквально обо всем – о своих повседневных заботах и событиях жизни товарищей по ссылке, об устройстве и деятельности своих школ, об отношениях с местными властями в лице чиновников различных рангов. Секрет откровенности и информативности их переписки в том, что, как правило, послания шли не по почте, а через различных частных лиц в обход надзора. Пущин и Якушкин не были товарищами по тайному обществу, а познакомились по пути на каторгу, тем не менее, общие интересы – общественно-политические, научные, просветительские, философские, житейские – необычайно сблизили их. Пущин, человек жизнерадостный и неунывающий, необычайно энергичный, очень сильно воздействовал на личность Якушкина именно своим оптимистическим характером и жизнелюбием, и их общение самым положительным образом влияло на последнего, спасало его от депрессии и уныния, подводило к активной социальной позиции и общественной деятельности. Письма И.Д. Якушкина к И.И. Пущину настолько интересны в событийном и бытописательном плане, в контексте истории повседневности они выглядят настолько живыми, что, конечно же, вызвали стремление исследователей продолжить их публикацию. В середине 1950-х гг. под редакцией М.К. Азадовского вышел в свет юбилейный сборник «Декабристы. Новые материалы» с очередной подборкой якушкинских писем, на этот раз из фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина, среди которых еще несколько посланий к И.И. Пущину [8, с. 276–289].

Публикацией в сборнике «Декабристы. Новые материалы» был оформлен еще один интереснейший комплекс эпистолярного наследия И.Д. Якушкина –

² НИОР РГБ. Ф. 319.4.56. Л. 1–40 об.

письма к декабристу М.А. Фонвизину, а также обозначен и другой, не менее любопытный – послания к его жене Н.Д. Фонвизиной. Фонвизин был одним из лучших друзей Якушкина, одним из немногих, с которыми он был на «ты». Именно Якушкин принял своего друга в тайное политическое общество и, как явствует из переписки, на протяжении всей жизни являлся для него духовным и нравственным советчиком. Письма к Н.Д. Фонвизиной еще ждут своего выхода в свет, но уже сейчас можно сказать, что они дадут обширный материал о взглядах декабристов на «женский вопрос», о роли женщины в обществе и ее предназначении. Наталья Дмитриевна оказывала несомненное нравственное воздействие на Якушкина, именно она спустя многие годы помогла преодолеть ему ту душевную рану первой неразделенной любви к Н.Д. Щербатовой, которая на протяжении очень долгого времени была столь болезненной для декабриста [8, с. 255–276, 289–295].

Как уже отмечалось, попытка публикации наиболее полного собрания эпистолярики Якушкина была предпринята С.Я. Штрайхом чуть ранее выхода в свет сборника «Декабристы. Новые материалы». В труде, опубликованном в академической серии «Литературные памятники», сведены воедино все изданные комплексы писем и отдельные послания декабриста, дополненные новыми, выявленными к середине XX в., архивными данными. Но, к сожалению, при всех достоинствах данного тома, работа С.Я. Штрайха «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» не лишена недостатков, прежде всего, в верной передаче текстов источников и их интерпретации комментатором [6]. Сверка с рукописями обнаруживает частые несовпадения в передаче авторского текста, неправильные прочтения, что искажает смысл и содержание писем. Приведем два ярких примера (курсив наш. – Е.Т.):

1) Е.Г. Якушкиной, 13 апреля 1856 г., Иркутск.

Текст первоисточника: «...Письмо твое от 14 марта мы получили *с прошедшею почтою*, ... в это время отправилось в Иркутск несколько *на-рочных*... *Известие* о замужестве Софьи меня очень огорчило...»³.

С. Я. Ш т р а й х: «...Письмо твое от 14 марта мы получили; *я прождал письмо* ... в это время отправилось в Иркутск несколько *приятелей*... *Письмо* о замужестве Софьи меня очень огорчило...» [6, с. 437].

2) В.И. Якушкину, 15 марта 1857 г., Москва.

Текст первоисточника: «...Все *это живые люди, и с ними живет* легко»⁴.

С. Я. Ш т р а й х: «...Все *эти люди живые, и я с ними живу пока* легко» [6, с. 445].

Список подобных разночтений можно продолжить. Тем не менее даже спустя более чем полвека

издание, подготовленное С.Я. Штрайхом, является единственным наиболее полным собранием писем декабриста.

Таким образом, опубликованное эпистолярное наследие декабриста, при всей его объемности, не выглядит целостным и производит впечатление фрагментарности. Дело даже не в том, что публикации рассредоточены по различным изданиям. С.Я. Штрайх сделал попытку объединения всего эпистолярного корпуса, но, тем не менее, отдельные периоды жизни декабриста остались совершенно «выключенными» из его переписки. Некоторые письма И.Д. Якушкина разбросаны и по сей день по различным архивохранилищам. Символичным выглядит и уже упомянутое появление в 1955 г., после академического издания Штрайха, которое, казалось бы, должно было поставить «жирную точку» в деле публикации якушкинского наследия, новой значительной и информативнейшей публикации эпистолярики декабриста («Декабристы. Новые материалы»). Думается, это было сделано сознательно, а в предисловии к изданию М.К. Азадовским особо подчеркнуто, что «письма И.Д. Якушкина дополняют ... изданное С.Я. Штрайхом в 1951 г. собрание его писем» [8, с. 4]. Таким образом, проблема была поставлена снова еще тогда. Заметим, что М.К. Азадовский после выхода работы С.Я. Штрайха практически сразу же выступил с ее критикой [9]. Отсюда следует актуальная публикаторская задача – сформировать весь эпистолярный корпус Якушкина как можно более полно без пропусков и временных пробелов. Сегодня эта задача, при всей своей сложности, кажется вполне посильной и выполнимой. После сложной и кропотливой работы по сведению воедино неопубликованного и опубликованного эпистолярного наследия И.Д. Якушкина ясно вырисовывается «каркас» реконструированного корпуса.

Якушкин, является, возможно, единственным декабристом, пережившим многолетнюю сибирскую ссылку и не потерявшим тесных взаимоотношений с семьей и семейным кругом, оставшимися в Европейской России. Поражают его прочные духовные связи с сыновьями, даже с племянниками, прежде всего, с Василием и Софьей Муравьевыми. Он никогда не был исключен из семейства, он даже не отдалялся от него, как будто незримо присутствуя в кругу ближайших родственников, Якушкин всегда оставался для них близким и родным человеком. В этом феноменальном явлении огромная и неоценимая заслуга тещи декабриста – Надежды Николаевны Шереметевой, вокруг которой и под духовным авторитетом которой жил семейный клан Якушкиных-Муравьевых, сформированный семьями ее дочерей Анастасии (в замужестве Якушкиной) и Пелагеи (супруги М.Н. Муравьева). По воспоминанию Е.И. Якушкина, Н.Н. Шереметева испытывала «какое-то поклонение к моему отцу» и «до самой своей смерти она писала ему непременно раз в неделю» [7, с. 479]. Сохранилось письмо Василия Муравьева, племянника И.Д. Якушкина, прибывшего в марте 1848 г. в Сибирь в качестве адъютанта

³ Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом), Рукописный отдел (ИРЛИ РО). Р. I. Оп. 40. Д. 49. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 37. Л. 8.

гр. Н.Н. Муравьева-Амурского о встрече в Ялуторовске с дядей, которого он знал только по переписке, рассказам бабушки и родных. Волнующее ожидание сменяется радостью долгожданной встречи двух близких и по-настоящему родных людей:

...Когда он вошел в комнату, то мы стояли молча несколько минут друг перед другом, он узнавал меня, и я – его по портрету, но признаться не решались. Ив[ан] Дм[итриевич] обнял меня первый, и с той же минуты мы считали себя уже как бы давно знакомыми. Несколько часов, которые мне можно было уделить ему, мы проговорили об родных, ...и тут-то я вполне оценил эту прекрасную душу, но для полноты этой оценки надо видеть, впрочем, и жилище его, а также и школу, и тогда всякому нетрудно убедиться в высокой добродетели и редких качествах этого человека. ...И тут я увидел, что все похвалы, слышанные мною об Ив[ане] Дм[итриевиче] слишком слабы, чтобы по ним можно было верно заключить об его достоинствах⁵.

Близость Якушкина с семьей тем более поразительна, что у него были достаточно сложные отношения с женой – именно в этом и стоит искать главную причину того, что она, вопреки своему горячему желанию, так и не последовала за мужем в Сибирь [9]. Это утверждение, конечно, кажется совершенно не хрестоматийным, хотя в нашей историографии такое мнение достаточно прямо высказывала еще Э.А. Павлюченко [11, с. 47–48], а в свете глубокого анализа якушкинской эпистолярики, опубликованной и неопубликованной, об этом можно говорить совершенно определенно. Например, в письме от 13 марта 1832 г. И.Д. Якушкин уверенно говорит о приезде жены как о деле решенном, но создается впечатление, что это иллюзия, в которую он не верит прежде всего сам, но проговаривает, как привычный рефрен, выдавая вымысел за настоящее, предавая свои мысли бумаге и тем самым почти материализуя их.

С внешней стороны приезду Анастасии Васильевны мешает только одно – проблемы с воспитанием и образованием детей. Якушкин, с одной стороны, как бы хочет ее приезда, собирается даже строить дом, но, с другой стороны, по его мнению, оставить детей в России также невозможно – ни на попечении родных, ни в каком-либо учебном заведении [6, с. 252–254]. Таким образом, создается неразрешимая дилемма, и А.В. Якушкина стоит перед выбором – муж или дети, причем ответственность за судьбы сыновей целиком и полностью лежит на ее плечах. Якушкин зовет ее в Сибирь, но в то же время оставить детей не разрешает. Если бы она приехала в Сибирь, то жила бы с чувством вины за брошенных детей, она и осталась – и жила с чувством вины, что не последовала за мужем в Сибирь. Думается, ее преждевременная смерть и явилась последствием этих переживаний.

Письма Якушкина к жене из Сибири достаточно сухи и нравоучительны, в них не чувствуется любви и страданий разлуки. В качестве примера можно привести послание от 3 июня 1838 г., где он пишет жен-

щине, воспитывающей его детей и страстно любящей его самого, жалуясь ему в том, что она «мертва» без него, о ее «прозябании», а далее пускается в философские рассуждения, что такие условия ее жизни помогают сохранить «всю свежесть своих чувств» («Растения, которым не дают цвести, дольше других остаются зелеными и свежими») [6, с. 260]. К сожалению, многолетняя несчастная и неразделенная любовь к Щербатовой наложила серьезный отпечаток и на отношения Якушкина с женой. Женившись, он не ушел от кризисного состояния. Страшно боясь «прозябания», он не мог избавиться от чувства, что живет в нем. К сожалению, он не понимал и не ценил своей супруги – ее благородная простота, молодость, чистота души принимались им за то самое «прозябание», от которого он бежал. В конечном итоге, он просто не давал собственной жене развиваться как личности, недооценивал ее и не стремился оценить. И, тем не менее, как справедливо подчеркнула Э.А. Павлюченко, «Анастасия Васильевна хорошо воспитала сыновей, она привила им не только любовь к отцу, но и уважение к его взглядам» [11, с. 47].

Трудно сказать, чем в действительности стала для Якушкина смерть супруги в 1846 г. – считается, что это явилось для декабриста тяжелым потрясением, именем жены он называет свою школу для девочек, посвящая ее памяти часть своего просветительского труда в Сибири. Но по-прежнему не ясно – начинает ли он, наконец, чувствовать свою вину перед Анастасией Васильевной или просто пытается философски оправдаться? А.В. Якушкина, безусловно, не заслужила такой судьбы. В оправдание декабристу можно сказать лишь то, что Якушкин впоследствии все-таки многое переосмыслил в женском вопросе, по крайней мере, пытался это сделать, о чем может свидетельствовать содержание его переписки с Н.Д. Фонвизиной.

Итак, фигура И.Д. Якушкина, безусловно, трагическая – думающий, глубоко чувствующий человек, страдающий, переживающий, благородный, старающийся философски переосмыслить действительность, но часто не справляющийся с этой задачей, особенно в молодые годы из-за другой более сильной тогда стороны натуры – сильнейших страстей, чувств и переживаний. В молодости именно они направляли все его действия, что выразилось, в частности, в его несчастной любви к Н.Д. Щербатовой – бурной и трагической. В этом же ракурсе стоит рассматривать выраженную до крайностей его позицию в тайном обществе – бескомпромиссный вызов на царевубийство ради спасения Отечества. Умеющий тонко и умозрительно рассуждать, умный, даже мудрый, Якушкин в таких ситуациях терял способность мыслить рационально, доходя даже до грани компрометации себя и окружающих. Причиной тому – сильнейшие эмоции и переживания, слишком драматическое восприятие действительности, которые он, будучи молодым, не мог побороть и оказывался в их власти. Грусть, уныние и заметная доля трагизма были свойственны самосознанию Якуш-

⁵ НИОР РГБ. Ф. 340. 34.13. Л. 59–59 об.

кина даже в недолгие годы его семейного счастья и домашней идиллии.

Заключение в крепость и сибирская каторга дали новый импульс развитию натуры декабриста – действительная жизненная драма во всей своей полноте обрушилась и на без того трагическое мировосприятие этого человека, но не раздавила его, а способствовала перерождению – нравственному, духовному, философскому. Причиной тому – сильный характер Якушкина, его безусловное мужество и стойкость. Драматизм мировосприятия сменяется кротостью, потом на смену всему этому приходит горячее и страстное желание помогать людям, приносить пользу, что находит выражение в подвижнической педагогической деятельности в Сибири, основании народных школ. Но меланхолия остается – Якушкин по-прежнему одинок, у него мало настоящих друзей, в то же время он постоянно примеряет повышенную нравственную планку по отношению к себе и окружающим, стремится к жизненной мудрости и философской справедливости в оценке себя и других. Безусловно, Якушкин – это особый тип русского человека, один из столпов эпохи; охарактеризовать и познать эту интереснейшую личность – значит познать еще один пласт русской культуры и самосознания, русского менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / И.Д. Якушкин; ред. и ком. С.Я. Штрайх. – Репр. изд. 1951 г. СПб., 2007.
2. Голос минувшего. 1915. № 2. С. 210–213.
3. Русские Пропилеи. М., 1915. Т. 1: Материалы по истории русской мысли и литературы. С. 82–83.
4. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.
5. Декабристы и их время: Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. I. С. 151–186.
6. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / И.Д. Якушкин; ред. и ком. С.Я. Штрайх. М., 1951.
7. Декабристы: Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 400–469.
8. Декабристы: Новые материалы / под ред. М.К. Азадовского. М., 1955.
9. Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // Новый мир. 1953. № 3. С. 253–256.
10. Якушкин Н.В. Несостоявшаяся поездка А.В. Якушкиной в Сибирь // Новый мир. 1964. № 12. С. 138–159.
11. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании: о женах и сестрах декабристов. М., 1976.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2012

УДК 323.328(571.5)''1796/1833''

Е.В. КОМЛЕВА

КРАСНОЯРСКИЕ КУПЦЫ НА ИРКУТСКОМ РЫНКЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот источников – рукописных материалов семейства купцов Ларионовых – рассматривается деятельность красноярского купечества на иркутском рынке в первой трети XIX в. Публикуется «Реестр с записями расходов» П.Ф. Ларионова, датируемый 1808 г.

Ключевые слова: купечество, торговля, ассортимент товаров, свидетельства современников.

Два крупнейших центра Восточной Сибири – Иркутск и Красноярск – с самого начала своего основания играли важную экономическую роль для прилегающей к ним округи, выполняя функцию распределительных пунктов, через которые перемещался значительный товаропоток из Центральной России, Китая, Монголии, Средней Азии, расходясь по всей Сибири. Существовавшие между этими городами торгово-экономические связи особенно окрепли к концу XVIII в., когда уже почти все транзитные грузы перевозились по Московско-Сибирскому тракту, а водный путь через Енисейск перестал использоваться [1, с. 33]. В конце XVIII – начале XIX в. из Красноярска в Иркутск везли промышленные товары из

Европейской России, гнали большие табуны крупного рогатого скота, поставляли алтайский мед, а также скупленные в верховьях Енисея хлеб и масло. В свою очередь, красноярские торговцы закупали в Иркутске китайские товары, привозившуюся из Якутии и Аляски пушнину.

Экономическое развитие Иркутска и Красноярска в XVII–XIX вв., их роль как узловых центров транзитной торговли в регионе, состояние местного купечества рассматривались в работах многих дореволюционных, советских и современных исследователей, однако торгово-экономические отношения, которые связывали жителей этих городов, не стали предметом специального изучения. Находящиеся в Государственном

архиве Красноярского края документы из уникальной рукописной коллекции купцов Ларионовых (подробнее о ней см.: [2]) позволяют осветить некоторые вопросы, касающиеся торговли красноярских купцов в Иркутске в первой трети XIX в.

Несмотря на малочисленность красноярского купечества и долговременное отсутствие значительных капиталов, восточное направление составляло важную часть коммерции местных гильдейцев, поскольку существенная разница цен делала выгодным сбыт там скота и продуктов сельского хозяйства. Например, в конце 1780-х гг. приобретенная в Красноярске за 4–5 руб. говяжья туша оценивалась в Иркутске в 14–15 руб. [3, с. 61]. В 1820–1830-х гг. в Иркутске пуд ржаной муки стоил 0,4–0,7 руб., пшеничной – 1,6–2 руб., говядины – 2,0–3 руб., сливочного масла – 16,0–20 руб. [4, с. 17], в Красноярске же в это время за пуд ржаной муки давали 0,34–0,45 руб., пшеничной – 0,55–0,7 руб., говядины – 1,4–1,6 руб., сливочного масла – 8–10 руб.¹ Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в Иркутске делались закупки провизии и промышленных товаров для поставок в Якутск и для активно осваиваемой со второй половины XVIII в. Аляски. С конца XVIII в. в Иркутске находилась контора Российско-Американской компании, которая ежегодно заказывала крупные партии сыромятных кож и кожаных сум для промысловиков².

Надо сказать, что Иркутск и прилегающая к нему территория отличались также гораздо более развитой торговой инфраструктурой по сравнению с Красноярском и образованной в 1822 г. Енисейской губернией. С 1775 г. в Иркутске проводились две (с 1830-х гг. – одна) ежегодные ярмарки с немалым товарооборотом (в конце XVIII в. он достигал 3,7 млн руб., или 6 % от общероссийского ярмарочного оборота) [3, с. 50]. В 1830-х гг. на территории Иркутской губернии насчитывалось 34 ярмарки, среди которых были и крупные городские³, в то время как в Енисейской губернии – лишь 17 [5, с. 74–75], проходивших в уездных селениях [6, с. 8].

С конца XVIII в. на розничную торговлю в Иркутске установилась монополия местных купцов – приезжие торговцы могли свободно торговать только на ярмарках, а после их окончания обязывались «ни под каким уже видом и никому, кроме здешних купцов, в розницу не продавать» [7, с. 47]; однако среди красноярских купцов сложилась немногочисленная группа тех, кто специализировался на торговле с иркутянами и имел среди последних постоянных покупателей. Привлеченные возможностью получить прибыль в «торговой столице Сибири» [8, с. 110], в Иркутск в конце XVIII в. с разными товарами из Красноярска выезжали купцы М.С. Засорин, И.И. Суворов, П.А. и Е.Л. Пороховчиковы⁴. В 1806 г. в иркутское купечество записы-

вался проживавший в Красноярске как «иногородний гость» член 2-й гильдии А.П. Попов⁵.

По свидетельствам современников, в 1820-х – начале 1830-х гг. из Красноярска «велся значительный торг» в Иркутск и Кяхту сырыми коровьими и конскими кожами на обертку в Кяхте цибики с чаем; в Иркутск отвозили и много масла, сала и сальных свечей [9, с. 39–40]. Из числа красноярских купцов 7 чел. (В.Н. Власьевский, И.Я. Суханов, Х.В. Старцев, Я.В. Муруев, М.И. Коростелев, И.К. Кузнецов, П.Ф. Ларионов) в 1820-х гг. скупали хлеб, лошадей, крупный рогатый скот, сало, масло и кожи в Ачинском, Минусинском и Канском округах и везли все это для продажи в Иркутск. Одному из них – Х.В. Старцеву – в 1826 г. принадлежал кожевенный завод, на котором выделялось в год до 800 юфтевых и дубленых кож, отвозившихся в Иркутск⁶. Продукцию Знаменского стекольного завода в Заледеевской волости Красноярского округа в 1830-х гг. сбывали в Иркутске и Иркутской губернии красноярские купцы Коноваловы⁷. На иркутский рынок работала также расположенная в Ладейской волости бумажная фабрика В. Комарова⁸.

Часть красноярских купцов со временем перебиралась на жительство в Иркутск и Иркутскую губернию, входя в число местных купцов или мещан (Д. Степанов, П.Ф. Снегирева, потомки Б.Г. Каминера). В свою очередь жители Иркутска также пополняли ряды красноярского купечества (С.А. Зашихин, М.П. Кабаков, П.Ф. Ларионов, Ф. Шепелев, П.Д. Бронников, А. Куклин, Л.С. Степановский, Ф.П. Старцев, А.А. Плотников). Из других городов Иркутской губернии – Киренска и Илимска – были родом И.Ф. и П.Я. Прейны. Большинство этих людей (П.Д. Бронников, А. Куклин, Л.С. Степановский, Ф.П. Старцев, А.А. Плотников, Ф. Шепелев) вошли в красноярское купечество в 1840–1850-х гг., бум развития золотопромышленности в Енисейской губернии, и занялись работой на частных золотых промыслах [10]. Отметим, что в эти годы начинается новый этап в торгово-экономических отношениях между Иркутском и Красноярском: отныне главным рынком сбыта для красноярских купцов становятся золотые прииски в енисейской тайге, поглощающие ежегодно огромные объемы сельскохозяйственной и животноводческой продукции.

Об ассортименте ввозившихся в первой трети XIX в. в Иркутск из Красноярска товаров и объема поставок отдельных купцов можно судить по сохранившимся письмам красноярского купеческого сына Ивана Петровича Ларионова своему отцу Петру Федоровичу, относящимся к 1818–1822 гг. Коммерческий интерес этого семейства сосредотачивался по преимуществу как раз на торговле в Иркутске, где И.П. Ларионов проживал по несколько месяцев в году, сбывая

¹ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 142. Л. 112, 127–127 об.

² Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4471. Л. 37.

³ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 55. Л. 221.

⁴ ГАКК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 23. Л. 8–15 об.

⁵ Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 14. Л. 37 об.–38.

⁶ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 336. Л. 23.

⁷ ГАКК. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 73. Л. 154.

⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 73. Л. 154.

местным купцам поступавший из Красноярска товар. Для успешного ведения дел Ларионовы постоянно уведомляли друг друга о существовавших ценах, о ходе закупок и торговли.

Помимо крупного рогатого скота в письмах Ларионовых упоминаются 17 видов товаров, которые везли из Красноярска в Иркутск: говядина, баранина, соленая свинина, ветчина, мука пшеничная, мука ржаная (обдирная и простая), сухари, масло («русское» и «татарское»), топленое сало, мед, мыло жировое, свечи, сырые кожи, овчины, юфть, сумы кожаные, сукно сермяжное⁹. Например, 20 февраля 1818 г. Иван Петрович сообщал отцу, что «масла у нас продано в розницу около 110 пуд. ценою по 13 руб. и с лишечком; ...овчин у меня остается еще не в продаже с лишком 200, кожи сыры никто не торгует – давали только по 4 руб. 50 коп.»¹⁰.

Доставка всех этих товаров в Иркутск являлась хлопотным делом – обоз между двумя городами шел около 13 суток. Кроме того, на иркутском рынке красноярцам приходилось конкурировать с барнаульцами и томичами, поэтому быстро реализовать привезенную продукцию было непросто, тем более если она была не высшего качества, что иногда случалось. Так, в письме от 20 февраля 1818 г. И.П. Ларионов сетовал на подрядчика: «Петру Прокопьевичу я еще пишу благодарность, что он постарался купить масла нетопленова кислова, что никак и в рот взять нельзя, да и глядеть на него невозможно...»¹¹. Будни купца текли однообразно: «Петров здесь сидит в лавке с маслом, а я дома торгую овчинами; если овчины режу, то и ево домой отправляю»¹². О том, как подчас непросто было сбыть товар, свидетельствуют строки «...об торговых обстоятельствах могу вам донести: так как я был болен с лишком 2 недели, куда не ходил со двора, потому плохо и торговал, а Гаврило Петрович как-то к торговым делам не очень сроден и с покупателем обходится не так, как надобно. Ныне же не тот год – а покупателям надобно кланяться, а у него шея стара, не гибка...»¹³.

Часть товаров продавалась по дороге из Красноярска в Иркутск. В феврале 1818 г. Иван сообщал: «...имею честь уведомить: Гаврило Петров приехал со обозом в прошетчую среду к вечеру; клать вся благополучна; дорогою торговал он очень плохо – выручил только около 400 руб., да в Удинском оставил 1 воз масла у Петра Семеновича. Петров дорогою потому плохо торговал, ямщики сказывают, что против поставленных цен дорожилася маслом, также за говядину и баранину у него торговали всю ... давали по 6 руб. 25 коп. пуд, также, по-видимому, и масла мог бы боле 50 пуд. продать, а продал только 25 пуд.»¹⁴.

Особые трудности были связаны с торговлей скотом, который нужно было сначала закупить в верховьях Енисея, а затем пригнать в Иркутск. В Иркутске торговля мясом была монополизирована несколькими купцами [3, с. 60], которые скупали пригнанный скот на месте или сами подряжали кого-нибудь из красноярцев на его доставку. Сколько усилий и затрат требовалось для перегона крупного рогатого скота из Красноярска в Иркутск, видно, например, из «Реестра» с записями расходов П.Ф. Ларионова, датированного 1808 г. В Красноярске «чрез Енисей за сплав скота разным людям 15-ти чело-векам» было отдано 15 руб., «земскому исправнику и штаблекарю за свидетельство скота» – 15 руб., «в Канском при свидетельстве скота и в Удинске господам начальствующим отдано» 5 руб., «на содержание, на хлеб и соль и на харчевое» 7 наемных человек, нанятых для доставки «скотин» из Красноярска в Иркутск, требовалось 20 руб. Платить приходилось и в непредвиденных случаях: так, «за починку моста на Алгашете, который изломали в прогон скота, отдано» 12 руб., в Зиме «за поимку лошади, коя убежала из табуна и отыскана крестьянами отдано им за привод оной» 2 руб.¹⁵.

Из-за сложности перегонок скота в конце 1810-х – начале 1820-х гг. И.П. Ларионов долго не решался на это, считая, что покупать скот «только можно будет для городу, а для отгону нечево заниматься»¹⁶. Когда зимой 1821 г. иркутский купец С.И. Перетолчин стал настойчиво уговаривать его «доставить 500 скотин» в Иркутск, предлагая «наперед дать денег по 10 руб. на скотину в задаток», а остальные по прибытии, Иван Петрович долго сомневался: «Я такой смелости ... не имею, чтоб наперед с доставкой решиться на барыш; если он согласится принять на месте вверху, то, может быть, и сделаю с ним положение»¹⁷. Отцу же он советовал: «...сколько у вас соберется денег, то пошлите Жарова ныне пораньше прочих вверх еще для покупки скота, чтоб купить всего до 400 или до 500 скотин – заблаговременно может купить хорошего»¹⁸. В другом письме И.П. Ларионов писал: «...да и сборка скота должна быть ..., чтоб Енисей перегнать льдом; все здешние советуют: чем раньше сборка и гонка, тем лучше бывает скот...»¹⁹.

На вырученные от продажи своих товаров средства красноярские купцы покупали в Иркутске китайские товары: табак, ткани, сахар. Так, 3 марта 1821 г. П.И. Ларионов отправил в Красноярск «в 5-ти мешках тягости 11 пуд. 36 ф.», в том числе «вошанки»²⁰ – 2 тюня²¹ крапивной, 1 зеленой, 1 лимонной, 1 алой, 1 светло-голубой, 2 темно-голубой, 1 жаркой, 1 вишнево-вой; вошанки нелощеной – 1 тюнь голубой, 1 яхонтовой, 2 вишнево-вой, 1 натуральной, 1 белой, 1 алой,

¹⁵ Там же. Д. 4439. Л. 1–5 об.

¹⁶ Там же. Д. 4471. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 19 об.

¹⁸ Там же. Д. 4471. Л. 11 об.

¹⁹ Там же. Л. 22 об.

²⁰ Вошанка – непромокаемая ткань или бумага, пропитанная воском.

²¹ Тюнь – тюк, связка.

⁹ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4471. Л. 2–50 об.

¹⁰ Там же. Л. 6 об.

¹¹ Там же. Л. 6 об.–7.

¹² Там же. Л. 5 об.

¹³ Там же. Л. 6 об.

¹⁴ Там же. Л. 4.

1 сажени, 2 вишневой вощанки; 1 пай слюды, 1 бакля даб²², 1 тюнь китайки²³ зеленой нелощеной»²⁴.

Для обеспечения быстрого товарооборота часть вырученных денег отсылалась с оказией или по почте в Красноярск для закупки новых партий товаров. Передавать крупные суммы можно было только с хорошо знакомыми людьми – недаром в письме от 2 марта 1821 г. имеется следующая запись: «С сею почтою посылаю вам денег 3300 руб. ... с попутными же поопасился послать, оборони Бог противного случаю»²⁵. В письме от 5 января 1821 г. И.П. Ларионов советовал отцу «у Ивана Ивановича Галкина купить всю муку обдирну; если он возьмет 1 руб. 25 коп. за пуд, дайте 1 руб. 50 коп. с обождаьем денег, ... пожалуйста, поторгуйте, если он будет согласен, то из разных куч мешков возьмите пробы хотя 3, да испеките – какова белизной и добротой будет, а если не так добротна, то дорого не давайте»²⁶.

Таким образом, благодаря материалам из коллекции Ларионовых впервые появилась возможность получить наглядное представление о торговой деятельности красноярских купцов в Иркутске, детализировать механизмы ведения купеческой коммерции,

определить размеры полученной прибыли, а также восстановить подробности купеческого быта.

В качестве приложения приводим «Реестр» с записями расходов, составленный Петром Федоровичем Ларионовым в 1808 г. Ценность данного документа, впервые вводимого в научный оборот, в том, что он дает возможность подробно проследить, как производились скупка крупного рогатого скота и лошадей в верховьях Енисея и доставка их из Красноярска в Иркутск. По приведенным в «Реестре» данным о расходах видно, что на скупку и доставку скота из Красноярска в Иркутск было затрачено 597,24 руб. (без учета стоимости скота), в то время как на провоз различных товаров – только 235 р. 9¾ к.

«Реестр» представляет собой небольшую книжку, сшитую из листов плотной синей бумаги, на которых в виде таблицы перечислены все издержки по перегону скота. При составлении документа использовались светло-коричневые чернила. Почерк П.Ф. Ларионова ровный, с легким наклоном вправо, используются выносные буквы, завитки, сокращения. Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными нормами.

Л. 1.

**Реестр на записку покупок
и расходов в городе Красноярске
и в Иркутске
1808-го года//**

Л. 1 об.

Расходов	руб.	коп.
Из Иркутска в первый раз с товарами вышло по подорожной до Красноярска	50	–
Во второй [раз] по продаже в Иркутске рогатого скота и лошадей то ж до Красноярска на три лошади прогоном по подорожной	60	–
Расход на скота		
Васильем выказано в расчете его расходов [в] верховых селениях при покупке скота	31	–
Мною израсходовано до провоза в Канское и обратно на прогоны	25	–
Двум работникам для выгону при том скота по 10 руб.	20	–
Да платы по договору Ивану Терскову	11	–
Андрею Петрову из платы по договору отдельно для верховой поездки до Красноярска	30	–
Оной расход при общем на		
104 Васильевой покупки 117 руб. скотины		
Расход на покупной скот мещанам Потехиным: покупка произведена была Петром Потехиным		
59-ти скотин рогатых за комиссию по условию с выгонкою в город Красноярск и его расходами по 1 руб. 50 коп. с каждой скотины	88	50

Л. 2 об.

Расход		
По условию с Андреем Потехиным на таковых же правилах по 1 руб. 90 коп. с 48-ми скотин	72	–
	160	50

²² Даб – синяя хлопчатобумажная ткань, производившаяся в Китае.

²³ Китайка – шелковая ткань, ввозившаяся из Китая.

²⁴ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4471. Л. 31 об.

²⁵ Там же. Л. 28 об.–29.

²⁶ Там же. Л. 11.

Расход мелочный для гонки скота из Красноярска до Иркутска:		
Работным людям произведена плата		
Федору Тропину	60	—
Федору	35	—
Отставному солдату	30	—
Андрею Петрову	40	—
Василью Лалетину	38	—
	203	—
В Красноярске чрез Енисей за сплав скота разным людям 15-ти человекам в том числе 8 лодок по 1 руб. каждому	15	—
За перевоз в Красноярске чрез Енисей повозки и лошадей и на вино перевозчикам	1	20
В Красноярске земскому исправнику и штаб-лекарю за свидетельство скота	15	—
По перегонке скота чрез Енисей по сплавке распущена в хлеба за протраву крестьянам отдано в Ладейском	4	—

Л. 3.

В Канском за сплавку скота чрез реку разным людям и на Бирюсе	9	60
Из Красноярска до Канского на прогоны	2	—
В Канском при свидетельстве скота и в Удинске господам начальствующим отдано	5	—
За починку мосту на Алгашете, которой изломали в прогон скота, отдано	12	—
В Удинске за перевоз чрез реку отдано	1	60
На Тулуне за перевоз и старику за перегонку скота	—	85
На Зиме за перевоз и за сплавку скота 2-м человекам отдано	1	75
За поимку лошади, коя убегала из табуна и отыскана крестьянами отдано им за привод оной	2	50
В Тайтурске и Балахтее за перевоз повозки и лошадей отдано	1	60
В Иркутске и в Жилкиной в разные поездки за перевоз плачено всего	2	10
В Иркутске чрез Ангару 15-ти скотин отдано за перевоз	2	25
В Красноярске куплено потников и деревьев ²⁷ для оседлывания коней на	10	—
Отдано тайтурскому обществу под выпуск скота за луг	10	—
На прогоны из Иркутска до Тайтурски и обратно с скотом	5	80

Л. 3 об.

В Жилкиной отдано Чупровым за прокорм 3 лошадей	12	—
Куплено для мазки телеги дегтю на	—	25
Из Красноярска до Иркутска в дороге на 7 человек и во время стоянки в Тайтурске со скотом 2 человека на содержание на хлеб и соль и на харчевое всего вышло	20	—
Из Красноярска до Тайтурски 2-м лошадям куплено овса кои шли под повозкой на	3	—
На вино в Красноярске и во время проезда до Иркутска всего вышло на	4	24
	129	74
В Тайтурске у Лебедева куплено 4 воза сена по 1 руб.	4	—
2 пуда овса по 50 коп.	1	—
10 пудовок овса по 30 коп.	3	—
На стороне куплено 1 воз сена за	2	—
У Зуоя куплено сена и овса на 2 сутки пасли скота на	3	—
В Иркутске		
1 воз сена	2	5
2 мешка овса за	1	80
1 воз сена	2	—
2 воза сена	2	40

²⁷Деревяга — род седла.

Л. 4.

1 мешок овса за	—	75
За корм лошадей 2-х в Жилкиной при пригонке 8-ми скотин последних	1	60
2 воза сена за	3	45
2 мешка овса за	1	55
1 воз сена за	1	85
1 воз сена за	1	75
1 воз сена за	2	25
Многу израсходовано в поездку до Балахтун денег и обратно на корм	2	50
В Иркутске дано работнику Андрею денег, кои он показал в расходе	2	—
1 воз сена	2	—
1 мешок овса	1	5
	54	—

Л. 4 об.

Расход		
За провоз из Иркутска до Красноярска китайской кладки за 10 пу[дов]д. 14 фу[нгов] по 2 руб.	20	40
За провоз же из Иркутска до Красноярска 500 сот даб по весу 18 пу[дов] по 1 руб.	18	—
Со ста тридцати четырех пуд масла коровьего за провоз из татар до Красноярска работнику и на содержание вышло	57	80
За провоз масла из Красноярска до Иркутска со 177 пуд по 80 коп.	141	60
За провоз сала и семя из Красноярска до Иркутска с 42-х пу[дов] 30 фу[нгов] по 45 коп.	32	5 ³ / ₄
8 рогож за ветхостию отправлены на крыше в Иркутск по 50 коп.	4	—
	274	25 ¹ / ₃
Итого всех расходов 1048 руб. 49 ¹ / ₃ коп.		

Л. 5 об.

Перенесено из долгового реестра за неполучением остается собрать с кого сколько и именно значит под сим		
По Московскому тракту		
За 1 лошадь с крестьянина тайтурского Никифора Попова	30	—
С крестьянина жилкинского Петра Швалева донять за кобылу	15	50
За 1 лошадь с енисейского крестьянина Петра Чекинева	20	—
На Зиме с братского донять	2	—
Итого в лошадях	67	50
За рогатого скота		
С крестьянина Укинскова станция за 2 быка донять	25	—
В Шарагуле с крестьянина Кирилла Мурашева за 2 быка проданы за хромотою	40	—
В Канском с крестьянина Петра Сумкина за продажей ему 10 скотин бракованных за 120 руб. за получением 30 руб. донять с него	90	—
В Иркутске с Алексея Медведева донять	30	—
А всего в долгах за неполучением	252	50

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева В.В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки XVII – первой половины XIX в.). Иркутск, 1959.
2. Комлева Е.В. Рукописная коллекция красноярских купцов Ларионовых как источник по истории сибирского купечества первой трети XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 66–70.
3. Шахеров В.П. Торговая инфраструктура городов Иркутской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Шахеров В.П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: Очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001.
4. Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837.
5. Мионов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.
6. Степанов А.П. Описание Енисейской губернии. СПб., 1835.
7. Шахеров В.П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006.
8. Резун Д.Я., Каменева В.А., Скубневский В.А. Иркутск // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1995. Т. 2, кн. 1.
9. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833.
10. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2012.

Статья поступила
в редакцию 12.11.2012

УДК 94(47)+355/359(571)

В.И. БАЯНДИН

РОССИЙСКАЯ АРМИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ДОСТАВКА НОВОБРАНЦЕВ ПО СИБИРИ И ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

канд. ист. наук,
Новосибирский гос. пед. ун-т

e-mail: ilan-sib@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с доставкой новобранцев в войска, дислоцирующиеся на территории Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваемый исторический период, с 80-х гг. XIX до начала XX в., характеризуется значительным увеличением численности русских войск на Дальнем Востоке, в том числе и на Квантунском полуострове, взятом в аренду у Китая. Это стало ответом России на вызовы других азиатских и европейских стран, которые наращивали свое военное присутствие в регионе. Обширные пространства, недостаточная развитость транспортной инфраструктуры создавали здесь серьезные проблемы с доставкой новых пополнений, в том числе и новобранцев, в военные округа Сибири и Дальнего Востока. В статье рассматривается, каким образом и насколько успешно решались эти вопросы.

Ключевые слова: новобранцы царской армии, доставка новобранцев в сибирские воинские части, движение новобранцев по Сибири, способы транспортировки новобранцев на Дальний Восток в XIX – начале XX вв.

После того, как в январе 1874 г. был принят Манифест о всеобщей воинской повинности, в армии России произошли значительные изменения, затронувшие состав, структуру, систему подготовки и управления. Стали меняться пути и способы доставки новобранцев в войска [1, с. 48–52]. Ранее исследователи интересовались в основном отдельными сюжетами, связанными с этим вопросом, но в довольно узких исторических рамках, даже в фундаментальных исследованиях данная тематика до сих пор изучена поверхностно и фрагментарно [2; 3; 4; 5; 6; 7].

В 1875 г. было принято «Руководство по препровождению новобранцев», установившее новый регламент доставки в войска молодых пополнений. Новобранцы направлялись в воинские части согласно расписанию Главного штаба, которое рассылалось на места и служило руководством для уездных воинских начальников. В «Руководстве...» указывались три

способа доставки новобранцев в войска: а) маршевыми командами; б) этапным порядком; в) одиночным порядком.

Маршевые команды новобранцев являлись основным способом доставки молодых людей на военную службу. Одиночный порядок применялся в отношении лиц, имеющих право на сокращенные сроки службы, этапный порядок распространялся на тех, кто в силу каких-либо причин не попадал в состав маршевых команд¹. Маршевый порядок предполагал движение пешеходным способом, в этом случае конные подводы выделялись для командира партии, квартирмейстеров и для перевозки личных вещей новобранцев. Но в Сибири и на Дальнем Востоке в силу обширности расстояний практиковалось передвижение на подводах. Предписывалось

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 212. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

валось, что дневные переходы должны быть не свыше 30 верст, а через два–три перехода устраивалась дневка – день отдыха. Женатые новобранцы, направлявшиеся на военную службу в Сибирь, имели право брать с собой членов семьи: жен и детей, при этом расходы на семью в пути следования брало на себя государство.

После завершения работы воинских присутствий молодые люди, принятые на службу, получали краткосрочный отпуск, но к указанному времени обязаны были явиться на сборные пункты, откуда их уже в составе маршевых команд отправляли на общий пункт сбора. Обычно таким местом назначался губернский или областной центр. Документы позволяют восстановить, как это осуществлялось в реальности.

Выписка из маршрута следования команды новобранцев № 1 из г. Киренска в г. Иркутск. Всего 108 человек. 4 нижних чина сопровождающих и 104 новобранца, следующих в г. Иркутск. На подводах. Кормовые деньги в Киренском уезде 22 копейки, а в Верхотенском уезде 18 копеек в сутки на человека. Подводы назначаются: начальнику команды – 1 пароконная, квартирному – 1 пароконная, для прочих людей – 36 одноконных подвод. Всего – 38 подвод. 30 декабря проедут 36 верст, 31 декабря – 56, 1 января – 43, 2 января – 19 верст... Препровождая настоящую выписку всем волостным правлениям и инородческим управам Верхотенского уезда... полицейское управление предписывает распорядиться заготовкой ко времени прихода команд квартир, продовольствия и сделать наряды лошадей, на случай, если они могут потребоваться. Настоящее распоряжение передавать из одного учреждения в другое без малейшего задержания. Декабря 28 дня 1903 г. Помощник исправника (подпись)².

Расстояние от г. Киренска до г. Иркутска составляло 974 версты, весь путь был разделен на 22 перехода. Таким образом, с учетом дневок, маршрутная партия добиралась до губернского центра примерно за месяц³. Далее, после короткой остановки и отдыха в Иркутске, новобранцы продолжали движение к областному центру – Чите. В 1870–1890-е гг. весь путь от г. Иркутска до г. Читы в зимний период обычно преодолевался за 36 дней: 27 переездов и 9 дневок⁴.

Как уже отмечалось, женатые новобранцы могли брать с собой членов семьи. Но в 1882 г. Военный совет Военного министерства постановил, что это право будет сохранено лишь для семей новобранцев, следующих в воинские части Приамурского военного округа⁵. О том, насколько значительным было количество членов семей новобранцев, показывает приказ № 118 по войскам Приамурского военного округа (в дальнейшем: в.о. – В.Б.) от 30 ноября 1885 г.: «...в Приамурский край отправлено через Сретенск новобранцев 3.371 человек с их семьями в ... числе: жен 607 и детей 135 душ. Так как ... товарищество Амурского пароходства позволяет вывезти из Сретенска од-

новременно только 3.000 человек, то остальных отправить в Забайкалье в ожидании второго рейса...»⁶.

Восточные окраины России длительное время не пользовались должным вниманием со стороны высшего военного руководства, но ситуация стала меняться после Крымской войны и благодаря деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, сыгравшего выдающуюся роль в укреплении восточных границ Российской империи.

В 1884 г. на Дальнем Востоке создается Приамурский военный округ, который был выделен из Иркутского в.о. На восток страны начинают отправляться дополнительные военные силы, а также различные управления и учреждения военного ведомства. Обострение политической ситуации на Дальнем Востоке и угроза военного столкновения с другими странами потребовали наращивания военных сил, а это отражалось на росте числа новобранцев, отправляемых в Сибирь и на Дальний Восток.

Губерния	1877 г.	1888 г.
Енисейская	919 чел.	–
Иркутская	781	152 чел.
Томская	756	1767
Тобольская	755	1640
Забайкальская	543	531

Таким образом, в 1877 г. в Приамурский в.о. было отправлено 3754 сибирских новобранца, а спустя примерно десять лет, в 1888 г. – 4090.

Но если в 1870–1880-е гг. количество сибирских новобранцев, направляемых в Приамурский в.о., было относительно небольшим и практически не увеличивалось, то в конце XIX в. после того, как Россия получила в аренду Квантунский полуостров, их число быстро увеличивается⁷.

Пока в регионе не было железной дороги, сибирских новобранцев доставляли в Приамурский военный округ зимой на крестьянских подводах, а летом по суше – на крестьянских повозках, и по воде – на плотках, баржах и пароходах. Время в пути от мест жительства новобранцев до места их службы составляло, как правило, 5–6 месяцев. Это подтверждает рапорт командира Сибирского флотского экипажа, направленный в Главный штаб.

В 1885 г. новобранцы добирались до Приамурского в.о. из Каинского округа – 169 дней; из Бийского – 170, из Кузнецкого – 171, из Мариинского, Тарского, Томского, Тюкалинского – 173, а из Ишимского – 175 дней. Таким образом, сибирские новобранцы добирались к месту службы на Дальний Восток почти полгода⁸. В Государственном архиве Томской области

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 251. Оп. 1. Д. 663. Л. 1–1 об.

³ ГАИО. Ф. 456. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

⁴ ГАЗК. Ф. 23. Оп. 6. Д. 18. Л. 44 об.

⁵ Там же. Ф. 212. Оп. 3. Д. 30. Л. 1 об.

⁶ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Библиотека. № 1446. Приказы по войскам Приамурского в.о. 1885 г.

⁷ ГАХК. Библиотека № 1328. Приказы по войскам Приамурского в.о. 1888 г.

⁸ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 1200. Оп. 2. Д. 433. Л. 70.

сохранились документы, позволяющие реконструировать картину отправки новобранцев Томской губернии до г. Иркутска. Приведем один из них:

Партия № 1. Томск – Иркутск, 1566 верст. 32 переезда, 4 дневки, весь маршрут – 36 дней. В партии – 259 новобранцев, 1 фельдшер, 2 унтер-офицера, 3 нижних чина.

Партия № 2. Мариинск – Иркутск, 1351 верста. 27 переездов, 3 дневки, весь маршрут – 30 дней. В партии – 257 новобранцев, 1 фельдшер, 5 нижних чинов.

Партия № 3. Барнаул – Иркутск, 1934 версты. 40 переездов, 7 дневок, весь маршрут – 47 дней. В партии – 296 новобранцев, 1 фельдшер, 2 унтер-офицера, 3 нижних чина⁹.

Передвижение происходило зимой 1895 г., поэтому маршрутные партии передвигались на крестьянских подводах. За один дневной переезд преодолевали от 30 до 68 верст, средняя же скорость движения на маршруте составляла около 48 верст в день.

Но людских ресурсов Сибири для пополнения войск на Дальнем Востоке было недостаточно, поэтому требовалось отправлять в Приамурский в.о. и на Квантунский полуостров новобранцев из европейской части страны. Для их доставки использовался морской путь. Организовано это было следующим образом. Назначенные в войска Приамурского в.о. новобранцы из Европейской России, включая губернии Царства Польского, вначале временно прикомандировывались к частям войск Виленского, Киевского, Московского, Одесского и Харьковского в.о. В них новобранцы проходили первоначальное обучение. А в начале следующего года их направляли в Одессу, откуда на морских судах везли на восток России. Вместе с новобранцами следовали офицеры, священники, врачи, сопровождающие нижние чины.

В отчете военного ведомства указывалось, что за пять лет, с 1898 по 1902 г., «из Одессы во Владивосток доставлено было 53 702 новобранца и 123 сопровождающих их офицера. Из Владивостока в Одессу перевезено 15 978 запасных нижних чина и 73 сопровождаю-

щих их офицера» [3, с. 30]. Во Владивостокском порту, а позже на железнодорожной станции новобранцев встречали специально назначенные лица – приемщики. Как подчеркивалось в приказе коменданта города, «приемщики от воинских частей, получив уведомление от коменданта станции о прибытии очередной партии новобранцев, обязаны были забрать пополнение в свои воинские части»¹⁰. На этих же судах на Дальний Восток перевозились воинские части, военное снаряжение и военное оборудование (табл. 1). Затем прибывших на Дальний Восток новобранцев, уже по Амуру, развозили к местам службы на пароходах и баржах. За один рейс доставлялось, как правило, несколько сотен человек. В мае 1899 г. пароход «Артур» доставил 478 новобранцев, в июне пароход «Вышеградский» – 935, а в июле на пароходе «Джон Копперфилд» к местам службы было перевезено 644 новобранца¹¹.

В годы Русско-японской войны перевозка войск на Дальний Восток морем стала невозможна и поэтому была прекращена. Но осенью 1904 г. открылось сквозное движение по Транссибу, и воинские части и новобранцы из Европейской России стали отправляться по железной дороге. Это был самый надежный, безопасный и, главное, самый быстрый способ переброски военных сил на восточные окраины империи. О том, насколько увеличилось количество новобранцев, свидетельствуют данные табл. 2.

Мобилизационный отдел Главного штаба отмечал, что «огромное увеличение за последнее время числа новобранцев, необходимых для укомплектования войск сибирских округов, вследствие широкого развития их штатных составов... обусловлено обстоятельствами военного времени...»¹².

В 1890 г. в России были определены особые постоянные районы комплектования для пехотных дивизий и их артиллерии. Но воинские части, сформированные в более поздний период, получали пополнение из разных мест империи, где имелся излишек новобранцев.

Т а б л и ц а 1

Отправка новобранцев из Одессы на Дальний Восток в 1899 г.*

Дата отправки	Название парохода	Место назначения	Количество новобранцев, чел.
21 января	«Киев»	Порт-Артур	893
17 февраля	«Саратов»**	Владивосток	997
4 марта	«Н. Новгород»	Квантунский п-ов	695
26 марта	«Херсон»	Квантунский п-ов	1084
26 апреля	«Орел»	Владивосток	845
20 мая	«Одесса»	Владивосток	95

*ГАХК. Библиотека № 1328. Приказания войскам Приамурского в.о. 1899 г.

**В «Вестнике военного духовенства» (№ 9 за 1900 г.) были опубликованы воспоминания священника, который сопровождал новобранцев в этом рейсе.

⁹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 520. Оп. 2. Д. 124, Л. 1–3, 7, 8.

¹⁰ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Библиотека. Приказы по Владивостокской крепости. 1909 г.

¹¹ ГАХК. Библиотека. № 1328. Приказания войскам Приамурского в.о. 1899 г.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 6. Д. 858. Л. 172 об.

Т а б л и ц а 2

Отправка новобранцев на Дальний Восток в 1902–1906 гг., чел.*

Год	Из Сибири	Из Европейской России	Всего
1902	10968	11711	22679
1903	11528	16978	28506
1904	18899	40395	59294
1905	17805	49902	67707
1906	18453	70593	89046

*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 6. Д. 858. Л. 171.

Кроме того, по признанию Военного министерства «... в 1904–1906 гг. под влиянием внутренних политических осложнений, из-за опасения давать частям войск политически неблагонадежных новобранцев, Главным Штабом, при разверстке новобранцев по частям войск принимались во внимание все заявления и просьбы местного начальства о неназначении... новобранцев из тех или иных районов. В результате к 1907 г. комплектование армии новобранцами представлялось в хаотичном виде, не говоря уже о том, что производилась масса совершенно излишних перевозок на дальние расстояния (80 % всего числа новобранцев)...»¹³.

В годы Русско-японской войны при проведении очередного набора были внесены некоторые изменения. В частности, молодым людям призывного возраста, работавшим на Китайско-Восточной железной дороге, было разрешено пройти освидетельствование на предмет годности к военной службе во Временном Харбинском по воинской повинности присутствии. И в случае принятия на военную службу их зачисляли в ряды Заамурской железнодорожной бригады, которая несла охранную службу на линии КВЖД, от ст. Маньчжурии до ст. Порт-Артур¹⁴.

После окончания войны с Японией комплектование воинских частей в азиатской части империи производилось следующим образом. В 1906 г. Омский в.о.

получил 42 000 новобранцев (в основном из Казанского в.о.), но при этом в другие военные округа из Омского в.о. было направлено 43 000 новобранцев. Таким образом, данный округ полностью закрывал собственные потребности местными людскими ресурсами. Иркутский в.о. своими новобранцами был обеспечен лишь на 24,5 %, а недостающее количество – 75,5 % – получал из других военных округов. Но в самом сложном положении находился Приамурский в.о. Согласно данным Военного министерства, собственных ресурсов для пополнения воинских частей этого округа было лишь 15,4 %, а всех остальных новобранцев, т.е. 84,6 %, приходилось привозить из других мест, в том числе из Сибири¹⁵.

Откуда и в каком количестве отправлялись новобранцы в 1907 г. в сибирские и Приамурский военные округа, свидетельствуют данные табл. 3.

Одним из главных критериев отбора в восточные военные округа было состояние физического здоровья. Так, в подписанном царем в октябре 1906 г. «Расписании о распределении в войска новобранцев» указывалось: «При назначении новобранцев из губерний Европейской России на службу в войска Туркестанского, Иркутского и Приамурского военных округов уездными воинскими начальниками под личную ответственность должны выбирать для сего новобран-

Т а б л и ц а 3

Отправка новобранцев в Сибирь и Приамурье в 1907 г., чел.*

Из военных округов	Омский в.о.	Иркутский в.о.	Приамурский в.о.
Варшавского	446	3215	5873
Виленского	712	2556	7303
Казанского	1110	10539	7729
Киевского	1205	2196	7057
Московского	994	3857	9925
Одесского	95	1732	3000
Петербургского	104	701	2491
Всего:	4666	24796	43378

*РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 858. Л. 214–214 об.

¹³ Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 167. Л. 57.

¹⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 94. Л. 132.

¹⁵ РГВИА. Ф. 330. Оп. 50. Д. 1235. Л. 18 об., 19.

цев безусловно здоровых и способных к службе, преимущественно из желающих служить в этих войсках, производя таковым людям предварительно тщательное медицинское освидетельствование»¹⁶. Как уже отмечалось, с 1905 г. новобранцев перевозят в военные округа азиатской части России по железной дороге. Главный штаб докладывал, что основным сборным пунктом для новобранцев призыва 1906 г., отправляемых из европейской части страны в военные округа Сибири и Дальнего Востока, определена ст. Челябинск, где образовано Временное управление по отправлению новобранцев.

В каждый эшелон помещалось до 1000 новобранцев, которых сопровождали: 2 офицера, 30 нижних чинов и 1 фельдшер¹⁷. Предельный состав воинского эшелона был определен в 35 вагонов и состоял из 1 классного вагона для офицеров, 32 теплушек для новобранцев и сопровождающих их нижних чинов, 1 вагона четвертого класса для продуктов и 1 товарного вагона с очагом для приготовления горячей пищи¹⁸. Таким образом, в одном вагоне-теплушке находились 31 новобранец и 1 нижний чин. Первый воинский эшелон с новобранцами был отправлен со ст. Челябинск 14 ноября 1906 г., а последний эшелон покинул ст. Челябинск 5 января 1907 г.

Концентрация в одном месте, а затем и отправка столь значительного количества молодых людей, естественно, не могли пройти гладко. Генерал-майор Езерский, проводивший инспекцию Временного управления, отмечал, что «нижние чины... сопровождающие команды новобранцев, не соответствующие, не опытные, а иногда воры. Не везде хватало котлов для приготовления пищи. Казармы для новобранцев в Челябинске содержатся крайне грязно. Большинство офицеров, присланных из дальних округов, проводит время в кутежах в разных притонах...»¹⁹.

Нередко при перевозке новобранцев по железной дороге возникали проблемы, которые приходилось решать чинам военно-прокурорского надзора. В качестве иллюстрации приведем один из архивных документов: «...5 января 1907 г. на станции Токуши Сибирской железной дороги новобранцы эшелона № 76 разбили и ограбили станционный буфет... были украдены водка и ватрушки. Убытки составили сумму 25 рублей 91 коп.» В ходе расследования по факту обращения местных властей выяснилось, что в разгроме буфета участвовали новобранцы из Вятской, Казанской, Могилевской, Самарской и Уфимской губерний, около 600 чел., т.е. более половины новобранцев этого эшелона²⁰.

В 1909 г. Военное министерство приступило к разработке новой системы комплектования войск – территориальной, а с 1910 г. эта система уже стала применяться. Оценка новой системы комплектования была

противоречивой. Начальник штаба Иркутского военного округа в мае 1912 г. направил в Генеральный штаб следующий отзыв: «До настоящего времени в округе не наблюдается фактов, которые бы давали основание отнестись отрицательно к опыту проведения территориальной системы комплектования. В то же время, представляются очевидными положительные стороны этой системы...». И далее: «Уведомляю, что по моему мнению, а также по мнению войсковых начальников, существующая ныне система комплектования воинских частей никаких опасений за поддержание дисциплины и внутреннего порядка не вызывает и войска в случае возникновения в местах их квартирования массовых беспорядков являются надежной опорой»²¹. И все же военное ведомство решило, что «вводить в чистом виде систему территориального укомплектования армии новобранцами в России не представляется возможным, вследствие инородческих окраин, некоторых инородческих районов внутри империи и неблагонадежных в политическом отношении фабричных районов... поэтому следует ввести полутерриториальную систему комплектования, когда ядро каждой части составлено будет из 50 % местных земледельцев, это более гарантирует прочность части»²².

Специального исследования заслуживает вопрос о деятельности революционных партий в срыве набора новобранцев. Но нам хотелось бы коснуться другой серьезной проблемы.

Проводы новобранца на военную службу в конце XIX – начале XX в. уже не воспринимались населением столь трагично, как это было при рекрутских наборах, с почти бесконечным сроком службы. Но и в новых исторических условиях традиции брали верх, поэтому проводы в армию сопровождалась длительными и масштабными возлияниями, в которых участвовали новобранцы, их родные и знакомые. Все это создавало серьезные проблемы при наборах на военную службу. Яркую картину рисуют донесения местных властей, сохранившиеся в архивах. Так, управляющий акцизными сборами Томской губернии в феврале 1904 г. докладывал томскому губернатору: «...в районе вверенного мне управления в местах нахождения железнодорожных станций: Татарская, Карачей, Каинска, Оби, Половинной, Тайги, Мариинска и Боготола есть казенные винные лавки... Лавки эти, в силу сделанного Вашим превосходительством распоряжения, при следовании воинских поездов закрываются...»²³. Но насколько это помогало, свидетельствует другой документ, датированный тем же месяцем. Бийский уездный исправник Тукмачев доносил губернскому начальству:

Хотя казенные винные лавки и частные заведения продажи питей в городе Бийске закрыты на все время мобилизации, между тем на окраинах города происходит усиленное пьянство, и призываемых на действительную службу запасных нижних чинов спаивают до безобразия, отчего происходит беспорядок на сборном пункте и вносит замешательство

¹⁶ ЦГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 5812. Л. 145.

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 327. Л. 44.

¹⁸ Там же. Д. 858. Л. 49 об.

¹⁹ Там же. Л. 72.

²⁰ Там же. Ф. 1468. Оп. 3. Д. 317. Л. 322, 324.

²¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 167. Л. 27, 28 об.

²² Там же. Л. 57.

²³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5772. Л. 5.

и задержание в работе по призыву, до полной остановки работы... Как я лично убедился и доложили мне с достоверностью подведомственные мне чины полиции, многие жители г. Бийска стали закупать в большом количестве водку в ближайших к городу винных лавках, именно в селах Шубенском, Ново-Чемровской, Енисейском, Красном Яру, Верх-Катунском, отстоящих ближе 30 верст от города, а засим производятся угощения и даже продажа водки по возвышенной цене прямо на улицах с возов и на задворках, и прекратить это мерами полиции нет никакой возможности... Пьянство усиливается ежедневно... и угрожает серьезным нарушением порядка, а главное, остановкой призыва²⁴.

Таким образом, доставка новобранцев в воинские части Сибири и Дальнего Востока являлась довольно сложной задачей, от решения которой зависела успешная защита восточных окраин Российского государства в условиях растущих политических амбиций как азиатских, так и европейских стран.

УДК 94(47)''1918/1919''

В.И. ШИШКИН

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ» ЮРИСТА В.П. ЛАМАНСКОГО В 1918–1919 гг.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru

В статье освещаются перипетии жизненного пути юриста В.П. Ламанского, который в начале 1918 г. по заданию антибольшевистского подполья принял участие в работе советских судебных органов в контрреволюционных целях. После свержения Советской власти в Сибири Ламанский добросовестно служил в антибольшевистской администрации Канского уезда. Но отношение к нему колчаковских властей, прежде всего военно-административных и судебно-следственных органов, поставило Ламанского в положение «чужого среди своих».

Ключевые слова: подпольная организация, офицеры, власть, комиссар, управляющий.

Революции 1917 г. и Гражданская война привели к радикальной трансформации Российского государства и общества: их общественно-политического строя, экономики, социальной структуры, культуры и других сфер. Одновременно они изменили положение миллионов граждан России. Одни из них лишились занятий, состояния, Родины и даже жизни, тогда как другие, бывшие ранее, по словам международного пролетарского гимна, ничем, стали всем.

Наиболее глубокие изменения произошли в положении тех россиян, которые являлись руководителями и активными участниками политической и вооруженной борьбы. Причем эти изменения, как правило, стали результатом их собственных целенаправленных, осознанных, а зачастую самоотверженных и даже крайне опасных действий. Взлетами и падениями, удачами и трагедиями, немыслимыми драмами и коллизиями от-

ЛИТЕРАТУРА

1. Баяндин В.И. Начало рекрутского пути: от места жительства до места службы (XIX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1.
2. Всеподданнейший отчет Военного Министерства за 1891 год. СПб., 1893.
3. Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного Министерства, выполненных за пятилетие 1898–1902 гг. СПб., 1903.
4. Столетие Военного Министерства 1802–1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Комплектование войск с 1855 по 1902 гг. СПб., 1914. Ч. 3, кн. 1. Отд. 2.
5. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973;
6. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
7. Альбедил А. Прием, распределение и отправка в войска новобранцев // Военный сборник. 1897. № 2. С. 282–306.

Статья поступила
в редакцию 03.12.2012

мечен жизненный путь многих таких участников великой российской смуты 1917–1920 гг.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать поведение одного из таких людей – Владимира Павловича Ламанского. Фигура Ламанского привлекательна для исследователей тем, что он сознательно взял на себя исключительно рискованную роль. Впрочем, обо всем по порядку.

В 1917 г. 24-летний уроженец Липецка В.П. Ламанский, в ноябре 1916 г. окончивший юридический факультет Московского университета, служил в Канске помощником присяжного поверенного. Как и многие молодые интеллигенты, он приветствовал Февральскую революцию и вступил в партию эсеров, но Октябрьский переворот не принял. Канск, в котором имелся большой гарнизон, осенью 1917 г. превратился в один из опорных пунктов сибирских большевиков и левых эсеров. Вполне закономерно, что наряду с Красноярском и Ачинском он оказался в числе трех первых

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 5772. Л. 3–3 об.

городов Сибири, в которых уже в конце октября 1917 г. установилась власть Советов.

Однако и противники Советов не бездействовали. В середине декабря 1917 г. проживавшие в Канске офицеры приступили к формированию антибольшевистской подпольной военной организации. К 18 декабря они создали ядро организации, состоявшее примерно из полутора десятков младших офицеров по главе с поручиком Федоровым. Затем в организацию стали вливаться гражданские лица. В числе первых трех горожан к подпольщикам примкнул Ламанский, ставший ее членом 1 января 1918 г.¹

В конце января или в начале февраля 1918 г. Ламанский был вынужден переехать из Канска в Ишим. Позднее он утверждал, что в Ишим «был послан начальником организации поручиком Федоровым»². Едва ли это только так. Судя по всему, главной причиной переезда были все же семейные обстоятельства: в Ишиме жили родители с семьей, нуждавшиеся в его помощи. Но совершенно очевидно, что у Ламанского имелась и договоренность с Федоровым о необходимости искать связи в Ишиме с местными офицерами для борьбы против большевиков.

Ламанский успешно справился с этой задачей. В феврале 1918 г. он установил контакт с ишимским офицерским подпольем, вошел в его состав и с согласия руководства организации поступил на службу в юридический (судебный) отдел местного уездного исполкома Советов. Напомним, что в то время большинство юристов Сибири отказывалось сотрудничать с большевиками. Ламанский же быстро продвинулся по служебной лестнице, заняв вскоре пост комиссара юстиции, о чем население Ишимского уезда могло узнать из публикуемых местной газетой документов³.

Совершенно естественно, что, занимая должность комиссара юстиции, Ламанский был вынужден проводить в жизнь советские законы и разного рода указания. В результате большинством граждан уезда, следивших за политическими событиями, он вполне резонно воспринимался как советский руководитель, а некоторыми – даже как большевик. В действительности же Ламанский старался действовать отнюдь не в интересах Советской власти. По утверждению руководства ишимского подполья, «Ламанский связи с нами не прерывал, а, наоборот, давал нам всегда чрезвычайно ценные сведения»⁴.

В частности, Ламанский сыграл решающую роль в судьбе подпольщиков в начале июня 1918 г. В это время вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали шли бои между Чехословацким корпусом и поддерживавшими его вооруженными формированиями Временного Сибирского правительства (ВСП), с одной стороны, и отрядами Красной армии и Красной гвардии – с другой. Незадолго до того Ишим посетил

прибывший из Омска заместитель уполномоченного ВСП Ю.А. Кудрявцев (Алексеев). Он проинформировал руководство ишимского подполья о ходе борьбы против большевиков, а также передал приказ Омского штаба ВСП о необходимости антибольшевистского вооруженного выступления и взрыве железнодорожного пути в направлении на Тюмень⁵.

Созданному большевиками в Ишиме революционному штабу, однако, удалось напасть на след подпольщиков и 5 июня арестовать 10 из них: восемь офицеров и двоих служащих правительственного телеграфа. В ходе допросов арестованных, в которых принимал участие и Ламанский, большевики получили сведения о том, что в Ишим приезжал кто-то из агентов ВСП с директивами, во исполнение которых подпольщики готовили взрыв железнодорожного моста. Издававшаяся большевиками омская газета сообщила также, что в ишимском деле «замешано много лиц, дознание которых кончится не ранее, как завтра. В заговоре участие принимала партия правых эсеров; члены комитета этой партии посажены в тюрьму. Председатель бежал»⁶.

Ламанский, узнав о первых арестах, своевременно проинформировал об этом оставшихся на свободе руководителей ишимского подполья, благодаря чему они смогли скрыться. Более того, когда в ночь на 9 июня революционный штаб отдал приказ о доставке арестованных подпольщиков под конвоем на ст. Ишим, где их ждал неминуемый расстрел, Ламанский смог освободить их. «Во всех описанных случаях, – сообщали об этом несколько дней спустя девять бывших подпольщиков-офицеров, – Владимир Павлович Ламанский действовал, не задумываясь, с большим риском для себя, памятуя принятое на себя [п]ред организацией обязательство»⁷.

Девятого июня красные войска оставили Ишим. Находившиеся в городе противники большевиков срочно создали военно-оперативный штаб, который взялся за формирование офицерского вооруженного отряда, за организацию охраны и порядка, произвел аресты не успевших уйти советских работников. В числе последних оказался и Ламанский. Для решения вопроса о судьбе арестованных военно-оперативный штаб учредил временную следственную комиссию.

Перед следственной комиссией стояла очень сложная задача. Ей надлежало в кратчайшие сроки освободить граждан, арестованных случайно, по подозрению, в силу сведения личных счетов, а также советских работников, не имевших за собой уголовных преступлений. Ламанский оказался в очень непростой ситуации. Поскольку Ишим еще находился в прифронтовой полосе, Ламанский не мог раскрыть

⁵ Там же. Д. 101. Л. 2.

¹ Сводка материалов из белогвардейских архивов по Сибири (1918–1920 гг.). [Новониколаевск, 1922] С. 104–105.

² ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 133 об.

³ См., например: Ишимская жизнь. 1918. 10 мая.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.

⁶ Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительного комитетов советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 6 июня. Несколько иначе эти события освещены в тобольской газете «Сибирский листок» (1918. 8 июня).

⁷ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.

перед следственной комиссией существование антибольшевистской подпольной организации, свое в ней участие и назвать ее членов. Поэтому в свое оправдание он ссылался только на тех граждан Ишима, которые знали его лично. Но и этих свидетельств оказалось достаточно для того, чтобы комиссия признала Ламанского лицом, отрицательно относящимся к Советской власти, к большевизму и подлежащим немедленному освобождению.

Несколько иную позицию по этому вопросу занял военно-оперативный штаб. Не возражая против заключения следственной комиссии о том, что «Ламанский не является сторонником Советской власти и для власти Временного [Сибирского] правительства не опасен», штаб, тем не менее, посчитал нужным оставить Ламанского в тюрьме до окончания месячного срока со дня ареста⁸. Свою позицию штаб мотивировал не очень внятно, назвав главной причиной пролонгации его содержания под стражей враждебное отношение населения к некоторым арестованным, являвшимся бывшими советскими работниками. Не исключено, что штаб имел в виду бессудную расправу над семью освобожденными временной следственной комиссией ишимцами, которые после выхода из тюрьмы были зверски убиты какой-то вооруженной группой во главе с казаком Шеркуновым⁹.

Однако следственная комиссия проявила принципиальность и настойчивость. Основываясь на дополнительно собранных свидетельских показаниях, в том числе участника ишимского подполья штабс-капитана Б.В. Тупицына, 19 июня 1918 г. она заключила, что Ламанский «не является сторонником Советской власти, не является опасным и для новой власти, а потому подлежит немедленному освобождению, ибо в правовом государстве не должно быть тюремного заключения без предъявления обвинения, и власть, имеющая в своих руках силу, не должна и не может считаться с кровавыми требованиями кучки обывателей и держать в заключении неопасного и невиновного»¹⁰.

Поскольку к тому времени угроза Ишиму со стороны красных миновала, Ламанский обратился к находившимся в городе членам подпольной офицерской организации с просьбой выдать ему документ, удостоверяющий его участие в местном антибольшевистском подполье. Такое удостоверение за подписью девяти офицеров, включая коменданта Ишима – поручика Андреева, ему было выдано¹¹.

Вскоре Ламанский покинул Ишим и вернулся в Канск, где еще в конце мая 1918 г. Советская власть была свергнута. Понять его отъезд из Ишима нетрудно. Здесь он только что пережил острейший шок, вызванный арестом и содержанием в тюрьме. Оставить Ишим было целесообразно и для того, чтобы обезопасить себя от дальнейших преследований со стороны неосведомленных обывателей и новых властей за рабо-

ту в ишимском Совете. К тому же в Канске Ламанский рассчитывал получить еще один документ, удостоверявший его участие в антибольшевистском подполье, что послужило бы дополнительной гарантией от подозрений и укрепило его уверенность в прочности своего положения.

В конце июля или в начале августа 1918 г. Ламанский прибыл в Канск. К тому времени поручика Федорова здесь уже не было. Он находился в Екатеринбурге, где служил в информационном отделе штаба Сибирской армии. Но в Канске оставалось несколько членов бывшей подпольной организации, составлявших ее руководящее ядро: штабс-капитан Збероевский, прапорщики Д.И. Марценко, Г.В. Тишаков, С.К. Чухломин, популярный общественный деятель О.И. Филоненко. Ламанский доложил им о проделанной в Ишиме работе. По просьбе Ламанского 20 августа они выдали ему удостоверение, подтверждавшее его участие в антибольшевистском подполье. «Измученный пережитым, – писал около года спустя Ламанский, – я нашел среди своих соучастников успокоение, и все наболевшее за кошмарное время совдепщины стало заживать»¹².

К тому же приехавший немного позднее в Канск поручик Федоров сообщил Ламанскому, что он представил на имя управляющего Военным министерством ВСП генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова рапорт, где проинформировал главу военного ведомства об особом задании, которое Ламанский выполнял по поручению подполья. По словам Федорова, дошедшим до нас в передаче Ламанского, «Гришиным-Алмазовым была сделана на этом представлении надпись в благожелательном для меня смысле и отдано приказание о моей реабилитации»¹³.

Для того чтобы жить, необходимо было трудоустроиться. По некоторому размышлению, Ламанский решил предложить свои услуги Канскому уездному комиссариату, в котором имелась вакансия помощника уездного комиссара. Следует отметить, что формирование комиссарского корпуса губернского и особенно уездного уровня оказалось для ВСП трудноразрешимой задачей. Местные общественные деятели, выдвинувшиеся за время Мировой войны и революции, отказывались занимать государственные должности, предпочитая им менее беспокойную и ответственную, но зато более «хлебную» службу в органах самоуправления и кооперации.

В этом отношении ни Енисейская губерния, ни ее Канский уезд не составляли исключения. Скорее наоборот. По характеристике правого эсера П.З. Озерных, являвшегося тогда енисейским губернским комиссаром, Канский уезд числился «трудным по управлению». Только 9 августа 1918 г. вместо существовавшего здесь до этого временного коллегиального комиссариата, ликвидированного приказом Озерных, к исполнению должности комиссара Канского уезда был допущен С.И. Буркин.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 140.

⁹ Там же. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 260.

¹⁰ Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 141.

¹¹ Там же. Л. 123.

¹² Там же. Л. 134.

¹³ Там же. Л. 133 об.

Буркину в то время исполнилось 47 лет. Он имел среднее образование (окончил Красноярскую учительскую семинарию) и почти четвертьвековой стаж государственной службы на разных административных должностях, в том числе делопроизводителем управления губернского комиссариата. В своем представлении министру внутренних дел ВСП Озерных высоко оценивал Буркина: «<...> Обладает солидным административным опытом, что в связи с его политическими воззрениями дает ему возможность легко и с пользой для дела справиться с многосложными обязанностями уездного комиссара». Министр признал аргументацию достаточной, а кандидатуру Буркина достойной. Приказом по МВД от 27 августа 1918 г. Буркин был назначен канским уездным комиссаром¹⁴.

Своим помощником Буркин намеревался сделать служившего вместе с ним в губернском комиссариате Н.А. Волкова. Но категорически против этой кандидатуры выступил Озерных, отводя ее по причине судимости Волкова за растрату денег. Это, считал Озерных, «делает его кандидатуру <...> неприемлемой без ущерба авторитету новой должности помощника уездного комиссара»¹⁵.

Ламанский обратился к Буркину с заявлением о принятии на службу в качестве его помощника. Он проинформировал уездного комиссара о своей работе в Ишимском совете, представил удостоверения ишимской и канской подпольных военных организаций. Об этом же был поставлен в известность Озерных, который и сам при советской власти являлся членом действовавшего в подполье енисейского губернского комиссариата ВСП. Приказом енисейского губернского комиссара от 16 сентября 1918 г. Ламанский сначала был допущен к временному исполнению обязанностей помощника Канского уездного комиссара, а затем по представлению губернского комиссара приказом по МВД от 15 октября назначен на эту должность с 20 сентября 1918 г.¹⁶

Политическая обстановка в Канске и уезде оставалась крайне неспокойной. На севере уезда скрывались десятки бывших советских работников, красноармейцев и красногвардейцев. На руках у населения имелось много оружия. Гарнизон Канска был малочисленный и состоял в своей значительной части из новобранцев, уклонившихся от добровольной явки на призывные пункты, а его начальник – полковник Винтер – отличался нерешительностью и бездействием. «Всякие наши заявления, – вспоминал Ламанский, – о необходимости арестования того или лица, отобрании в уезде оружия оставались втуне <...>».

Чтобы внести успокоение в ряды обывателей, по инициативе Ламанского бывшие члены антибольшевистской подпольной организации создали группу

поддержки существующего порядка, руководителем которой избрали самого Ламанского. Вокруг нее стали объединяться благонадежные горожане, прежде всего домовладельцы, лидерами которых являлись бывший подпольщик Филоненко и известный предприниматель и общественный деятель А.А. Филимонов¹⁷. Осенью 1918 г. участники этой самодеятельной полулегальной организации разработали сигналы оповещения, открыто и тайно несли караульную службу. «Я позволю себе утверждать, – докладывал Ламанский начальству, – что только благодаря этой спайке удавалось предотвратить возможность [антиправительственного] выступления»¹⁸.

В конце октября – ноябре 1918 г. в политической жизни Сибири и Енисейской губернии произошли важные изменения. С 18 ноября в результате государственного переворота верховная власть перешла к адмиралу А.В. Колчаку. Но еще раньше, 28 октября, указом ВСП с должности губернского комиссара за допущение «в деле управления губернией неправильностей» был уволен Озерных [1, с. 739–740].

Почти три недели спустя, 20 ноября 1918 г., указом Верховного правителя новым енисейским губерньским комиссаром был назначен П.С. Троицкий. Этот человек хорошо знал губернию, и его тоже хорошо знали в губернии. Местный уроженец, после окончания Московского университета Троицкий вернулся в Красноярск. Здесь он все время служил в органах судебного ведомства, достигнув в 1917 г. к 48 годам должности товарища председателя Красноярского окружного суда. Троицкий зарекомендовал себя как активный общественник, член партии конституционных демократов, очень работоспособный, энергичный и даже жесткий администратор¹⁹.

Происшедшие события никак не сказались на положении Ламанского и на его отношении к своим служебным обязанностям, которые он по-прежнему нес с должной ответственностью, добровольно принимая на себя опасные задания. Так, в середине декабря 1918 г. в составе милицейского отряда всего из 9 чел., в который входили также помощник начальника уездной милиции Булдаков и податной инспектор А.И. Серебряков, Ламанский отправился в служебную командировку в таежные Шеломовскую и Тасеевскую волости, находившиеся соответственно в 100 и 170 верстах к северу от Канска, для изъятия в них оружия и сбора налогов. Эта экспедиция едва не закончилась для ее участников трагически. Население Шеломовской волости не только категорически отказалось сдать оружие, но и вынесло постановление о расправе с правительственным отрядом. По инициативе шеломовских большевиков за спешно покинувшими вечером 29 декабря Тасеево Ламанским и его товарищами была устроена конная по-

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 134. Л. 181; Д. 167. Л. 211; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 17 сент.; Сиб. вестник (Омск). 1918. 7 сент.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 200. Л. 220, 204–205.

¹⁶ Там же. Д. 134. Л. 109; Воля Сибири. 1918. 20 сент.; Сибирский вестник. 1918. 6 нояб.

¹⁷ В июне 1919 г. А.А. Филимонов будет избран председателем Канской городской думы.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 134.

¹⁹ Там же. Д. 209. Л. 80–86; Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 дек.; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 17 дек.

гоня. Только добравшись до волостного села Христо-Рождественское и вооружив в нем 11 благонадежных крестьян, беглецы почувствовали себя в безопасности [2, с. 103; 3, с. 258]²⁰.

Возвратившись в Канск, Ламанский 1 января 1919 г. доложил о тревожном положении в Шеломовской и Тасеевской волостях Буркину, а затем вместе с ним проинформировал об этом нового начальника гарнизона командира 32-го Сибирского стрелкового полка полковника Мартынова. Ламанский предложил им немедленно направить на север уезда для наведения порядка вооруженный отряд численностью не менее 200 чел. Но Мартынов медлил, ссылаясь на отсутствие у него необходимых сил. Такая реакция начальника гарнизона во многом вытекала из анализа реальной ситуации. Дело в том, что 27 декабря в Канске и на ст. Иланская произошли антиколчаковские восстания, причем в канском восстании приняли участие несколько солдат 32-го полка. Оба восстания были быстро подавлены правительственными войсками. Но положение осложнялось волнениями в Вершино-Рыбинской, Перовской, Толстининской и Уярской волостях, находившимися на юге Канского уезда²¹.

В такой обстановке Ламанский пошел на нестандартный шаг. 2 января 1919 г. он собрал оставшихся в Канске бывших членов подпольной организации и сформировал из них добровольческий отряд в четыре десятка человек, который предложил полковнику Мартынову в помощь воинской части. Но Мартынов под разными предлогами посылку воинской части на север уезда откладывал.

На следующий день на основании вновь полученных данных Ламанский подал официальный рапорт Мартынову и управляющему уездом о том, что 30 декабря 1918 г. в Тасеевской и Шеломовской волостях началось открытое вооруженное выступление: милиция арестована, ее оружие захвачено, объявлена мобилизация мужского населения, сформированы четыре стрелковые роты, посланы агитаторы в соседние села. Ламанский правильно пофамильно назвал около двух десятков руководителей и активистов мятежа, в том числе В.Г. Яковенко, П.А. Астафьева, И.А. Вашкорина. «Восстание, – писал Ламанский, – принимает большие размеры. Безнаказанность дает почву для привлечения на свою сторону темных масс, для поселения в умах крестьян уверенности в восстановлении Советской власти» [3, с. 125–126]²².

Реагируя на этот рапорт, Мартынов четырежды назначал, а затем откладывал свое решение о посылке воинской части на север уезда. Чтобы сдвинуть дело с «мертвой точки», Ламанский вместе с Марценко обратился за содействием к уполномоченному по охране государственного спокойствия и порядка полковнику Петухову, убеждая последнего в том, что «пожар разгорается, и тушить его надо вначале»²³.

Наконец, 9 января 1919 г. отряд под командованием штабс-капитана Збероевского выступил на Шеломки и Тасеево. Он насчитывал всего 74 чел., включая Ламанского, и был весьма разношерстным по составу: несколько офицеров, по два десятка солдат и милиционеров, а также добровольцы, количество которых по сравнению с первоначальным числом сократилось из-за неоднократного переноса срока выступления. Отряд имел на вооружении винтовки, берданки, два пулемета и примерно по 40 патронов на каждого бойца.

В ночь на 10 января отряд Збероевского без боя последовательно занял деревни Денисова и Кондратьева Рождественской волости, Степанова Шеломовской волости. Но в окрестностях д. Макарова, которая находилась в трех верстах от волостного села Шеломки, он был встречен огнем партизан. После трехчасовой перестрелки при сорокаградусном морозе отряд Збероевского был вынужден отступить в Христо-Рождественское. Здесь офицеры отряда, устроив совещание и принимая во внимание, что противник имел численное превосходство, половина бойцов обморозилась, а патроны заканчивались, приняли решение возвратиться в Канск [3, с. 128–130].

В январе–мае 1919 г. колчаковские власти несколько раз направляли против североканских партизан отряды под командованием капитанов А.В. Мартына и Салаяева, полковников В.Е. Жилинского, И.Н. Красильникова и Ромерова. Ламанский участвовал во всех этих карательных экспедициях как представитель администрации уезда, хотя еще в конце января по инициативе управляющего губернией для заведывания Тасеевским районом была введена должность второго помощника управляющего Канским уездом, на которую он назначил А.В. Барышникова. В конце мая – первой половине июня правительственные войска при содействии итальянских и чехословацких частей нанесли партизанам ряд поражений, вынудили их оставить район первоначального формирования и укрыться в глухой тайге.

Вечером 14 июня для того, чтобы оценить положение уезда не только по донесениям подчиненных, в Канск прибыл управляющий губернией Троицкий. Он ознакомился с работой уездных властей, выступил на заседании городской думы нового состава. Судя по всему, управляющий губернией остался недоволен деятельностью своего уездного коллеги. 19 июня он издал приказ об откомандировании Буркина для службы в губернском управлении, а временно исполняющим обязанности управляющего Канским уездом назначил заведующего земско-городским отделом управления губернии П.А. Игошина. Через день Троицкий обратился в МВД с представлением об освобождении Буркина от управления уездом по причине его несоответствия занимаемой должности²⁴.

Что касается Ламанского, то к нему со стороны управляющего губернией претензий не было. Более того, когда МВД запросило Троицкого о службе Ла-

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 134 об., 136.

²¹ Там же. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 41–42, 88–91.

²² Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 136

²³ Там же. Л. 134 об.

²⁴ Там же. Д. 134. Л. 121; Д. 167. Л. 211; Канский вестник. 1919. 17 и 28 июня.

манского в Ишимском совете, то управляющий губернией, основываясь на имевшихся у него документах и свидетельских показаниях, ответил МВД однозначно и ясно: «он служил в советской организации как член тайной офицерской организации».

Когда во время пребывания Троицкого в Канске Ламанский обратился к нему с просьбой о предоставлении отпуска, мотивированного ухудшением состояния здоровья из-за участия в боевых операциях, Троицкий предложил ему продолжить службу. Ламанский, учитывая реальное положение уезда, на отпуске настаивать не стал. В дальнейшем он руководил восстановлением органов земского самоуправления в освобожденных от партизан населенных пунктах, затем возглавлял комиссию по уборке урожая в Тасеевской волости [3, с. 259–260]²⁵.

Однако, как ни странно, именно в это время тучи над Ламанским начали сгущаться. Источником угрозы стала учрежденная в Ишиме военно-следственная комиссия. Располагая только сведениями о службе Ламанского в Ишимском совете, она по телеграфу потребовала от начальника Канского военного района арестовать Ламанского. Последний, лично знавший Ламанского по его участию в боевых операциях против партизан, отказался это сделать. В свою очередь 11 августа управляющий Енисейской губернией направил директору департамента общих дел МВД сообщение, в котором категорически заявил, что «служба Ламанского в Канском уезде показала в нем человека вполне государственного и деятельного работника». Троицкий обратился к директору департамента общих дел с просьбой «не отказать принять необходимые меры к ограждению личности Ламанского от дальнейших посягательств и дело изъять из Ишимской военно-следственной комиссии»²⁶.

Судя по всему, МВД транслировало просьбу Троицкого в военно-административное управление Восточного фронта, в ведении которого находились военно-следственные комиссии, а оно в свою очередь приказало разобраться в этом вопросе управлению района 1-й Сибирской армии, которое в то время дислоцировалось в Ишиме. Армейское военно-административное управление затребовало у Ишимской военно-следственной комиссии дело Ламанского. Юрисконсульт этого управления проанализировал имевшиеся в деле показания свидетелей и самого Ламанского и пришел к следующим выводам.

С одной стороны, юрисконсульт признал, что Ламанский состоял членом тайной офицерской организации, которой он оказал ценные услуги вплоть до спасения жизни ее членов; что он «отличался не только корректным поведением по отношению к ишимской интеллигенции, но и способствовал смягчению участи многих арестованных большевиками офицеров и др. лиц»; «в общем относился отрицательно к Советской власти».

С другой стороны, службу Ламанского в Ишимском совете юрисконсульт объяснял главным образом

соображениями материального характера, а также желанием «смягчения деятельности последнего», стремлением «поддержать законность в стране». Одновременно он вменял Ламанскому в вину проведение в жизнь некоторых советских декретов, привлечение нескольких юристов к работе «народного суда», боязнь освободить арестованных большевиками офицеров. Отсюда юрисконсульт делал совершенно надуманное заключение, противоречившее мнению членов двух офицерских подпольных организаций, оценкам управляющего Канского уезда и управляющего Енисейской губернии, о «двойственности» поведения Ламанского, которое он объяснял «исключительным его слабоволием, осторожностью и желанием идти с тем, у кого сила».

Основываясь на суждениях юрисконсульта, начальник военно-административного управления района 1-й Сибирской армии полковник Никифоров нашел возможным дело о Ламанском дальнейшим производством прекратить. В то же время он пришел к выводу, что Ламанский является человеком, скомпрометировавшим себя службой у большевиков и «с ярко выраженным двойственно-нравственным обликом, недопустимым и несовместимым со служебной этикой». 31 августа 1919 г. Никифоров обратился к главному начальнику военно-административного управления Восточного фронта генерал-майору С.А. Домонтовичу с просьбой войти в МВД с требованием о немедленном увольнении Ламанского с должности помощника управляющего уездом. 9 сентября на этом документе Домонтович наложил резолюцию, адресованную управляющему МВД: «На распоряжение»²⁷.

По непонятной причине почти два месяца на требование военных властей МВД никак не реагировало. Возможно, его руководство сочло аргументы ведомства Домонтовича недостаточными.

Тогда 3 ноября за подписью самого Домонтовича на имя министра внутренних дел было подготовлено новое отношение. В нем содержалась противоречившая предыдущему документу и абсолютно односторонняя характеристика деятельности и личности Ламанского. В частности, со ссылками на уже известные – тенденциозные и даже откровенно ложные – показания нескольких ишимских обывателей утверждалось, что Ламанский «в некоторых отношениях разделял точку зрения “идейного” большевизма», был «вдохновителем всех большевистских мероприятий», доволно скоро вышел из офицерской подпольной организации, во время падения Советской власти в Ишиме «хотел бежать, но был арестован», летом 1918 г. был освобожден из-под ареста через два с половиной – три месяца председателем следственной комиссии идейным большевиком Степаненко и т.п.

Участие Ламанского в первой антибольшевистской организации и его корректное отношение к ишимской интеллигенции, как говорилось в этом документе, «едва ли могут реабилитировать Ламанского». Поэтому Домонтович просил министра внутренних дел

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 581.

²⁶ Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 142.

²⁷ Там же. Л. 144.

отдать распоряжение об отстранении Ламанского от занимаемой им должности и передать его в распоряжение Ишимской военно-следственной комиссии. Причем об отданном распоряжении Домонтович просил министра его уведомить²⁸.

На этот раз реакция МВД не заставила себя ждать. Через четыре дня исполнявший обязанности министра М.Э. Ячевский уведомил Домонтовича о том, что приказом № 1212 по МВД от 8 ноября 1919 г. Ламанский уволен от службы с передачей его в распоряжение Ишимской военно-следственной комиссии. Ячевский проинформировал Домонтовича, что сообщение об этом одновременно будет направлено управляющему Енисейской губернией и Ишимской военно-следственной комиссии²⁹. Последнее обещание, однако, если МВД и намеревалось его выполнить, потеряло всякий смысл, поскольку за день до этого колчаковцы оставили Ишим.

Весьма похоже, что управляющий Енисейской губернией тоже не был осведомлен об увольнении Ламанского. Во всяком случае 9 ноября он издал приказ, в соответствии с которым на Ламанского возлагалось заведование двумя из шести участков Канского уезда³⁰. Никаких других документов, которые позволяли бы проследить жизненный путь Ламанского в условиях крушения колчаковского режима, пока не обнаружить не удалось.

Но даже без этой финальной стадии казус Ламанского весьма поучителен. Он свидетельствует о том, что роль советского комиссара юстиции, которую Ламанский успешно сыграл с согласия антибольшевистского офицерского подполья, являлась в своем роде уникальной, сложной и небезопасной не только в физическом, но и в нравственно-этическом отношении. В обстанов-

ке принявшей широкомасштабный и затяжной характер Гражданской войны служба в советской юстиции наложила серьезный отпечаток на дальнейшую судьбу Ламанского. Сотрудничество Ламанского с большевиками в последующем осложнило его идентификацию как контрреволюционно настроенным населением Ишима, так и разного рода властями, которые не были посвящены в замысел подпольщиков. В результате Ламанский оказался в трагическом положении «чужого среди своих».

Казус Ламанского свидетельствует также о том, что в среде кадровых офицеров, выдвинувшихся в период правления А.В. Колчака на передний план и занявших многие ключевые позиции в военно-административном и судебном-следственном аппарате, имелись люди, оказавшиеся не способными извлечь политические уроки из новейшей истории России, за время революции и Гражданской войны ничему не научившиеся. Объективно их консервативная позиция не только не способствовала укреплению лагеря контрреволюции, а, напротив, вела к его дальнейшей фрагментации и ослаблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
2. Красный архив. М., 1937. № 6 (85). С. 102–137.
3. Документы героической борьбы: сб. док. материалов, посв. борьбе против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск, 1959.

Статья поступила
в редакцию 03.12.2012

УДК 94(57)''1913/1920''

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

СОЮЗЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ГОРОДАХ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1913–1920 гг.)*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье исследуется процесс союзного строительства городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1911–1920 гг. В центре внимания автора – опыт деятельности крупных городских всесословных и рабочих потребительных обществ по созданию районных и областных союзов, попытки организации Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Делается вывод о том, что процесс централизации кооперативного движения деформировал свободное организационное строительство потребительской кооперации.

Ключевые слова: потребительская кооперация, Закупсбыт, союзы потребительных обществ, Сибирь.

²⁸ Там же. Л. 163.

²⁹ Там же. Л. 164.

³⁰ Енисейский вестник. 1919. 14 нояб.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00105/12а.

Малоизученной страницей истории городской потребительской кооперации Сибири является ее союзно-организационная деятельность, особенно в годы революций и Гражданской войны (1917–1920 гг.) [1, с. 202]. Это был период тяжелейшего экономического кризиса кооперации и в то же время период ее наивысшего расцвета. На 1 января 1917 г. количество кооперативов в Сибири достигло 12 790, из них потребительских – 8140. Сибирь была также регионом наиболее мощного в России союзного строительства, насчитывая 94 союза: 46 потребительско-производительных, 47 кредитных, 1 маслодельный¹. Большинство союзов действовало в рамках трех крупнейших сибирских объединений кооперативных организаций: Союза сибирских маслодельных артелей (с 1907 г.), Закупсбыта (с 1916 г.) и Союза сибирских кредитных союзов (с 1917 г.).

В городских условиях деятельность потребительской кооперации должна была бы стать наиболее активной вследствие большей оторванности горожан от производства необходимых предметов потребления. Однако подавляющее большинство потребительских обществ (80 %) находилось в сельской местности². Городские кооперативы изначально являлись посредниками между сельскими кооперативами и рынком. Последние входили в городские общества потребителей в качестве членов-пайщиков, пользовались их складами. Так, в 1911 г. семь уездных потребительских обществ вступили в число пайщиков барнаульского кооператива «Труженики», который разработал устав Алтайского товарищества кооперативов [2, с. 87]. Томский кооператив «Деятель» с 1913 г. обслуживал ближайший к городу район и сельские потребительские общества Нарымского края [3, с. 3] и т.д.

Устав ограничивал район деятельности городских потребительских обществ территорией города и его уезда, поэтому крупные городские кооперативы не могли осуществлять операции с пайщиками и населением деревень и мелких городов. Выход состоял в образовании районных кооперативных союзов. Типичной для сельских кооперативов была картина, нарисованная в отчете инструктора томского «Деятеля». Он объехал общества Нарымского края и сообщал: «Деревенские потребительские общества слабо развиваются, в них царит беспомощность и анархия, счет ведется по памяти, надеются на городского собрата – богатого и культурного, с опытными работниками и с нетерпением ждут объединения кооперативов»³.

В Мариинске, Новониколаевске, Томске, Омске, Красноярске, Нижнеудинске, Верхнеудинске, Иркутске, Чите крупные городские потребительские общества явились организаторами союзного движения. Кооператоры Мариинска первыми нашли приемлемую форму районных союзных объединений – «Торгово-промышленное товарищество кооперативов». «Мы

можем с уверенностью сказать, – писал Д. Илимский, – что не будь в те времена городских обществ, и не будь связи между ними и деревней, не было бы сейчас такого большого количества союзов, какое имеется в Сибири» [4, с. 19]. В годы Первой мировой войны союзное кооперативное строительство ускорилося. В 1914 г. кооператорами Мариинска и Верхнеудинска были созданы Мариинское и Прибайкальское торгово-промышленные товарищества кооперативов, кооператоры Читы учредили Торгово-промышленное товарищество кооперативов Забайкальской области. В 1915–1916 гг. возникли «Томский кооператор» и «Обский кооператор» (Новониколаевск), Минусинское посредническое товарищество кооперативов и другие союзы.

Уже на раннем этапе союзного строительства обнаружились глубокие объективные противоречия между городской и сельской кооперацией. В 1915 г. на съезде Забайкальского товарищества кооперативов читинское общество потребителей «Эконом» выступило против подписания союзного договора с сельскими кооперативами и принятия их в союз из-за их финансово-хозяйственной слабости⁴. Районные союзы, ориентировавшиеся на деревню, входили в качестве членов в образованный в 1916 г. Союз сибирских кооперативных союзов – Закупсбыт, который представлял собой объединение смешанного типа, выполнял как закупочные, так и сбытовые операции. Практика показала, что трудно было примирить стремление потребительского кооператива купить хлеб подешевле с намерением кредитного товарищества продать зерно подороже. На втором очередном совещании членов комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту 14–16 августа 1916 г. при Новониколаевском отделении Московского Народного банка представитель красноярской «Самодельности» М.И. Фрумкин подчеркнул, что деревня потребляет совершенно не те товары, какие необходимы городскому населению. В резолюции совещания указывалось, что городские кооперативы переросли уровень объединения районного масштаба и нуждаются в прямой связи с более крупными кооперативными центрами – Закупсбытом и Московским союзом потребительских обществ (МСПО). В сентябре 1916 г. некоторые общества выступили даже против посредничества Закупсбыта, ориентируясь на прямые связи с МСПО⁵. Орган красноярской «Самодельности» журнал «Самодельность потребителя» опубликовал статью «Полезная централизация или вредное посредничество?», где критиковалось разорительное посредничество районных союзов и Закупсбыта⁶. Не только в смешанных союзах, но и в чисто потребительских обнаружилось расхождение интересов сельских и городских потребителей.

Однако городская кооперация на два года отложила попытку реализации проектов самостоятельно-

¹ Труженик. 1919. № 9. С. 3.

² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 348. Л. 32.

³ Сибирская жизнь. 1915. 23 мая.

⁴ Союз потребителей. 1915. № 24. С. 827.

⁵ Там же. С. 826.

⁶ Самодельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 14.

го объединения. Главной причиной отсрочки стала государственная и общественная регламентация заготовок и распределения товаров массового потребления, которая централизовала весь союзный аппарат и не позволяла разрывать связи городских потребительских обществ со своим союзом. Февральская революция дала кооперации долгожданный кооперативный закон, устранивший юридические препятствия для учреждения и деятельности всех видов кооперативов и их союзов. Но вопрос организационного строительства приобрел еще большую остроту. К 1917 г. сибирская городская и рабочая потребительская кооперация благодаря опыту снабжения населения важнейшими товарами и продуктами в условиях Первой мировой войны превратилась в заметную общественно-экономическую силу, выросла численно, ее сеть в городах уплотнилась. Крупнейшие изменения в народнохозяйственной жизни страны, вызванные потрясениями войны и революции, нарушили нормальные условия торговли и работу транспорта, еще более усугубив недовольство городских и рабочих кооперативов зависимостью от сельской производительно-потребительской кооперации. В 1918–1919 гг. связи большинства сибирских кооперативных союзов с Центросоюзом (бывшим МСПО) разрушились, освободившуюся нишу занял Закупсбыт, объединивший союзы Сибири, Приуралья и Дальнего Востока [5, с. 50]. Проблема обслуживания городского населения потребительской кооперацией была поставлена в письме правления красноярского общества потребителей «Самодетельность» в Закупсбыт в феврале 1920 г., в котором указывалось, что обслуживание городских кооперативов в Закупсбыте через районные и губернские объединения создавало лишнего посредника. В то же время сибирские кооперативные центры и прежде всего Закупсбыт, являясь объединениями не только потребительской, но и производительной сельской кооперации, не удовлетворяли потребность городских потребителей в муке, крупах, масле и других важнейших продуктах. Для удовлетворения этих нужд городским потребительским обществам приходилось иметь свой дорогостоящий заготовительный аппарат. Занимаясь преимущественно сбытом сельскохозяйственной продукции и сырья, сибирские кооперативные центры не способствовали удешевлению продовольствия для городского населения. Лишение городской кооперации права представительства на съездах уполномоченных Закупсбыта не позволяло своевременно выявить ее требования⁷.

Оказавшись в таких дискриминационных условиях обслуживания, городские общества потребителей Сибири пошли на создание самостоятельных союзных объединений [6, с. 8]. В 1918 г. возникли Томский, Новониколаевский и Омский союзы городских и рабочих кооперативов, которые состояли членами Закупсбыта. Томский «Деятель» уже в 1917 г. инициировал создание в городе, где действовало около 16 потреби-

тельных обществ, объединенного закупочного бюро. Оно работало до 1918 г., а затем было преобразовано в Союз городских обществ потребителей⁸. В союз, кроме «Деятеля», вошли общества потребителей служащих правительственных и общественных учреждений (открыто 9 сентября 1917 г., 3850 членов), Томского университета (основано 15 октября 1916 г., 200 членов), технологического института (200 членов), Министерства народного просвещения, служащих и рабочих Томской железной дороги (1296 членов), Кольчугинской железной дороги (350 членов), почтово-телеграфного округа и др.⁹

Новониколаевский союз городских кооперативов возник в апреле 1918 г., в августе к нему присоединилась «Экономия», учрежденная в 1912 г. Кроме нее, в союз входили основанные в 1917–1918 гг. потребительские общества служащих и рабочих почтово-телеграфного ведомства (321 член), учащихся (1874 члена), Алтайской копи (271 член), Омской железной дороги (3285 членов), городских работников (718 членов), кооперативы «Свобода», «Культура», «Дом польский», «Холодильник», «Пробуждение», «Сила», «Бережливость». Всего союз включал 32 986 членов и обслуживал около 160 тыс. чел.¹⁰

Устав Омского союза городских обществ потребителей был утвержден 8 ноября 1918 г. В него вошли учрежденное в 1915 г. Омское городское общество потребителей (3956 членов), основанные в 1918 г. кооперативы «Труд» (2 тыс. членов), «Земля и труд» (425 членов), «Увечный воин» (85 членов), Общество потребителей служащих механического и литейного завода (300 членов). Общая численность союза составляла 6766 пайщиков. Вместе с членами семей и посторонними покупателями союз обслуживал около 172 тыс. чел. [7, с. 72–73].

Частным совещанием представителей городских кооперативов на Омском кооперативном съезде в сентябре 1918 г. была выдвинута идея создания Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Созыв съезда был поручен иркутскому обществу потребителей «Труженик-Кооператор». Для того чтобы предотвратить раскол городской и сельской кооперации, Закупсбыт решил изменить политику по отношению к городской кооперации и устранить причины, толкающие ее на создание собственного союза. На съезде работников неторговых отделов сибирских кооперативных союзов, проходившем 28 декабря 1918 г. – 6 января 1919 г., крупным городским и рабочим кооперативам с количеством членов свыше 10 тыс. предоставлялось право непосредственного вхождения в члены Закупсбыта, крупные потребительские общества с количеством членов, не достигающим 10 тыс., могли входить в Закупсбыт на правах обслуживаемых членов; кроме того, вводились новые формы представительства на собраниях уполномоченных

⁸ Там же. Д. 539. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 323. Л. 80.

¹⁰ Там же. Д. 303. Л. 8.

⁷ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 492. Л. 24–25 об.

Закупсбыта, учитывающие интересы городской и рабочей кооперации¹¹.

Первый съезд городских и рабочих кооперативов Сибири состоялся 15–24 марта 1919 г. в Иркутске. Немногочисленный состав съезда включал 18 представителей от 16 городских и рабочих обществ потребителей Иркутска, Читы, Верхнеудинска, Мысовска, Красноярска, Минусинска, Семипалатинска, 3 представителей от Центросоюза, 1 – от Закупсбыта и 1 – от Народного банка и Всекосоюза. Важным итогом съезда делегаты считали постановку и обсуждение вопросов о взаимоотношениях различных видов кооперации и принципах ее организационного строительства. Представители городских и рабочих кооперативов единогласно констатировали глубокое различие между городской и сельской кооперацией в области заготовок товаров и идеологии, сделав вывод о необходимости самостоятельного объединения городской и рабочей кооперации. Представители центральных организаций – Центросоюза и Закупсбыта – не разделяли их позицию. Обсуждение идеи о создании Всесибирского союза городской и рабочей кооперации из-за недостаточной проработки было отложено до второго съезда, делегаты ограничились созданием координационного Бюро¹². Решения съезда сводились к задаче обеспечения «совершенства и дешевизны закупочно-распределительного аппарата» путем «устранения излишних, хотя бы и кооперативных посредников»¹³. Кроме того, съезд признал, что союзы обществ потребителей на территории одного города или района, объединявшие «карликовые» общества потребителей, также создают лишнего кооперативного посредника, поэтому первоочередной задачей городской кооперации является перестройка таких союзных объединений в единые многолапочные кооперативы¹⁴.

Идеи съезда получили развитие в решениях районных и областных совещаний, общих собраний кооперативов. Поиск правильных форм организационного строительства сводился к объединению отдельных городских кооперативов в многолапочный кооператив, переходу от общих собраний на управление через собрания выборных уполномоченных и вхождение в Центросоюз¹⁵. Районное совещание городских, рабочих и железнодорожных обществ потребителей в Иркутске 26–27 мая 1919 г. работало в духе решений съезда, выступив против получения товаров только через Закупсбыт, за прямые отношения с Центросоюзом. Совещание настаивало на целесообразности слияния хозяйственных аппаратов Центросоюза и Закупсбыта под общим управлением этих центров с обеспечением достаточного представительства в нем интересов городской, рабочей, а также железнодорожной кооперации¹⁶.

На проходившем в августе 1919 г. в Чите областном совещании представителей городской и рабочей кооперации, где присутствовали представители крупных обществ («Эконома», «Трудового союза», «Дровосека», «Кооперативной столовой», «Горного кооператива» и др.), предпринимались «яростные атаки на Закупсбыт». В резолюциях совещание призвало к сплочению потребительской кооперации вокруг Центросоюза как организации чисто потребительской и к игнорированию Закупсбыта как организации смешанной, на которую оказывали огромное влияние кооперативы производителей (маслодельные артели)¹⁷.

Настойчиво проводилась в жизнь идея «многолапки». Немногочисленные их противники считали, что мелкие общества имеют преимущества в поиске и приобретении товаров на рынке малыми партиями, и в них прочнее сохраняется естественная связь членов со своим кооперативом¹⁸. Однако в течение 1918 г. сибирские кооперативы перешли на устав многолапочного потребительского общества, управляемого собранием уполномоченных, что считалось «важнейшим явлением финансовой жизни потребительских кооперативов в 1918 году»¹⁹. В декабре 1918 г. правление союза «Обский кооператор» указало Новониколаевскому союзу городских потребительных обществ на недопустимость непроизводительных расходов по содержанию 16 правлений, 16 канцелярий, в то время как при едином многолапочном кооперативе было бы одно правление, одна канцелярия и т.п., т.е. расходы сократились бы почти в 16 раз²⁰. В июне 1919 г. начался процесс реорганизации городских союзов потребительных обществ Новониколаевска, Омска²¹ и Томска²² в многолапочные кооперативы.

Таким образом, руководители городской кооперации не были удовлетворены предложенным решением Закупсбыта о членстве кооперативов с десяти-тысячным составом, считая его противоречивым и оторванным от действительности. На практике даже крупным кооперативам не просто было вступить в члены Закупсбыта. Так, на письмо председателя правления новониколаевского общества потребителей «Экономия» в Закупсбыт в июле 1919 г. с просьбой о приеме в члены организации был получен отрицательный ответ с мотивировкой, что для вступления в члены Закупсбыта необходимо выполнение целого ряда формальностей, требуемых уставом, которые «Экономией» не были выполнены²³. Если вступление в члены Закупсбыта было доступно только кооперативам четырех–пяти городов Сибири (Томска, Омска, Красноярска, Новониколаевска, Иркутска), то что же было делать более мелким обществам потребителей? Например, общество потребителей в Ачинске насчи-

¹¹ Там же. Д. 411. Л. 56.

¹² Труженик. 1919. № 1. С. 6–7.

¹³ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 476. Л. 2–3.

¹⁴ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁵ Труженик. 1919. № 5. С. 6.

¹⁶ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 487. Л. 36–36 об.

¹⁷ Там же. Д. 488. Л. 73–74.

¹⁸ Союз потребителей. 1917. № 34–35. С. 60–64.

¹⁹ Там же. 1919. № 1–2. С. 14.

²⁰ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 425. Л. 5.

²¹ Труженик. 1919. № 4. С. 3–4.

²² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327. Л. 103.

²³ Там же. Д. 425. Л. 10–11.

тывало всего 1166 членов. В июле 1919 г. общее собрание этого кооператива приняло решение о проведении самостоятельных заготовок, минуя Закупсбыт и Енисейский губернский союз кооперативов, которые были не в состоянии снабдить кооператив товарами, хотя они имелись на рынках²⁴. Правление «Бийского кооператива» отмечало, что городские кооперативы с числом членов менее 10 тыс. «низводятся Закупсбытом на роль пасынков, которым будут, очевидно, попадать только крохи, оставшиеся от полноправных членов». Оставаясь в составе местных союзов, они получают только 1/10 необходимых товаров и вынуждены 9/10 добывать самостоятельно, «что в настоящее время значит питаться от спекулянтов». Потребительные общества не в состоянии платить полный взнос в местный союз (в размере 30 руб. с человека – 10 руб. пай и 20 руб. постоянный аванс) для удовлетворения только одной десятой потребности в товарах²⁵. «Такое общество, – рассуждало правление красноярской «Самодетельности», – которому до 10 000 членов надо долго ждать, нуждаясь в непосредственных сношениях с Закупсбытом, возьмет и распылится на мелкие общества, чтобы образовать союз и вступить в Закупсбыт»²⁶.

Городская и рабочая кооперация справедливо выступала против мешающей свободному союзному строительству «опеки старших товарищей из Закупсбыта»²⁷, добиваясь самостоятельной работы на рынке оптовых закупок и установления непосредственных хозяйственных отношений с последним. Ее руководство считало, что должна сложиться сеть городских союзных объединений потребительской кооперации с образованием особого отдела городских кооперативов из их представителей при Закупсбыте²⁸.

Союзно-организационная деятельность сибирской городской кооперации происходила в русле захлестнувшей с 1917 г. кооперативную жизнь мощной тенденции к централизации, отрицательными последствиями которой стала утрата важнейших черт, присущих кооперации свободного периода, – самостоятельности и самоуправления. Характерными проявлениями этого процесса являлись наблюдавшиеся, например, на общем собрании одного из томских кооперативов по поводу слияния в единый многолаводный кооператив

«полнейшая индифферентность членов общества к такому важному вопросу в его жизни, как слияние, и бесконечные споры не членов общества, а инструкторов по поводу тех или других, уже пережеванных комиссией, пунктов»²⁹.

Конец попыткам городской и рабочей кооперации Сибири создать собственные союзные объединения был положен реализацией в 1920 г. декрета СНК «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г. На основании декрета все городские и рабочие потребительные общества и их союзы были ликвидированы, вместо них были созданы единые рабоче-крестьянские потребительские общества (ЕПО) в губернских и уездных городах Сибири, объединенные в губсоюзы в соответствии с территориально-административным делением. Из общественно-хозяйственной системы потребительская кооперация превращалась в технический аппарат государственных продовольственных органов, который занимался карточным распределением государственных товаров, заготовкой сельскохозяйственной продукции в порядке государственной разверстки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Советская потребительская кооперация: основные этапы и тенденции развития (1917–1991 гг.) // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5.
2. Омич М. Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 6.
3. Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916.
4. Илимский Д. Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918). М., 1919.
5. Рынков В.М. Кооперация и власть на Дальнем Востоке на заключительном этапе Гражданской войны (1920–1922 годы) // Кооперация: история и современность. Новосибирск, 2011.
6. Николаев А.А. Потребительская кооперация Сибири: основные тенденции развития и оценка исторических этапов // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2.
7. Ловцов И. О строительстве городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири // Сибирская кооперация. 1919. № 1.

Статья поступила
в редакцию 08.11.2012

²⁴ Там же. Д. 512. Л. 3–4 об.

²⁵ Там же. Д. 449. Л. 9–10.

²⁶ Там же. Д. 492. Л. 24–25 об.

²⁷ Там же. Д. 449. Л. 9–10.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 4.

УДК 94(47).084.3/084.6

В.И. ИСАЕВ

СУДЫ СИБИРИ НА ЗАЩИТЕ ПРАВ ЖЕНЩИН В 1920-е гг.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: history49@mail.ru

В статье освещаются проблемы материально-бытового и правового положения женщин в Сибири в 1920-е гг. Показана деятельность судебных учреждений Сибири, направленная на защиту их имущественных и личных прав.

Ключевые слова: равноправие полов, моральное сознание, правовое положение женщин, трудовые отношения, профсоюзы, семья, семейно-брачное право, суд, женская преступность.

Революция 1917 г. в России вызвала существенные перемены в правовом статусе женщин, в семейной жизни и во взаимоотношениях полов. В числе первых декретов советской власти были приняты законы об отмене всяческой дискриминации женщин, установлении юридического равноправия полов, ликвидации института так называемых «незаконнорожденных» детей, светском браке и свободе развода. Разумеется, реальные отношения между полами не изменились сразу после опубликования новых законов, но начавшиеся изменения права, морали, общественного сознания в целом постепенно подготавливали почву для формирования современного типа семьи и новых отношений между мужчиной и женщиной.

Важную роль в этом процессе играли судебные органы, которые от имени государства были призваны отстаивать интересы женщины в случае нарушения ее имущественных или личностных прав. В настоящей статье мы рассмотрим некоторые направления работы судов Сибири по защите прав женщин и установлению равноправия между полами. Источниками для рассмотрения темы послужили в основном документы Государственного архива Новосибирской области (ГАО), а также опубликованные материалы изучаемого периода.

После социальных потрясений в годы войн и революций остро ощущалась необходимость выработки новых норм и принципов в области взаимоотношений между полами. Неопределенность и левачьие взгляды в вопросах половой и семейной жизни, вызванные крушением прежнего устройства жизни и революционной эйфорией, порождали нигилизм, пренебрежение к традиционным нравственным нормам, половую распущенность.

Страдала от подобных новшеств, прежде всего, женская часть населения. Так, «свободные отношения» между полами стали основой для увеличения количества нежелательных беременностей женщин. В середине 1920-х гг. во многих городах Сибири наметилась тенденция значительного роста количества аборт, в деревне она сдерживалась господством традиционной крестьянской морали. Действовавшее в то время законодательство разрешало аборт, но только после собеседования с беременной женщиной на заседании специальной комиссии. Если в 1925 г. в Сибирском крае сделано 4964 официально разрешенных аборта (еще больше, по оценке правоохранительных органов, было количество нелегальных), то за первую половину 1926 г. число официально разрешенных аборт составило 4376, следовательно, только за один год выросло почти вдвое¹.

Защита интересов женщин, в частности, в области охраны их здоровья и жизни, требовала уголовного преследования подпольного проведения аборт, после которых нередко были случаи гибели женщин. В судах Сибирского края в 1920-е гг. довольно часто рассматривались дела против знахарок и недобросовестных медицинских работников, занимавшихся незаконным проведением аборт. Обычно по таким делам выносились приговоры, предусматривавшие лишение свободы, что должно было предостеречь и женщин, и подпольных «специалистов» от подобной практики².

Рост количества аборт был вызван, помимо других причин, крайне слабой работой в области полового просвещения, невежеством большинства молодежи в вопросах половой жизни. В городах Сибири в 1927 г. действовало 35 женских консультаций, что, безусловно, было недостаточно для обслуживания многочис-

*Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00224а.

¹ ГАО. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 2439. Л. 52–53.

² Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 14. Л. 32.

ленного женского населения края. При этом только в 9 из них были оборудованы кабинеты, где женщин принимали не только в связи с уже наступившей беременностью, но для любых консультаций, включая вопросы предохранения от нежелательной беременности. В сельской же местности специализированная служба помощи женщинам отсутствовала вовсе³.

Все это приводило к печальным последствиям: некоторые молодые матери, не готовые брать на себя бремя воспитания детей, старались избавиться от нежелательного ребенка всеми способами. По данным правоохранительных органов Сибири, в середине 1920-х гг. жители сибирских городов подбирали на улицах до полутысячи подброшенных младенцев за год⁴. Но еще большим злом было убийство ребенка самой матерью, давшей ему жизнь и тут же отнявшей ее. Судебные органы Сибирского края вынуждены были рассматривать многочисленные случаи убийства новорожденных детей женщинами, пытавшимися таким образом избавиться от нежелательного ребенка или скрыть сам факт беременности и родов. При этом почти 100 % детей были убиты в грудном возрасте, почти тотчас же после рождения⁵.

Среди всех уголовных дел детоубийство являлось наиболее специфичной преступностью, при этом тяжесть обвинения ложилась почти исключительно на женщину, решившуюся на такой отчаянный шаг. Однако это преступление было неразрывно связано с условиями быта и экономической зависимостью женщины. Нищета, одиночество, боязнь травли со стороны окружающих, незнание женщинами своих законных прав по отношению к семье и обществу являлись почвой, на которой вырастал этот особый вид преступности. Об этом говорят и те причины преступлений, которые, представ перед судом, называли матери-детоубийцы: боязнь позора, осуждения семьи – 40 %; бедность, одиночество – 25; желание избавиться от ребенка – 10; ревность – 5 %⁶.

По социальному положению женщины, решившиеся на детоубийство, подразделялись следующим образом: крестьянки-беднячки – 43,3 %; батрачки – 18,3; середнячки – 13,4; неимущие (так в документе. – В.И.) домохозяйки – 13,4; работницы – 3,3; служащие – 3,3; домработницы – 3,3; безработные – 1,7 %. Как показывают эти данные, преобладающее число таких преступлений давала деревня, так как больше половины (61,6 %) всех обвиняемых женщин составляли бедные крестьянки и батрачки. Закономерно, что в деревне, где культурно-бытовой уровень населения оставался значительно ниже, чем в городе, где «незаконнорожденный» ребенок ложился позорным пятном на всю жизнь женщины, где подвергалась травле не только одинокая молодая мать, но и вся семья, случаев детоубийства было больше. К тому же, в деревне почти не было больниц, чтобы сделать аборт, а услуги знахарки

являлись дорогими. Сказывалась и сплошная правовая неграмотность сельского населения, которое слабо представляло, что теперь у каждой женщины есть право не только формально установить отца, но и получать от него материальную помощь для ребенка.

В городе, где многие женщины, особенно работавшие на производстве или в учреждении, знали хотя бы в основных чертах свои права и обращались в суд для их реализации, случаев детоубийства было значительно меньше. К тому же в городе имелись больницы, комиссии по разрешению аборт, дома матери и ребенка.

Показательно, что среди городских женщин-детоубийц наибольшую долю составляли бедные («неимущие») домашние хозяйки. Неработавшая домохозяйка, лишенная поддержки профсоюза, находилась почти в таких же условиях, что и крестьянка (предрассудки, низкий культурно-бытовой уровень, незнание своих прав).

В материалах архивного фонда Сибирского краевого суда и в других фондах, находящихся в ГАНО, отложились документы по некоторым судебным процессам, где рассматривались подобные драматические случаи. Обычно судьи, понимая, что на такой шаг несчастных женщин толкнули беспросветная нужда и отчаяние, выносили довольно мягкие приговоры, хотя лишение свободы по статье, связанной с убийством, было неизбежно. В целом в середине 1920-х гг. около 65 % женщин, представших перед судом по обвинению в детоубийстве, приговаривались к лишению свободы на срок от двух до восьми лет⁷.

Тяжелые времена переживал в 1920-е гг. институт семьи. Некоторые догматы марксизма, положенные в основание советской идеологии и морали, послужили основой для распространения «левацких» взглядов: пропаганды ликвидации семьи вообще как социального института, немедленной отмены норм и принципов традиционной морали, третирования любви между мужчиной и женщиной как буржуазного пережитка. Распространение подобных взглядов грозило обернуться дезорганизацией общества, деградацией морали, тысячами поломанных судеб. Конечно, в реальной жизни большинство людей продолжало придерживаться традиционных взглядов, но в то же время немалая часть коммунистов, комсомольцев, рабочей и крестьянской молодежи пыталась жить по-новому, что приводило к серьезным осложнениям в личной и общественной жизни.

Следует отметить, что в 1920-е гг. теория об отмирании семьи вовсе не выглядела заумным изобретением левых экстремистов, скорее она претендовала на то, чтобы стать основой для общественных ориентиров в этой области. Например, социолог С.Я. Вольфсон, считавшийся видным специалистом по проблемам брака и семьи, утверждал, что «социализм несет с собою отмирание семьи» [1, с. 375–376]. Среди партийных работников эта точка зрения также была популярна.

³ Сибирский медицинский журнал. 1927. № 2–3. С. 21.

⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 312. Л. 250.

⁵ Там же. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 4029. Л. 63.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 4027. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 62.

Выступая 13 февраля 1926 г. на совещании женорганизаторов при ЦК ВКП(б), представитель Наркомата юстиции Я.И. Бранденбургский заявлял: «Семья, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения» [2, с. 5]. Подобные настроения и взгляды прослеживаются и по документам сибирских организаций, отделов и секторов по работе среди женщин⁸.

Влияние теории об отмирании семьи проявилось в эти годы и в законодательстве. В 1925–1926 гг. дискуссии по проблемам становления советского типа семейных отношений протекали в рамках обсуждения проекта нового Кодекса о браке и семье. Так, в январе–феврале 1926 г. культотдел Сибирского краевого совета профсоюзов организовал широкую дискуссию по проекту кодекса⁹.

Особенно остро дискутировался вопрос о признании фактических, но юридически не оформленных браков. Закон, принятый в 1918 г., признавал только юридически оформленный в ЗАГСе брак, венчание в церкви было объявлено частным делом. Но в молодежной среде в это время была широко распространена практика создания фактических браков, заключавшихся под девизом борьбы за новый быт, установления равноправия и полного доверия между мужчиной и женщиной. Непризнание их государством было бы несправедливо по отношению к той части населения, которая искренне боролась за становление новых отношений между полами. К тому же в случае распада такой семьи женщины с детьми терпели материальный ущерб. Поэтому проект Кодекса о браке и семье 1926 г. предлагал считать одинаково равными по юридическим последствиям как зарегистрированный ЗАГСом, так и фактический брак. Прогрессивность такого предложения усматривалась в том, что таким образом усиливалась регулятивная функция морали, что ускорило процесс формирования новых моральных норм в семейных отношениях.

Вместе с тем, очевидны были и слабые стороны такого положения, возможности злоупотребления необязательностью юридического оформления отношений. Поэтому против признания законом фактического брака выступали многие жители Сибири. Например, женщины Закаменского района Новосибирска подали даже коллективный протест против проекта семейно-брачного Кодекса¹⁰. Во Дворце труда в Новосибирске 1 февраля 1926 г. состоялось обсуждение проекта Кодекса. Пункт о признании фактических браков вызвал серьезные возражения. По этой причине из более чем тысячи присутствовавших лишь 77 чел. проголосовало за поддержку проекта¹¹.

О том, что протесты против признания фактических браков имели серьезные основания, свидетельс-

твуют, в частности, данные судебной статистики. Мы уже отметили такие печальные последствия дестабилизации семейно-половой сферы, как убийство новорожденных детей своими несостоявшимися матерями. При анализе причин и обстоятельств, приведших к роковому исходу, выяснялось, что среди погибших детей родившиеся от случайной связи составляли 63,4 %; родившиеся в фактическом браке 23,3; в зарегистрированном браке – 6,7 %¹².

Вместе с тем многие жители Сибири понимали и принимали положительные стороны нового Кодекса. Так, на многолюдном обсуждении проекта Кодекса в помещении «Пролеткино» (Новосибирск) выступавшие говорили о том, что признание фактического брака заставит мужчин и женщин более серьезно относиться к взаимоотношениям полов, к семье¹³. Подводя итоги обсуждения, газета «Советская Сибирь» сделала вывод, что большинство населения региона одобрило проект Кодекса¹⁴.

Однако, как показывают источники, реальное состояние общественного мнения было не столь однозначно. Много возражений вызвал проект Кодекса и в ходе обсуждения его на сессии ВЦИК. Но, учитывая состояние отношений в этой сфере, необходимость формирования новых норм семейной морали, ВЦИК все же принял Кодекс, в котором фактический брак признавался равноправным с юридически оформленным [3, с. 148].

В Сибири в ходе переписи 1926 г. было зафиксировано большое количество фактических браков¹⁵. Но принятие нового брачно-семейного законодательства также подтолкнуло часть населения к юридическому оформлению отношений. Количество юридически оформленных браков резко выросло: в 1925 г. число заключенных браков на 1 тыс. населения составило 7,1, а в 1927 г. – уже 12, т.е. почти удвоилось. Вместе с тем участились и разводы: в 1925 г. их было 2 на 1 тыс. жителей, а в 1927 г. их число возросло до 5,8 [4, с. 6]. Это свидетельствовало о резкой активизации внимания населения к области семейно-брачных отношений, интенсивном процессе переоценки принципов и норм поведения в этой сфере.

Признание фактического брака привело к резкому росту количества судебных процессов, на которых женщины вынуждены были требовать юридического признания своих претензий к мужчинам, не желавшим добровольно выполнять свои обязательства по отношению к супруге или детям. В 1926 г. судебные процессы по взысканию алиментов составили 9,25 % (7815 дел) от всех гражданских дел, рассмотренных судами Сибирского края; во втором полугодии 1927 г. – 11,3 % (11 904), а в первом полугодии 1928 г. – 9,9 % (15 736). Таким образом, очевиден интенсивный рост этой категории гражданских исков, достигший в пер-

⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2-1. Д. 1684. Л. 86, 97–104; Д. 2439. Л. 19.

⁹ Там же. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 145. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 23.

¹¹ Там же. Л. 24.

¹² Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4027. Л. 57.

¹³ Сов. Сибирь. 1926. 4 февр.

¹⁴ Там же. 13 февр.

¹⁵ Сов. Сибирь. 1927. 8 янв.

вой половине 1928 г. объема, почти вдвое превышающего годовой уровень в 1926 г. Среди алиментных дел иски на содержание детей занимали первое место – 79 %, причем основная доля – 75,5 % – приходилась на детей грудного и дошкольного возраста¹⁶.

Основную социальную группу истцов в городе составляли домашние хозяйки, наименьшую – служащие. Такое положение объяснялось следующими причинами: домашняя хозяйка, как правило, не имевшая профессии и не приспособленная к жизни вне домашнего хозяйства, наиболее остро, по сравнению с другими группами женщин, нуждалась в оказании материальной помощи для воспитания ребенка. Кроме того, домохозяйки в 1920-е гг. составляли основной контингент городского женского населения в Сибири.

В деревне наибольшую группу истцов составили крестьянки-беднячки, наименьшую – служащие. Крестьянки-беднячки являлись наименее обеспеченным слоем, поэтому при рождении ребенка и нежелании мужчины его обеспечивать матери часто не могли обойтись без помощи суда. Кроме того, будучи в силу своих экономических условий наиболее незащищенными, бедные крестьянки в большей степени подвергались насилию и пренебрежению.

Интересно отметить, что среди ответчиков по делам о взыскании алиментов в городе наибольшую долю составляли служащие, а в деревне – середняки. Как правило, суды шли навстречу стремлению женщин получать материальную поддержку от отца при воспитании детей и выносили решения о выплате алиментов.

В числе прочих условий для достижения равноправия полов важное значение имело обеспечение экономической независимости женщины, предоставление ей возможности своим трудом зарабатывать себе на жизнь. В 1920-х гг. получить рабочее место, да еще хорошо оплачиваемое, для женской части населения Сибири было довольно трудно. Среди работавших по найму на предприятиях и в учреждениях Сибири в 1924–1926 гг. женщины составляли всего 17,5–18 %. А среди зарегистрировавшихся на бирже труда безработных женщины составляли более половины¹⁷.

Положение женщин в общественном производстве по многим показателям еще было неравноправным с мужчинами. Зарплата женщин в среднем составляла только около 3/4 от зарплаты мужчин, женщины в первую очередь подвергались увольнению; кроме того, дискриминация женщин часто носила скрытый характер, проявляясь в моральном давлении со стороны мужской части трудовых коллективов.

Значительная часть работавших женщин в 1920-е гг. была занята в традиционной для женского труда сфере – домашнем хозяйстве, где роль прислуги или няни для детей часто ставила женщин в зависимое положение от хозяев, порождая возможности для посягатель-

ства на их интересы и права со стороны мужчин. Все это вызывало многочисленные обращения женщин в суд для защиты своих прав и интересов.

По данным судебной статистики, в 1926 г. обращения в судебные учреждения Сибирского края, в которых содержались жалобы женщин на ущемление их имущественных или личностных прав в связи с конфликтами и спорами в области трудовых отношений, составили около 12 % от общего количества гражданских дел; на уровне 12–13 % они оставались и в 1927–1928 гг.¹⁸ Но в количественном отношении число обращений женщин в суд значительно увеличилось. В 1926 г. около 20 тыс. женщин обратились в суд по поводу ущемления их прав в области трудовых отношений, а в 1928 г. это число почти удвоилось, что свидетельствует об активизации женщин в отстаивании своих интересов. Большинство обращений в суд было связано со спорами по поводу заработной платы женщин, их доля от всех исков, связанных с трудовыми отношениями, составляла 87,1 %, иски о восстановлении в должности и оплате вынужденного прогула – 8,6 %¹⁹.

Суды обычно старались защитить интересы женщин в трудовой сфере. Из общего числа подобных исков было удовлетворено 63,5 %, прекращено по различным причинам (в том числе по согласию ответчиков удовлетворить требования иска) 20,4 %, только в 16,1 % случаев женщины получили отказ.

По социальному положению обратившиеся в суд женщины распределялись следующим образом: основную группу истцов в городе представляли работницы – 30,5 %, затем домашние работницы – 25, низшие служащие – 16 %. В деревне на первом месте оказывались батрачки, которые составили половину всех обратившихся в суд, затем крестьянки-беднячки – 47 %.

Ответчиками в городе выступали государственные учреждения и предприятия – 36,7 %, кустари – 10, домохозяйки – 13,3, торговцы – 10 %; в деревне подавляющее большинство ответчиков – это крестьяне: середняки и зажиточные²⁰.

Возникновение судебных дел по трудовым конфликтам определялось слабой работой профсоюзов по защите трудовых отношений, бюрократическим произволом начальства и многими другими причинами. Эти причины можно считать общими для всех работников без различия пола. Но в случаях конфликтов работниц со своими работодателями к ним добавлялись такие специфические причины, как сохранявшиеся представления о том, что женщина не является столь же полноценным и равноправным работником, как мужчина. Довольно часто увольнения женщин оправдывались тем, что мужчина должен кормить семью, а женщина может прожить и «за мужем». Низкую квалификацию женщин, которая была исторически обусловлена, также приводили в качестве основания для дискриминации и увольнения.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4027. Л. 46.

¹⁷ Там же. Д. 1687. Л. 51–63.

¹⁸ Там же. Д. 4027. Л. 37.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 38.

Особую конфликтную группу истцов по отношению к нанимателям (среди которых значительный процент составляли тоже женщины – домохозяйки) представляли домработницы. Специфичность их трудовых взаимоотношений с нанимателями, нерегламентированный рабочий день, отсутствие в большинстве случаев договоров с профсоюзом – все это приводило к тому, что часто конфликты нанимателя и нанявшейся домработницы доходили до суда.

В таких делах женщины могли уже опираться на позицию государства, установившего минимально допустимые нормы оплаты труда. При рассмотрении судебных дел были нередки случаи, когда суд отменял уровень оплаты, установленный устным личным договором нанявшейся женщины и нанимателя как ущемляющий интересы домработницы, применяя в решении по делу существовавшие минимальные ставки оплаты труда домработниц.

В качестве примера можно привести дело домработницы Подкиной, которая в своем заявлении в Особую трудовую сессию при народном суде в одном из районов г. Новосибирска указала, что она нанималась к технику Сиблестреста гражданину Табаку в качестве домработницы за 15 руб. в месяц. Позднее Табак внес изменение в этот договор, предложив Подкиной ежемесячное вознаграждение в 8 руб., половую связь с ним и «взаимное доверие». Соглашение состоялось. И только лишь после того, как Подкина сделала аборт и убедилась, что такой «договор найма» по существу ей не выгоден, она написала заявление о взыскании зарплаты по первоначальному договору и выплате ей выходного пособия. Оба иска суд удовлетворил полностью.

В сфере домашнего и частного хозяйства часто возникали конфликты между родственниками. По данным Сибирского краевого суда, в общем количестве трудовых дел 5,6 % в городе и 1,5 % в деревне составляли дела, возбужденные по заявлению женщин в отношении родственников.

Достаточно привести типичный пример, чтобы иметь совершенно полное представление о многих десятках подобных же случаев. Гражданка Миронова приехала в город искать работу, но так и не смогла устроиться. Ее приютила тетя, которая заключила с ней соглашение о работе по дому «за квартиру и хлеб». Миронова прожила и проработала у родственников год, а затем подала иск о взыскании зарплаты. Суд принял во внимание, что фактически Миронова выполняла роль домработницы. При этом, заключив устное соглашение, ответчица решила избавиться от выплаты зарплаты и соцстрахования, воспользовавшись безвыходным положением истицы. Суд принял решение о выплате Мироновой зарплаты как домработнице ответчицы.

В деревне довольно часто эксплуатация женского труда маскировалась установлением якобы семейных отношений, когда девушек принимали в семью в качестве приемной дочери. Сироты, беспризорники, подростки, выброшенные жизнью на улицу, брались

в «приемные дети» с тем расчетом, чтобы максимальное использование женского труда не только не оплачивалось деньгами, но даже и сносным, мало-мальским сытым существованием. В обзоре подобных дел, представленном Кузнецким окружным судом, описана очень характерная позиция в суде таких лже-усыновителей: «Где-то надо мне было найти работника»²¹.

Очевидно, что наиболее жестокой эксплуатации работавшие женщины подвергались в деревне, где забитость и униженное положение женского пола являлись традиционными для крестьянского общества. Большинство прошедших через судебные учреждения Сибири договоров женщин о работе в крестьянском хозяйстве носили явно кабальный характер, несмотря на то, что многие из них заключались при посредстве профсоюза. Так, при рассмотрении одного из судебных дел выяснилось, что середняк-крестьянин заключил договор с батрачкой, по которому она за работу в течение летнего сезона должна была получить всего 10 пуд. муки; в другом случае батрачка три месяца отработала за юбку и ботинки. Еще в одном случае девушка за работу по дому в течение года получала по договору только 10 руб. и валенки. В судах Сибирского края проходила длинная вереница таких разбирательств, что не в последнюю очередь было вызвано слабой работой профсоюзов по заключению договоров.

Вместе с тем следует отметить, что в изучаемый период партийные и профсоюзные органы развернули активную работу по достижению равноправия женщин. В феврале 1926 г. Отдел ЦК ВКП(б) по работе с работницами и крестьянками провел широкое совещание, по итогам которого было принято Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок». Активное участие в совещании и подготовке данного постановления приняли представители Сибири²². На всех предприятиях Сибири в 1926 г. прошли собрания, посвященные проблемам женщин-работниц и домохозяек, состоялись конференции работниц²³.

В середине 1927 г. в Сибири было проведено широкое обследование условий труда и быта работниц. По результатам обследования Сибкрайком ВКП(б) принял постановление, в котором обращалось внимание местных парторганизаций на активизацию работы среди женщин, в частности, было решено провести общегородские конференции работниц²⁴. В преддверии Всесоюзного съезда работниц, намеченного на 11 октября 1927 г., в городах и округах Сибири прошли съезды женщин²⁵. 25–28 июня 1928 г. ВЦСПС провел Всесоюзное совещание по работе среди женщин, на котором присутствовали также представители Сибири.²⁶

Таким образом, постепенно процесс эмансипации женщины, сопутствующий утверждению нового

²¹ Там же. Л. 39.

²² Там же. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 139. Л. 53–61.

²³ Там же. Л. 125.

²⁴ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1927. № 8–9. С. 13.

²⁵ Сов. Сибирь. 1927. 4 окт.

²⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 164. Л. 207.

типа семьи, характерного для индустриально-урбанистического общества, приносил свои результаты. В обществе утверждались представления о необходимости товарищеских отношений между мужчиной и женщиной, о новой роли женщины в семье и обществе. Эмансипации женщин, утверждению их равноправия с мужчинами эффективно способствовало участие судебных учреждений Сибири в защите имущественных и личных прав женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольфсон С.Я. Социология брака и семья. Минск, 1929.
2. Бранденбургский Я.И. Брак и семья. М., 1926.
3. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979.
4. Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–1927 гг. Новосибирск, 1930.

*Статья поступила
в редакцию 19.11.2012*

УДК 321.74 (571. 1/.5) “1924/1930”

Т.И. МОРОЗОВА

БЮРО СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА РКП(б)–ВКП(б): КОМПЕТЕНЦИЯ, СОСТАВ, ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (май 1924 – август 1930 г.)

Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: morozova_tatiana@bk.ru

В статье рассматриваются компетенция, кадровый состав, принципы формирования, формы и методы работы бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б) с мая 1924 по август 1930 г., являвшегося высшим партийным органом Сибири. На основе широкого круга архивных источников и материалов периодической печати характеризуются взаимоотношения краевого центра с ЦК и местными партийными организациями. Прослеживается процесс бюрократизации регионального партийного аппарата. Выявляются роль и место бюро Сибкрайкома в системе партийного руководства Сибирью.

Ключевые слова: бюро, коммунистическая партия, партийный аппарат, Сибкрайком, Сибирь.

«Руководящее ядро партии», «высший орган власти в СССР» – характеристики, давно и прочно закрепившиеся в исторической литературе за Политическим бюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Сформулированный в постсоветской историографии тезис о произошедшей в начале 1920-х гг. концентрации реальных властных полномочий в пределах исполнительных структур РКП(б) [1, с. 23] внес принципиальные изменения в представления о внутреннем устройстве и механизме работы аппарата коммунистической партии. Признание как первоочередной роли Политбюро в партийно-политической системе 1920-х гг. [2; 3; 4], так и появление второго могущественного центра власти в лице Оргбюро [5, с. 37] актуализировало задачу изучения не только самих этих структур, но и их местных аналогов – бюро областных и краевых комитетов большевистской партии.

Характерное для советской историографии понимание бюро краевых комитетов как органов, только контролирующих выполнение парторганизациями решений партийных форумов [6], сменилось осознанием реального значения этих структур. Деятельность бюро краевых комитетов получила объяснение в контексте разворачивавшейся внутрипартийной борьбы [7]. Изучение партийно-государственного аппарата отдельных регионов СССР привело к выводам, что уже в 1920-е гг. в стране была создана бюрократическая сис-

тема власти. Исследователи показали, что являвшиеся частью этой системы бюро краевых комитетов оказались в результате оторваны как от партийной массы, так и от общества в целом [1; 8]. В то же время специального изучения этих органов, и в том числе бюро Сибирского краевого комитета, до настоящего времени не предпринималось.

Создание в марте 1919 г. Политбюро и Оргбюро ЦК, а затем и бюро региональных партийных комитетов было вызвано необходимостью обеспечить непрерывность партийного руководства. Основанием для выделения бюро в структуре областных парткомитетов послужил Устав РКП(б), принятый XII Всероссийской партконференцией в августе 1922 г. [9, с. 266]. В обязанности новым партийным органам вменялось ведение текущей работы между периодически созываемыми пленумами и конференциями. Отсутствие документально зафиксированной компетенции и оперативность работы бюро областных и краевых комитетов РКП(б) привели к тому, что сосредоточенная в их руках власть не ограничивалась ничем, за исключением полномочий вышестоящих органов и требования соблюдения партийной дисциплины.

Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б) было создано 11 мая 1924 г. и просуществовало до середины августа 1930 г. Входявшее в компетенцию бюро веде-

ние всех текущих дел осуществлялось им через аппарат крайкома, первоначально состоявший из секретно-директивной части, общего, сметно-финансового, организационного и агитационно-пропагандистского отделов, женотдела и истпарта. Орготдел имел в своем составе информационно-статистический и учетный подотделы, агитпроп – подотделы агитации, пропаганды, печати и семь нацменсекций¹.

В результате многочисленных реорганизаций к началу 1930 г. число подразделений, непосредственно подконтрольных бюро краевого комитета, насчитывало уже около двух десятков. В январе–феврале 1930 г. наряду с сохранившимися секретно-директивной и сметно-финансовыми частями, общим отделом и истпартом в структуре Сибкрайкома были учреждены организационно-инструкторский и распределительный отделы, отдел культуры и пропаганды и отдел агитации и массовых хозяйственно-политических кампаний, каждый из которых делился на три–четыре сектора². Однако осуществлявшийся таким образом поиск наиболее оптимальной структуры регионального партийного аппарата напрямую не коснулся бюро краевого комитета, на протяжении 1924–1930 гг. остававшегося высшим руководящим органом Сибкрайкома.

Первый состав бюро краевого комитета включал восемь членов и двух кандидатов в члены³. По мере того как сначала районирование Сибири, а затем курс на индустриализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства требовали от бюро Сибкрайкома рассмотрения всё большего количества вопросов, численность этой структуры последовательно возрастала. Однако даже к лету 1930 г. бюро краевого комитета по-прежнему представляло собой немногочисленную группу из 13 членов и трех кандидатов⁴.

По негласному правилу бюро Сибкрайкома состояло преимущественно из секретаря (а с апреля 1925 г. – первого и второго секретарей) комитета, заведующих его основными отделами, руководителей других краевых организаций, секретарей наиболее крупных губернских или окружных парткомов. Так, 23 декабря 1924 г. очередной пленум Сибкрайкома РКП(б) утвердил бюро краевого комитета в составе девяти членов – секретаря Сибкрайкома С.В. Косиора, председателя Сибревкома М.М. Лашевича, заведующего организационным отделом Сибкрайкома А.К. Лепы, полномочного представителя ОГПУ по Сибири И.П. Павлуновского, председателя Сибкрайсоюза И.И. Панкратова, заведующего агитационно-пропагандистским отделом краевого комитета Б.Д. Пинсона, секретаря ячейки РКП(б) депо ст. Новониколаевск Н.И. Севастьянова, секретаря Новониколаевского губкома Н.А. Филатова, заместителя председателя Сибревкома Р.И. Эйхе и четырех кандидатов – председателя Сиббюро ВЦСПС Л.И. Гинзбурга, заместителя заведующего организаци-

онным отделом Сибкрайкома Ф.И. Гуськова, начальника политуправления и члена реввоенсовета войск Сибирского военного округа Л.С. Сонкина и председателя Сибпромбюро ВСНХ А.М. Тамарина⁵. Такой состав бюро краевого комитета был обусловлен необходимостью поддержания непосредственной связи высшего партийного органа Сибири с важнейшими краевыми и губернскими (с 1925 г. – окружными) организациями региона.

Характерная для 1920-х гг. высокая степень вертикальной и горизонтальной мобильности способствовала постоянному обновлению состава высшего партийного руководства Сибири. За шесть лет существования Сибкрайкома членами и кандидатами в члены его бюро в общей сложности стали 53 чел. [10].

Несмотря на формально проводившиеся переборы, члены и кандидаты в члены бюро крайкома предварительно рекомендовались, как правило, Центральным комитетом. Такая практика позволяла ЦК при внешнем сохранении статуса выборности партийного руководства региона регулировать и контролировать его персональный состав.

Номенклатурный принцип формирования основных руководящих органов краевых, областных и республиканских комитетов РКП(б) был закреплён решением Оргбюро от 25 сентября⁶ и утверждён Политбюро 15 октября 1925 г.⁷ Согласно принятому постановлению, бюро Сибкрайкома наряду с президиумами Закавказского и Северо-Кавказского комитетов, бюро Казахского крайкома, Уральского обкома и ЦК Белоруссии, Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У в обязательном порядке должно было утверждаться Центральным комитетом РКП(б).

Исключительным случаем прямого вмешательства сибирской партийной элиты в формирование состава бюро крайкома стало обращение летом 1930 г. семи представителей высшего партийного руководства региона в ЦК ВКП(б) с просьбой снять Р.И. Эйхе с поста первого секретаря краевого комитета. Постановлением ЦК от 20 августа предпринятая попытка была квалифицирована как «беспринципная групповщина», а ее инициаторы получили выговор за непартийное поведение и были сняты со своих постов⁸. Такой исход конфликта, назревшего в бюро крайкома и вышедшего в итоге далеко за его пределы, стал доказательством безусловной прерогативы ЦК в вопросах формирования краевого руководства.

Пристальное внимание ЦК к составу бюро краевого комитета было обусловлено, прежде всего, важностью и всеохватностью принимавшихся им решений. Именно бюро Сибкрайкома адаптировало применительно к местным условиям директивы ЦК по всем направлениям внутрипартийной работы, руководило советскими органами государственного управления и общественными организациями Сибирского края.

¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 393. Л. 31 об., 32.

² Сов. Сибирь. 1930. 18 янв.; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 35. Л. 269, 271–276; Д. 41; Оп. 5а. Д. 74. Л. 27–32.

³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Изв. Сибкрайкома. Новосибирск, 1930. № 11–12. С. 1.

⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 47. Л. 477.

⁷ Там же. Л. 479.

⁸ Правда. 1930. 22 авг.

Ориентируясь на указания Центра, бюро краевого комитета не только принимало собственные решения, но и вырабатывало проекты резолюций и постановлений, впоследствии, как правило, только утверждавшиеся краевыми партконференциями и пленумами Сибкрайкома. Тем самым, оставаясь в тени региональных партийных форумов, бюро краевого комитета на протяжении шести лет своей деятельности прямо и опосредованно определяло политическое, социально-экономическое и культурное развитие Сибири.

Центральное место в деятельности бюро Сибкрайкома занимало принятие решений по вопросам подготовки, подбора, учета и перераспределения партийных и советских работников краевого, губернского и окружного уровней. Приоритетное внимание уделялось назначению номенклатурных работников на наиболее значимые посты в Сибири и непрерывным кадровым переброскам.

В целом, проводя в жизнь основные принципы кадровой политики РКП(б)–ВКП(б), бюро Сибкрайкома неоднократно протестовало против отдельных решений ЦК. В большинстве случаев возражения краевого руководства возникали в связи с отзывами ответственных работников из Сибири в распоряжение ЦК. Аргументируя невозможность откомандирования тех или иных кадров отсутствием соответствующей замены, бюро краевого комитета нередко удавалось отстоять интересы региона, добиваясь отмены первоначального решения Центра.

Принципиальное значение имели подбор и расстановка ответственных работников в пределах Сибири. Во-первых, осуществлявшиеся бюро крайкома постоянные кадровые переброски в той или иной степени позволяли компенсировать «кадровый голод», особенно обострившийся в связи с районированием Сибири 1925 г. Во-вторых, откомандирование являлось наиболее распространенным способом разрешения возникавших на местах конфликтов, а назначение «проверенных» работников обеспечивало лояльность парторганизаций по отношению к краевому центру.

Рассмотрение обширного круга вопросов и решение проблем не только краевого, но и местного масштаба, требовало от бюро Сибкрайкома весьма напряженного графика работы. Всего с мая 1924 по август 1930 г. состоялось 443 заседания⁹. Однако их частота была крайне непостоянной и колебалась в пределах одного – двенадцати заседаний в месяц, а повестка дня включала в разное время от одного до 30–40 различных вопросов.

В условиях усложнения стоящих перед Сибкрайком задач сохранить в целом темпы работы его бюро позволило создание в начале апреля 1925 г. секретариата краевого комитета. На новый орган, учрежденный для ведения «внутренней и подготовительной работы»¹⁰, была возложена и часть обязанностей бюро крайкома.

Несмотря на отсутствие строго установленного графика, краевое партийное руководство изначально стремилось систематизировать работу бюро крайкома, проводя заседания по четвергам и реже – по понедельникам. В конце января 1926 г. бюро краевого комитета приняло решение заседать еженедельно по вторникам в шесть часов вечера¹¹, что, однако, оказалось явно недостаточным для решения всех имевшихся вопросов. В итоге уже спустя две недели бюро Сибкрайкома было вынуждено вернуться к произвольному назначению дат очередных заседаний.

Новая попытка регламентации деятельности бюро Сибкрайкома была предпринята осенью 1929 г. в рамках кампании по переходу на непрерывную рабочую неделю. Уже 5 и 8 октября сначала секретариат¹², а затем бюро краевого комитета¹³ постановили утвердить новый порядок работы, согласно которому заседания основных краевых органов должны были распределяться в соответствии не с днями недели, а с календарными датами. Для работы бюро краевого комитета выделялись дни, оканчивающиеся на цифру «5». Такой переход на десятидневный цикл заседаний существенно сокращал интенсивность работы краевых органов, что вряд ли было уместно в обстановке начавшейся коллективизации. В результате очередная идея по систематизации и рационализации работы бюро крайкома вновь осталась нереализованной.

Сложности в организации работы бюро Сибкрайкома были обусловлены не только чрезмерным объемом текущих дел, но и громоздкостью аппарата краевого комитета. Бюро крайкома регулярно давало распоряжения многочисленным отделам, подотделам и секциям, контролировало ход и результаты деятельности всех подведомственных ему структур, знакомилось с подготовленными в результате материалами. По данным рационализаторской комиссии, обследовавшей весной 1928 г. деятельность Сибкрайкома, через все его подразделения прошло в течение года в общей сложности около 40 тыс. различных документов [11, с. 44]. Причем значительную долю поступившей в крайком документации составили информационные и личные письма из местных парторганизаций, адресованные непосредственно бюро или секретарю краевого комитета. Сложная организационная структура высшего партийного органа Сибири и огромные масштабы делопроизводства неизбежно вели к бюрократизации работы как всего аппарата Сибкрайкома, так и его в бюро в частности.

Для сокращения объемов материалов, подлежащих рассмотрению бюро краевого комитета, и оперативности получения информации краевое руководство регулярно приглашало на заседания бюро Сибкрайкома руководителей местных парткомов. Активно применялась практика заслушивания докладов секретарей районных, уездных, губернских или окружных коми-

⁹ Подсчитано по: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 1, 2, 6, 7–8, 10, 14, 15, 23–24, 25, 28, 33, 34, 40, 41, 43, 44а; Ф. П-6. Оп. 1. Д. 1077.

¹⁰ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 58. Л. 91.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 63.

¹² Там же. Д. 35. Л. 95.

¹³ Там же. Д. 40. Л. 2.

тетов. Обсуждение различных проблем местных парт-организаций нередко происходило с участием коммунистов, не являвшихся ни членами, ни кандидатами в члены бюро краевого комитета.

Проверить имеющиеся и получить дополнительные сведения, сообщить о последних решениях и проследить за исполнением директив партии в местные парторганизации направлялись информаторы и инструкторы Сибкрайкома. Укреплению партийного руководства также способствовало делегирование секретаря, членов и кандидатов в члены бюро краевого комитета на губернские и окружные конференции.

С целью непосредственного доведения информации о принятых крайкомом постановлениях до краевых организаций с лета 1924 г. бюро Сибкрайкома ввело практику составления списков коммунистов, которым разрешалось присутствовать на всех его заседаниях. В июне постановлением бюро крайкома такое право было закреплено за президиумом Сибирской контрольной комиссии, что на самом деле дублировало один из пунктов Устава РКП(б) 1922 г. [9, с. 271]. Разрешение присутствовать на всех заседаниях краевого комитета было дано 18 сентября 1924 г. заведующему подотделом информации Сибкрайкома А.П. Нелюбину¹⁴, а в ноябре 1926 г. – всем членам бюро фракции Сибирского краевого совета профессиональных союзов, коммунистам от краевых комитетов профсоюзов и членам бюро крайкома ВЛКСМ¹⁵. Поэтому на некоторых заседаниях бюро Сибкрайкома РКП(б) присутствовали иногда до 40 чел., что почти в 4 раза превышало его фактическую численность.

Такое увеличение числа участников заседаний бюро краевого комитета имело противоречивое значение. С одной стороны, сложившаяся практика обеспечивала надежную коммуникацию краевого партийного руководства с партийными, советскими и профсоюзными организациями региона. С другой стороны, привлечение к работе бюро крайкома не входивших в него коммунистов препятствовало соблюдению секретности партийного делопроизводства.

Решение возникшей проблемы было найдено в январе 1926 г., когда часть вопросов повестки дня стала выноситься на так называемые закрытые заседания. Широкое распространение получило также принятие решений путем опроса членов и кандидатов в члены бюро краевого комитета. Эти две новые формы работы бюро крайкома, активно применявшиеся до последних дней его существования, способствовали не только решению вопросов, требующих конфиденциальности, но и сохранению роли и места бюро краевого комитета в партийно-политической системе советского государства.

В августе 1930 г. в результате разделения Сибири на Западно- и Восточно-Сибирский края бюро Сибкрайкома было преобразовано в бюро Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б). Новый орган полностью унаследовал компетенцию, способы фор-

мирования состава, формы и методы деятельности, выработанные на протяжении 1924–1930 гг. Еще принимавшиеся в эти годы попытки рационализации и демократизации работы бюро Сибкрайкома не принесли сколько-нибудь заметных результатов. Разросшееся делопроизводство, практика закрытых заседаний, напряженный режим работы и неоднократное возвращение к обсуждению одних и тех же вопросов неуклонно вели к бюрократизации регионального партийного аппарата.

К 1930 г. бюро краевого комитета было прочно встроено в партийную вертикаль власти. Противоречия, время от времени возникавшие между Центром, бюро крайкома и местными партийными комитетами, были связаны преимущественно с расстановкой партийных и советских кадров, но быстро урегулировались и, как правило, не вызывали резонанса. Ставшая единственным примером серьезных разногласий регионального партийного руководства с позицией ЦК попытка сместить Р.И. Эйхе с поста первого секретаря краевого комитета уже в силу логики внутривнутрипартийной иерархии не могла рассчитывать на успех. Партийная дисциплина и утверждение Центром персонального состава бюро крайкома являлись своего рода гарантией неукоснительного следования директивам ЦК. Сложившиеся принципы взаимоотношения бюро краевого комитета с Москвой, в свою очередь, были перенесены на взаимодействие краевого центра с местными партиями. Реальная власть краевого руководства над партийными организациями региона и последовательное соблюдение им линии партии способствовали закреплению за бюро Сибирского крайкома статуса высшей партийной инстанции Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б): устройство и функционирование. Новосибирск, 1995.
2. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
3. Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). 1923–1938 гг.: в 3 т. М., 2007.
4. The Lost Politburo Transcripts. From collective rule to Stalin's dictatorship. Yale University Press, 2008.
5. Павлюченков С.А. «Орден меча»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
6. Молотов И.А. Сибкрайком: партийное строительство в Сибири. 1924–1930 гг. Новосибирск, 1978.
7. Демидов В.В. Политическая борьба и оппозиция в Сибири. 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994.
8. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007.
9. Программы и Уставы КПСС. М., 1969.
10. Шишкин В.И. Персональный состав высших советских органов власти и управления в Сибири (1919–30): Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б) // Историческая энциклопедия Сибири / глав. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 686–688.
11. Луннов А. О рационализации партаппарата крайкома партии // На Ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 11–12.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 292.

¹⁵ Там же. Оп. 4. Д. 11. Л. 156.

УДК 94(47).084.6

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДАХ 1930-х гг.:
КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный технический университет
e-mail: katrina97@yandex.ru

Статья посвящена коммеморативной составляющей октябрьских торжеств, устраивавшихся, как и во всей стране, в крупных городах Западной Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул) в 1930-х гг. Автор выявляет происхождение октябрьских праздничных практик, характеризует их значение для репрезентации определенных форм коллективной памяти и выражения политической солидарности. Объясняется специфика праздничных коммемораций 1930-х гг. в сравнении с предыдущим десятилетием.

Ключевые слова: октябрьские торжества, коммеморация, политика памяти, государственные праздники.

В исторической науке последних лет заметно возрос интерес к советским массовым праздникам. Среди исследований по истории государственных праздников, обращенных к торжествам 1930-х гг., имеются и обобщающие работы (см., например: [1]), и труды, выполненные на основе анализа региональных материалов (см., например: [2; 3; 4]). Однако до сих пор практически не исследовался коммеморативный аспект советских праздников 30-х гг. XX в., хотя анализ этого вопроса актуален в перспективе осмысления роли исторической политики государства в формировании и трансляции идеологических концептов. Под коммеморацией мы подразумеваем сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации путем увековечения определенных лиц и событий [5, с. 3]. Цель настоящей статьи – охарактеризовать коммеморативную составляющую октябрьских торжеств 1930-х гг. в крупных городах Западной Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул). Сценарии праздников в этот период сохраняли преемственность с дореволюционной эпохой и первым десятилетием советской власти, новая идеология выражалась в привычной, десятилетиями использовавшейся форме. В наши задачи входит определить и описать эту преемственность. Мы также отметим влияние на коммеморации, связанные с октябрьскими торжествами, контекстов социально-экономической и повседневной жизни, а также политики государства.

Как до Октябрьской революции, в 1920-х гг., так и в 1930-х гг. сценарный шаблон государственных праздников оставался типичным. Он включал военный парад, демонстрацию, которая заменила дореволюционный крестный ход, митинг, пришедший на смену божественной литургии, торжественное заседание горсовета (до революции торжественно заседала городская дума), собрания в клубах, бесплатные теат-

ральные постановки на исторические и политические темы, кинопремьеры, выставки, связанные с праздничной тематикой. Каждый структурный элемент праздника актуализировал коллективную память, укреплял идентичность сторонников действовавшей власти, способствовал расширению границ этой социально-политической группы.

С 1920-х гг. в стране сложилась практика организации в городских клубах, на предприятиях и в учреждениях культуры вечеров воспоминаний участников и свидетелей военно-революционных событий (они проводились, как правило, 6 ноября). Используя массовые вечера воспоминаний, работники агитпропа демонстрировали главенствующее участие очевидцев событий 1917–1920 гг. в формировании официального «октябрьского» нарратива, который должен был стать основой коллективной памяти сибиряков. Со временем контроль агитпропа за речами докладчиков возрастал, тексты их выступлений тщательно вычитывались и «прорабатывались» организаторами вечеров. Дополняя слова мемуаристов, пропагандисты выступали сами с краткими обобщающими докладами о причинах революции, ее завоеваниях, всемирном значении и т.п. [6, с. 69].

В 1930-е гг. вечера воспоминаний и публичные читки трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина о революции в ходе «летучек» начинались за две-три недели до самого праздника. Чтение трудов вождей, отрывками публиковавшихся в газетах, проходило под лозунгом изучения истории революции. Понятно, что новых сведений о революционном движении в Сибири и Советском Союзе эти труды не добавляли. Хотя имеются примеры проведения вечеров воспоминаний, посвященных «поколению, воспитанному революцией»¹, в

¹ Накануне 15-й годовщины революции // Красное знамя. 1932. 5 окт.

целом все меньше внимания уделялось живым, индивидуальным, не звучавшим ранее рассказам об Октябре и Гражданской войне. К тематике воспоминаний добавлялись сообщения об успехах промышленного строительства. Эта тема тенденциозно вытесняла собственно революционную проблематику.

Однако в октябрьские дни 1930-х гг. Истпарт и отдельные группы Сибирского землячества, куда входили старые большевики, устраивали и более целенаправленные вечера воспоминаний. Их цель состояла в сборе материала о революции и Гражданской войне. Формально приуроченные к революционным датам, эти мероприятия фактически посвящались периоду с 1917 до 1922 г. Участниками таких вечеров были старые подпольщики. Они стремились к установлению точности в спорных моментах и предпринимали попытки обобщения данных, составлявших основу коллективной памяти их группы (предлагали, к примеру, периодизацию истории подпольной работы в Сибири). Складывается впечатление, что участники этих вечеров продолжали и в 1930-е гг. жить Гражданской войной. Их доклады и диалоги проходили в атмосфере погружения в прошлое. В докладах часто повторялись одни и те же сюжеты, что свидетельствовало о многократных обсуждениях подпольщиками этих тем, составлявших каркас их живой коллективной памяти.

Столь характерное для 1930-х гг. прославление И.В. Сталина и привязка революционного героизма к успехам послевоенного развития страны здесь не акцентировались. Можно даже сказать, что к современности эти люди относились слегка отстраненно, по крайней мере, совместно предаваясь воспоминаниям. Они считали свои воспоминания большой ценностью, сетовали на скорое забвение героев и жертв Гражданской войны, старались назвать под запись имена тех, кто не был широко известен в 1930-е гг., понимая, что в противном случае об этих людях, отдавших свою жизнь за революционные идеалы, уже больше никто не вспомнит. Характерно высказывание подпольщика А. Денисова: «В части погибших товарищей я должен сказать, кроме этой семьи Шамшиных, которая была наиболее героической, погибло еще много товарищей из профсоюзов: Федосеев, Крылов, Кузьмин, Леонтьев, Криворучко, Богданов»². Однако уже на этих вечерах звучала мысль о том, что из-за высокой степени конспирации большевиков и значительных людских потерь более ли менее точная реконструкция истории подпольной борьбы вообще невозможна, невосполнимо утрачены и имена многих погибших подпольщиков.

Содержание воспоминаний охватывало уже известные в целом историкам и общественности сюжеты, однако новизну этим рассказам придавало освещение деталей и проявление личных переживаний докладчиков. 10 ноября 1932 г. революционерка В. Бердникова в красках рассказывала об аресте

членов президиума Новониколаевского совдепа и их расстреле. Она видела их изуродованные тела, слышала от очевидцев о деталях расправы с ними, участвовала в организации их похорон³. На следующем собрании В. Бердникова говорила об агитационной работе против А.В. Колчака среди поляков, о деятельности польской контрразведки, о тюрьме, откуда ей удалось бежать. Выступавший после нее А. Денисов рассказывал о послевоенной обстановке в городе, охваченном тифозной эпидемией. По его мнению, этап преодоления тифа и разрухи был неразрывно связан со всеми предыдущими событиями. В живой памяти поколения рассказчика Гражданская война окончилась лишь тогда, когда были очищены города, решены проблемы голода и инфекций. В докладах подробно рассказывалось также и об арестах рабочих белополяками, их «зверствах», о самоубийстве подпольщицы Дуси Ковальчук в тюрьме и т.п.⁴

При анализе источников складывается впечатление, что хотя перед истпартами 1930-х гг. и стояла задача работы с воспоминаниями подпольщиков, их рассказы активно не тиражировались. Подпольщики, уже спокойно почивавшие на лаврах, жили, скорее, своим героическим и драматичным прошлым, а не будущим, что не соответствовало идеологическому духу времени. Поэтому, можно полагать, что вечера воспоминаний подпольщиков нужны были, прежде всего, им самим. Встречи и беседы укрепляли их сообщество и морально их поддерживали.

Массовые праздничные торжества 7 ноября обязательно открывались военным парадом и демонстрацией. Демонстрация начала 1920-х гг. стремилась, как к конечной цели, к братским могилам жертв Гражданской войны, имевшимся в каждом городе. Там устраивался митинг с целью поминовения героев и воодушевления их примером уцелевших в огне войны борцов за идеалы революции [6, с. 69–70]. Начиная со второй половины 1920-х гг., братские могилы перестали быть доминантным объектом на пути следования демонстрантов. Уникальным был случай, когда в 1930 г. газета «Красный Алтай» упоминала движение демонстрантов к братским могилам с целью им «поклониться»⁵. Популярным элементом шествия демонстрантов в 1930-х гг. стал карнавал. Все клубы предприятий и организаций получали задание подготовить костюмированное шествие по заданной теме. Так, в Барнауле в 1930 г. готовились по теме «Выполнение производствами промфинпланов»⁶. Обязательным элементом торжества был митинг демонстрантов на центральной площади, лейтмотивом которого также являлся отчет партийных лидеров города об успехах индустриализации. Историческая тематика на демонстрациях 1930-х гг. становилась все менее актуальной.

³ Там же. Оп. 4. Д. 1715. Л. 16–18.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 92. Л. 229.

⁵ Демонстрация 7 ноября // Красный Алтай. 1930. 10 нояб.

⁶ Готовимся к Октябрю // Красный Алтай. 1930. 4 нояб.

² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 92. Л. 105.

До революции местные городские власти стремились приурочить к официальным государственным праздникам и памятным датам культурной жизни основание либо открытие церквей, часовен, памятников и различных социальных учреждений, создававшихся обычно на средства меценатов и народные пожертвования. В первой половине 1920-х гг. эта традиция обрела преемственность в виде закладки и открытия памятников на братских могилах жертв Гражданской войны, мемориальных досок, клубов и т.п. В годы форсированной индустриализации к 7 ноября открывали преимущественно не мемориальные объекты, а объекты, актуальные в контексте промышленного строительства. Например, «подарком к Октябрю» жителям Омска в 1935 г. стал новый мост через Иртыш. Впрочем, можно найти и коммеморативный смысл в этом «подарке». В 1919 г., отступая из Омска, армия А.В. Колчака взорвала мост через Иртыш, и советская власть символически восстанавливала порядок и стабильность, возвращая городу мост. Теперь городские предприятия ежегодно открывали к 7 ноября ясли, бани, пускали по маршрутам новые автобусы и т.п.⁷

Однако особо следует отметить открытие 7 ноября 1935 г. памятника В.И. Ленину в Томске на площади Революции. Автором проекта монумента был художник В.В. Козлов, отливался памятник в Ленинграде⁸. Деньги на его создание профсоюзы организованно собирали, начиная с 1931 г.⁹, открытие памятника планировали на 1932 г., но работы затянулись. На торжественном митинге секретарь горкома партии произнес краткую, но емкую речь: «Разрешите памятник гиганту революционной мысли Владимиру Ильичу Ленину считать открытым! Вперед под знаменем Ленина–Сталина к новым победам!»¹⁰. Собственно, о Ленине секретарь горкома практически ничего не сказал, зато выкрикнутый им лозунг в сочетании с мощным воздействием наглядной агитации на демонстрантов должен был иметь эффект пули, точно бьющей в цель. Недаром автор газетного репортажа об открытии памятника зафиксировал восторг и ликование толпы. Стоит упомянуть и памятник В.И. Ленину, открытый в Барнауле на Ленинском проспекте 7 ноября 1938 г.¹¹

Вечером 7 ноября обычно устраивалось расширенное заседание городского совета и торжественные заседания руководителей различных советских учреждений. Главной темой выступлений докладчиков в 1930-е гг. стало подведение итогов экономического и культурного строительства за весь послевоенный период. Особую актуальность приобрела эта тема в 1932 и 1937 гг. (15-летие и 20-летие Октября). Однако

сохранялся и традиционный коммеморативный элемент сценария заседания, который усилился к середине 1930-х гг.

В начале мероприятия обычно вспоминали имя В.И. Ленина, затем называли имена других «борцов, погибших за идеалы большевизма», список которых заметно прирастал именно в 1930-х гг. (Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе, С.М. Киров, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе). После оглашения этого списка звучал траурный марш. Этот момент заседания служил собравшимся напоминанием идеологической формулы: чем существеннее наши экономические достижения, тем острее классовое сопротивление врагов народа, тем дороже жертвы, которые приносит народ, упорно строящий социализм. Если не удавалось найти доказательств тому, что «погибшие борцы» были убиты (умерщвлены) врагами, констатировалась их смерть от истощения сил в тяжелой борьбе за социалистические идеалы. Показательно, что на торжественных заседаниях горсоветов, посвященных годовщинам Октябрьской революции, уже не вспоминали тех, кто погиб именно в 1917–1920 гг., минута молчания посвящалась преимущественно ушедшим героям Советской страны последних лет. Не заострялось внимания и на героях местной революционной истории. Доклады, посвященные колоссальным успехам индустриализации, демонстрировали оправданность жестокой классовой борьбы, доказывали, что «любимцы советского народа» не напрасно положили жизнь на алтарь большевистских идеалов.

Торжественные заседания этих лет были невероятно помпезными. Ораторы пользовались любой возможностью прославить вождя в пламенной речи. С середины 1930-х гг. при формировании президиума заседания в первую очередь в него заочно избирали И.В. Сталина, а затем и других политических лидеров государства. Каждое упоминание имени вождя вызывало волну продолжительных рукоплесканий, заканчивалось заседание речами, прославлявшими И.В. Сталина.

По уже сложившейся к 1930-м гг. традиции, в городских музеях и архивах устраивались к празднику бесплатные выставки. Они посвящались революционной истории, хозяйственным и культурным достижениям последних лет¹². С течением времени экономические выставки становились все более актуальными и даже подавляли тему революции. Если в 1932 г. в октябрьские дни архивное бюро Омска выставляло документы лишь дореволюционного периода и 1917–1920 гг.¹³, то годом позже эти документы были дополнены выставкой материалов по экономическому развитию Сибири с дореволюционных лет до современности¹⁴. Популярными в эти годы были выставки в окнах музе-

⁷ Подготовка к Октябрю // Красное знамя. 1931. 5 нояб.

⁸ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 198. Л. 37–38.

⁹ Там же. Д. 273. Л. 1.

¹⁰ Кескер В. Великий праздник // Красное знамя. 1935. 10 нояб.

¹¹ Памятник В.И. Ленину в Барнауле // Алтайская правда. 1938. 11 нояб.

¹² Выставка к празднику // Рабочий путь. 1930. 2 нояб.

¹³ Хроника октябрьских дней в Омске // Рабочий путь. 1932. 6 нояб.

¹⁴ Зрелищные предприятия в октябрьские дни // Рабочий путь. 1933. 7 нояб.

ев и учреждений, которые можно было бегло, на ходу осмотреть с улицы. Среди таких выставок встречались коммеморации: например, макет шалаша В.И. Ленина в витрине томского универмага¹⁵. Среди кинолент, демонстрировавшихся в октябрьские дни, можно упомянуть такие фильмы революционного цикла, как «Броненосец “Потемкин”», «Москва в Октябре», «Герои домны», «Два броневика», детские картины «Хочу быть летчицей», «Адрес Ленина»¹⁶; «Путевка в жизнь», «Два друга, медаль и подруга»¹⁷.

Документы, относящиеся к 1930-м гг., позволяют судить о некоторых повседневных проблемах в организации октябрьских торжеств, которые неизбежно отвлекали собравшихся от основной темы мероприятия. Это теснота клубных помещений, «хождения» и шум в зале; неизбежные спутники российских праздников – алкоголь и драки пьяных. В 1931 г. художественная часть праздника, устроенного в одном из томских вузов, привлекла такое количество желающих насладиться зрелищем, что возникла настоящая давка. Пожарный, которому поручено было следить за порядком, разогнал «давившихся» студентов и рабфаковцев струей воды из пожарного рукава. История этого «торжества» окончилась судебным разбирательством. Когда партийных руководителей призывали к ответу за пьянство пролетариев в революционный праздник, они разводили руками и говорили: «Почему была пьянка? Потому, что рабочий класс пьет, а вы не пьете?»¹⁸.

Современниками отмечался тот факт, что уже в начале 1930-х гг. праздник Октября многими стал восприниматься «как обыденное явление: пришли, посидели на заседании, попили чаю, потанцевали, и всё»¹⁹. К октябрьским торжествам народ стал привыкать. Уровень жизни в эти годы был гораздо выше, чем в начале 1920-х гг., когда достать красную материю для декорирования и отопить помещение для торжественного вечера было трудно, когда речи не могло идти об угощении собравшихся, а само торжество воспринималось как серьезное мероприятие. Теперь же, несмотря на помпезность и официоз, для большинства произошло своеобразное «обмирщение» октябрьских торжеств. Улицы городов и праздничные залы в это время красиво декорировались, демонстрации и карнавалы пестрели пышным оформлением.

В 1930-х гг. коммеморативная составляющая этого праздника ослабла по сравнению с предыдущим десятилетием. Теперь октябрьские торжества были четко ориентированы на современность, на легитимацию действовавшего режима. Уже в 1930 г. главное содержание октябрьских торжеств определялось как пропаганда пятилетки, культурной революции, решений XVI партсъезда²⁰. Очевидна и тенденция подавления сибирского нарратива революции и Гражданской войны общесоветским.

Итак, в 1930-х гг. сохранялась преемственность в формах организации октябрьских торжеств относительно предшествующих периодов. Однако, если к середине 1920-х гг. из дня памяти и скорби 7 ноября постепенно превращается в день торжества успехов современного развития экономики, общества и культуры, то в 1930-х гг. это смысловое значение праздника становится доминирующим. Праздничные коммеморации еще более унифицируются, на уровне массовых торжеств происходит подавление разных вариантов коллективной памяти об Октябре и Гражданской войне их «правильными» идеологическими репрезентациями; коллективная память сибиряков постепенно вытесняется общегосударственным метанарративом Октября.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ральф М. Советские массовые праздники. М., 2009.
2. Котылева И.Н. Праздничная культура европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005.
3. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005.
4. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
5. Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012.
6. Красильникова Е.И. Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 68–71.

Статья поступила
в редакцию 18.11.2012

¹⁵ Октябрьские огни // Красное знамя. 1935. 10 нояб.

¹⁶ Зрелищные предприятия в октябрьские дни // Рабочий путь. 1933. 7 нояб.

¹⁷ Накануне 15-й годовщины Октября // Красное знамя. 1932. 5 нояб.

¹⁸ ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 121. Л. 35–45.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 326. Л. 60.

УДК 94(47).084.6

Р.Е. РОМАНОВ

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛЮДСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИБИРИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г.)

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: rromanov1981@mail.ru

В статье изучается проблема роли молодежи в возрасте от 15 до 25 лет в формировании различных компонентов людского потенциала Сибири накануне Второй мировой войны: демографического, военно-мобилизационного, миграционного, трудового, социокультурного. В частности, показано влияние ее количественных и качественных характеристик на возрастную-половую структуру населения; на состав мужчин, подлежавших мобилизации в Вооруженные силы в условиях войны; жителей региона, включенных в миграционные процессы; трудоспособного и грамотного населения. Автор делает вывод о том, что в рассматриваемый период молодежь Сибири занимала одно из ведущих мест в процессе формирования людского потенциала региона. Этот демографический фактор являлся важной предпосылкой, обуславливавшей ее интенсивное использование в качестве основного военно-мобилизационного и трудового ресурса в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Сибирь, людской потенциал, молодежь.

В годы Второй мировой войны одним из факторов, оказавших существенное влияние на ход и итоги этого крупнейшего вооруженного конфликта, являлся людской потенциал СССР. В это время советское государство активно использовало его в качестве источника комплектования частей Красной Армии и промышленных кадров военной экономики. При этом большую часть новых пополнений действующей армии и рабочего класса составляла молодежь¹. Начиная с осени 1939 г. данная половозрастная категория населения стала объектом крупномасштабных призывов в РККА, с осени 1940 г. – в учебные заведения гострудрезервов. После непосредственного вовлечения СССР в глобальное военное противостояние в июне 1941 г. масштабы призывных кампаний, мобилизующих юношей и девушек на защиту Отечества и самоотверженный труд в глубоком тылу, существенно возросли. В целом в период Второй мировой войны молодежь являлась важнейшим военно-мобилизационным и трудовым ресурсом страны. Данный факт актуализирует необходимость изучения ее роли в формировании людского потенциала на момент проведения переписи 1939 г., отразившей количественные и качественные характеристики населения СССР. В центре внимания автора находится молодежь Сибирского региона, ставшего в первой половине 1940-х гг. одним из важнейших районов советского тыла.

Стоит отметить, что обозначенная проблематика получила некоторое освещение в новейшей российской

историографии. В монографии В.А. Исупова «Главный ресурс Победы...» [1] на фоне общей картины демографического развития Западной Сибири в годы Второй мировой войны показана доля молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет² в составе жителей края, их место в развитии семейно-брачных отношений, в военной и экономической мобилизации населения. Количественный и качественный состав молодежи, ее влияние на рождаемость и смертность, миграционные процессы в Западно-Сибирском регионе в 1939 – первом полугодии 1941 г. выявлены в статье [2, с. 204–211]. Вместе с тем в современной отечественной историографии остаются лакуны, связанные с определением роли юношей и девушек в формировании различных компонентов людского потенциала Сибири накануне Второй мировой войны: демографического (все население), военно-мобилизационного (население, подлежащее мобилизации³ в Вооруженные силы в условиях войны), миграционного (население, включенное в миграционные процессы), трудового (трудоспособное население⁴), социокультурного (население, овладевшее грамотностью). Заполнение этих лакун и является целью настоящего исследования.

² Здесь возрастные рамки молодежи указаны в соответствии с переписью 1939 г.

³ На момент проведения переписи 1939 г. военно-мобилизационный потенциал СССР включал мужское население от 21 года до 49 лет, а также женщин соответствующих возрастов, овладевших военными специальностями.

⁴ Трудоспособное население состояло из мужчин в возрасте от 16 до 59 лет и женщин в возрасте от 16 до 54 лет, способных к труду.

¹ В данной статье под молодежью понимается отдельная социально-демографическая группа населения, возрастные рамки которой определяются в интервале от 15 до 25 лет.

Для того чтобы понять, какое место занимали юноши и девушки в демографическом потенциале Сибири в рассматриваемый период, необходимо, прежде всего, дать оценку их численности и доли в составе населения региона на момент проведения переписи 1939 г. Изучение количественного состава молодежи в возрасте до 25 лет является очень сложной задачей, поскольку в материалах переписи, опубликованных в соответствующих сборниках⁵, она не выделена в отдельную возрастную группу. Вместе с тем в электронной версии информационного бюллетеня «Население и общество»⁶ Института демографии Высшей школы экономики содержатся статистические данные переписи⁷, позволяющие оценить общую численность молодых людей, проживавших в крае накануне Второй мировой войны. В это время в целом по Сибири эта категория составляла более 2,8 млн чел., или почти 20 % населения (табл. 1). Следовательно, каждый пятый житель региона относился к молодежи. При этом если в Западной Сибири доля юношей и девушек была ниже общесибирского показателя и почти совпадала с общесоюзным (19,2 % [3, с. 249]), то в Восточной Сибири – превышала их соответственно на 0,9 и 1,6 % (табл. 1). Такие различия обуславливались тем, что в формировании населения Восточно-Сибирского региона мигранты из других районов СССР (в основном люди молодого и среднего возраста) играли более значимую роль, чем Западно-Сибирского. В целом молодежь являлась одной из самых крупных категорий людско-

го потенциала как страны, так и региона, уступая по удельному весу только детям до семи лет (табл. 1).

Важным фактором, обуславливавшим качественные характеристики демографического потенциала Сибири, являлась половая структура молодежи. В ней нашла отражение общая тенденция к доминированию женщин в составе населения региона. Так, если среди детей и подростков соотношение полов было относительно пропорциональным, то среди молодых людей был явный перевес женщин (табл. 2). В целом удельный вес мужчин и женщин в составе молодежи на региональном уровне примерно соответствовал общесоюзным показателям⁸. Причем дисбаланс полов заметно возрастал по мере ее взросления. Среди жителей Сибири от 15 до 17 лет численный перевес девушек достигал 12,2 тыс. чел., или 0,4 %, от 18 до 25 лет – 71,4 тыс. чел., или 2,5 %⁹. Его нарастание среди совершеннолетних молодых людей было обусловлено ростом в данной возрастной категории смертности мужчин. В целом абсолютная и удельная величина женского перевеса среди молодежи была существенно выше, чем среди лиц в возрасте от 26 до 39 лет (табл. 2). В последнем случае естественная убыль мужского населения частично компенсировалась притоком трудовых мигрантов (в основном мужчин), что способствовало снижению диспропорций между полами. В составе жителей Сибирского региона в возрасте от 40 лет и старше в связи с растущей смертностью мужчин, сокращением числа мигрантов, боевыми потерями в ходе Первой

Т а б л и ц а 1

Молодежь в возрастной структуре населения Сибири накануне Второй мировой войны, тыс. чел.*

Возрастная группа, лет	Сибирь		Западная Сибирь		Восточная Сибирь	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 7	2900,9	20,3	1815,3	20,3	1085,6	20,2
8–11	1560,0	10,9	1015,3	11,3	544,7	10,1
12–14	1189,4	8,3	774,7	8,7	414,7	7,7
15–29	3888,4	27,2	2354,3	26,5	1534,1	28,5
В том числе:						
15–25	2846,5	19,9	1725,0	19,3	1121,5	20,8
30–39	1929,9	13,5	1191,6	13,4	738,3	13,7
40–49	1127,7	7,8	693,1	7,7	434,6	8,1
50–59	810,3	5,7	494,4	5,5	315,9	5,9
От 60 и старше	901,3	6,3	580,4	6,5	320,9	6,0
Всего:	14307,9	100,0	8923,1	100,0	5384,8	100,0

*Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. С. 20–26, 31–35; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев, областей, автономных республик, автономных областей и округов РСФСР [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php (дата обращения: 10.01.2013).

⁵ Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. СПб., 1999.

⁶ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/proekt.php> (дата обращения: 06.01.2013).

⁷ Речь идет о публикации материалов переписи 1939 г., отложившихся в фондах Российского государственного архива экономики.

⁸ По переписи 1939 г. доля мужчин среди молодежи в целом по СССР составляла 48,8 %, доля женщин – 51,2 % – подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения СССР и союзных республик [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_39.php (дата обращения: 06.01.2013).

⁹ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев...

Т а б л и ц а 2

Молодежь в половой структуре населения Сибири накануне Второй мировой войны, тыс. чел.*

Возрастная группа, лет	Всего		Мужчины		Женщины		Женский перевес	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
До 11	4460,9	100,0	2230,5	50,0	2230,4	50,0	– 0,1	0,0
12–14	1189,4	100,0	595,0	50,0	594,4	50,0	– 0,6	0,0
15–25	2846,5	100,0	1381,3	48,5	1465,2	51,5	83,9	3,0
26–39	2971,8	100,0	1485,1	50,0	1486,7	50,0	1,6	0,0
40–49	1127,7	100,0	540,2	47,9	587,5	52,1	47,3	4,2
50–59	810,3	100,0	354,1	43,7	456,2	56,3	102,1	12,6
От 60 и старше	901,3	100,0	376,7	41,8	524,6	58,2	147,9	16,4
<i>Итого</i>	14307,6	100,0	6962,9	48,7	7345,0	51,3	382,1	2,6

*Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев...

Т а б л и ц а 3

Молодежь в составе военно-мобилизационного потенциала Сибири накануне Второй мировой войны, тыс. чел.*

Возрастная категория мужчин, лет	Абс.	%	
		ко всему мужскому населению	к военно-мобилизационному потенциалу
21–25	590,9	8,5	22,6
26–29	524,0	7,5	20,0
30–39	961,1	13,8	36,7
40–49	540,2	7,8	20,7
Весь военно-мобилизационный потенциал	2616,2	37,6	100,0
Все мужское население	6962,9	100	100

*Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев...

мировой и Гражданской войн удельная величина женского перевеса, напротив, была значительно выше, чем среди молодых людей. Вместе с тем, степень деформации половой структуры молодежи превышала ее среднее значение в населении в целом (табл. 2).

Значительное преобладание женщин в половой структуре жителей Сибири, в частности в составе молодежи, оказывало негативное влияние на формирование военно-мобилизационного потенциала региона. По переписи 1939 г. в абсолютном выражении этот потенциал¹⁰ достигал 2616 тыс. чел., или менее 40 % всего мужского населения края (табл. 3). Отдельным его компонентом являлись юноши от 21 года до 25 лет, бывшие либо призывниками, либо военнослужащими РККА (в том числе уволенными в запас). В целом численность данной половозрастной группы в регионе составляла около 600 тыс. чел., или более 22% людских ресурсов¹¹ (см. табл. 3), подлежавших мобилизации в

случае участия СССР в крупном военном конфликте. В целом юноши 21–25 лет являлись одной из крупных категорий военно-мобилизационного потенциала, существенно уступая по удельному весу лишь мужчинам от 30 до 39 лет. Кроме того, при выявлении роли молодежи в его формировании нужно иметь в виду, что в связи с начавшейся через несколько месяцев Второй мировой войной в Вооруженные силы стали призываться также 19–20-летние юноши, занятые в народном хозяйстве, и 18-летние юноши, окончившие среднюю общеобразовательную школу. Однако, поскольку среднее образование получала незначительная часть молодых людей, основная масса 18-летних не призывалась в РККА. По этой причине в полной мере стоит учесть только численность мужчин в возрасте 19–20 лет. На момент проведения переписи в Сибири она достигала 245,2 тыс. чел.¹² Вместе с немногочисленными выпускниками средних школ данная половозрастная

¹⁰ В данном случае не учитываются женщины, овладевшие военными специальностями и подлежавшие мобилизации в РККА в условиях войны.

¹¹ Доля юношей от 21 года до 25 лет в составе военно-мобилизационного потенциала Сибири была несколько выше общесо-

юзного показателя (21,5 %) – подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения СССР и союзных республик.

¹² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев...

категория составляла около 10 % мужчин, подлежащих воинскому призыву или мобилизации. Следовательно, накануне Второй мировой войны юноши 19–20 лет являлись потенциальным источником комплектования Вооруженных сил.

Наряду с активным участием в формировании военно-мобилизационных ресурсов молодежь также занимала важное место в миграционном потенциале Сибири. В условиях индустриального освоения и развития региона она активно включалась во внутрирегиональные миграции населения, перемещавшегося из сельских районов в городские поселения региона¹³. Например, в 1938–1939 гг. в Новосибирск прибыло 183,8 тыс. чел., в том числе юношей и девушек в возрасте до 24 лет – 55,9 тыс., выбыло из Новосибирска – 148,2 и 41,4 тыс. чел. соответственно¹⁴. Удельный вес молодых людей в составе мигрантов, прибывших в город, составлял 30,4 %, в частности, в возрасте от 16 до 59 лет – 35,1 %, выбывших – 27,9 и 30,8 %. Всего молодежь составляла более четверти населения, вовлеченного в процесс механического движения людских ресурсов. Интенсивный приток юношей и девушек в промышленные центры Сибири способствовал увеличению прослойки молодежи среди горожан и ее сокращению среди сельчан. Данные тенденции нашли отражение в материалах переписи 1939 г., зафиксировавшей в составе горожан более высокую долю молодых людей, чем в составе жителей сел как на региональном (табл. 4), так и на общесоюзном уровнях¹⁵. При этом разница между их удельным весом в структуре горожан и сельчан (4,9 %) была ниже лишь аналогичного показателя, характерного для возрастной группы населения от 26 до

39 лет (5,5 %). В целом накануне Второй мировой войны молодежь являлась одной из крупнейших категорий миграционного потенциала Сибири.

Благодаря высокому удельному весу среди людских ресурсов и миграционной активности молодежь играла существенную роль в формировании трудового потенциала Сибири. По переписи 1939 г. общая численность трудоспособного населения¹⁶ достигала более 7200 тыс. чел., или 50,3 % всех жителей региона. Молодые люди составляли более 35 % трудоспособного населения, уступая по удельному весу лишь мужчинам и женщинам от 26 до 39 лет (табл. 5). В Сибирском регионе этот показатель был заметно выше общесоюзного уровня¹⁷. В частности, доля девушек в структуре трудоспособных женщин превышала долю юношей среди трудоспособных мужчин (табл. 5). В целом молодежь являлась весьма специфическим трудовым ресурсом. С одной стороны, в условиях экономической занятости основной массы взрослого населения она была важнейшим источником комплектования кадров для отраслей народного хозяйства Сибирского региона. После окончания неполной средней школы многие молодые люди (14–15 лет) в течение двух – трех лет осваивали специальности и включались в профессиональную деятельность. С другой стороны, стремление некоторой части юных жителей городов и сел к продолжению учебы, воинский призыв юношей от 21 года и старше, уход многих девушек с производства по семейным обстоятельствам ограничивали возможности трудового использования молодых людей в региональной экономике. С учетом надвигавшегося мирового вооруженного конфликта эта проблема в ближайшей пер-

Т а б л и ц а 4

Молодежь в составе городского и сельского населения Сибири накануне Второй мировой войны, тыс. чел.*

Возрастная группа молодежи, лет	Все население		Горожане		Сельчане	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
до 11	4460,9	31,2	1186,6	26,1	3274,3	33,5
12–14	1189,4	8,3	328,9	7,2	860,5	8,8
15–25	2846,2	19,9	1057,2	23,3	1790,0	18,4
26–39	2971,8	20,8	1112,4	24,5	1858,4	19,0
40–49	1127,7	7,8	384,3	8,5	743,4	7,6
50–59	810,3	5,7	260,4	5,7	549,9	5,8
От 60 и старше	901,3	6,3	213,0	4,7	688,3	7,0
<i>Всего</i>	14307,6	100,0	4543,0	100,0	9764,9	100,

*Составлено по: Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. С. 20–26, 31–35; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев...

¹³ Накануне Второй мировой войны доля горожан в составе населения Сибири достигала 31,8 %, в том числе в составе молодежи – 37,1 %, доля сельчан – 68,2 и 62,9 % соответственно. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. С. 20–26, 31–35.

¹⁴ ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 269. Л. 17, 19.

¹⁵ В целом по СССР доля молодежи от 15 до 25 лет в составе городского населения достигала 22,6 %, сельского населения – 16,2 %. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения СССР и союзных республик.

¹⁶ Без учета мужчин в возрасте от 16 до 59 лет и женщин от 16 до 54 лет, полностью или временно утративших трудоспособность.

¹⁷ Доля молодежи от 16 до 25 лет в составе трудового потенциала СССР достигала 29,9 %. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения СССР и союзных республик.

Т а б л и ц а 5

Молодежь в составе трудового потенциала Сибири накануне Второй мировой войны, тыс. чел.*

Возрастная группа, лет	Все население		Мужчины		Женщины	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
16–25	2529,9	35,1	1223,9	34,0	1306,0	36,3
26–39	2971,8	41,3	1485,1	41,2	1486,7	41,3
40–49	1127,1	15,7	540,2	15,0	587,5	16,3
50–54	417,6	5,8	199,1	5,5	218,5	6,1
55–59	155,0	2,2	155,0	4,3	–	–
<i>Всего</i>	7202,0	100,0	3603,3	100,0	3598,7	100,0

*Составлено по: Всесоюзная перепись населения. 1939. Основные итоги. Россия. С. 20–26, 31–35; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев...

Т а б л и ц а 6

Молодежь в составе грамотного населения Сибири накануне Второй мировой войны, тыс. чел.*

Возрастная группа, лет	Всего		Численность и доля грамотных	
	абс.	%	абс.	%
8–11	1560,0	100,0	1387,1	88,9
12–14	1189,4	100,0	1163,3	97,8
15–24	2560,0	100,0	2430,1	94,9
25–39	3258,4	100,0	2300,5	70,6
40–49	1127,7	100,0	688,0	61,0
50–59	810,3	100,0	347,4	42,9
От 60 и старше	901,3	100,0	214,1	23,8
<i>Всего</i>	11407,0	100,0	8530,5	74,8

*Составлено по: Всесоюзная перепись населения. Распределение неграмотного населения регионов РСФСР по полу и возрасту [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ill_39.php (дата обращения: 10.01. 2013).

спективе должна была обостриться в связи с массовым призывом в РККА 19–20-летних юношей, как правило, уже получивших первоначальный профессиональный опыт. При этом численный перевес женщин среди молодежи становился фактором, смягчавшим негативное влияние широкомасштабных призывных кампаний на формирование трудовых ресурсов Сибири.

Следует отметить, что качественные характеристики трудового потенциала Сибири были обусловлены не только демографическим, но и социокультурным обликом людских ресурсов региона. Одним из важнейших его элементов являлся уровень распространения грамотности среди жителей края. По переписи 1939 г. лица, овладевшие грамотностью, составляли почти 3/4 населения региона в возрасте от 8 лет и старше. В составе трудоспособного населения Сибири доля грамотных достигала 74,3 %, в том числе в составе юношей и девушек – около 95 % (табл. 6). Последний показатель на региональном уровне был чуть ниже, чем в целом по СССР¹⁸. По удельному весу грамотных молодежь

уступала только подросткам от 12 до 14 лет. В структуре трудовых ресурсов она отличалась самым высоким уровнем распространения грамотности, что было связано с широким охватом детей, подростков, юношей и девушек как системой начального образования, так и сетью курсов ликбеза. Следовательно, основная масса молодых людей обладала социокультурным потенциалом, достаточным для освоения первоначальных профессиональных навыков.

В целом накануне Второй мировой войны молодые люди играли существенную роль в формировании людского, и в частности демографического потенциала Сибири. По абсолютному и удельному показателям молодежь занимала второе место (1/5 жителей региона) среди всех количественно сопоставимых с ней возрастных групп населения. Относительно высокая доля юношей и девушек была одним из факторов, обуславливавших демографическую молодость населения как в масштабах региона, так и страны в целом. Кроме того, характерный для половой структуры молодежи численный перевес женщин усиливал гендерный дисбаланс в составе всех жителей Сибири, что было вызвано высокой смертностью мужчин.

В рассматриваемый период молодежь играла особую роль в формировании военно-мобилизационного

¹⁸ Доля грамотных в составе молодежи СССР достигала 96,0 %. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Распределение неграмотного населения СССР и союзных республик по полу и возрасту [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_ill_39.php (дата обращения: 06.01.2013).

потенциала Сибирского региона. Юноши от 21 года и старше, призывавшиеся в Вооруженные силы, являлись второй по абсолютной и удельной величине возрастной категорией мужчин (более 1/5), потенциально годных к военной службе. Однако с учетом понижения призывного возраста после начала Второй мировой войны численность и доля военнообязанной молодежи в ближайшей перспективе должна была заметно увеличиться. Следовательно, совершеннолетние юноши являлись не только основным источником комплектования частей РККА, но и скрытым резервом, позволявшим укрепить военно-мобилизационный потенциал в условиях косвенного вступления СССР в мировой вооруженный конфликт.

В конце 1930-х гг. юноши и девушки занимали важное место в миграционном и трудовом потенциале Сибири. Молодежь являлась одной из самых мобильных групп населения, оказывавшей значительное влияние на формирование контингентов горожан в возрасте от 15 до 59 лет. Накануне Второй мировой войны она стала второй по абсолютному и удельному показателям категорией трудоспособного населения (более 1/3). При этом использование молодых людей в качестве источника комплектования кадров народного хозяйства в перспективе осложнялось в связи с существенным расширением контингента призывников, амортизатором которого, с точки зрения сохранения трудового потенциала, становился численный перевес женщин в половой структуре молодежи.

Накануне Второй мировой войны данная социально-демографическая группа оказывала также значительное влияние на социокультурный потенциал Сибири, в частности на уровень распространения грамотности среди жителей региона. По этому показателю юноши и девушки занимали второе место среди всех возрастных групп населения, что положительно отражалось на качестве трудовых ресурсов региона.

Таким образом, в рассматриваемый период молодежь Сибири занимала одно из ведущих мест в процессе формирования людского потенциала региона. Этот демографический фактор являлся важной предпосылкой, обуславливавшей ее интенсивное использование в качестве основного военно-мобилизационного и трудового ресурса в годы Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.
2. Романов Р.Е. Молодежь в демографическом зеркале Западной Сибири (январь 1939 – июнь 1941) // Демографическое пространство Азии. История, современность и гипотезы будущего: сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск, 2011.
3. Информационное письмо заместителя начальника ЦУНХУ Госплана СССР В. Старовского Н.А. Вознесенскому // Советская повседневность и массовое сознание: сб. документов. М., 2003.

Статья поступила
в редакцию 23.11.2012

УДК 94(470+571)“19”

Н.Н. АБЛАЖЕЙ¹, Л.М. САЛАХОВА²

«КАК У ВАС ОРГАНИЗОВАН РЕЖИМ И КОНТРОЛЬ?»

¹д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: ablazhey@academ.org

²канд. ист. наук,
Восточно-Сибирская государственная Академия образования,
Иркутск
e-mail: mars62@rambler.ru

В научный оборот вводится документ делопроизводства Отдела спецпоселений УМГБ Иркутской области. Это типовой годовой отчет одной из районных спецкомендатур 9-го отделения УМГБ Иркутской области, позволяющий судить об отчетном делопроизводстве и регулировании пребывания депортированных на спецпоселении. В качестве комментариев использована стенограмма совещания с комендантами спецкомендатур от 28 марта 1952 г.

Ключевые слова: этническая ссылка, спецкомендатура, отдел спецпоселений, режим.

В архивохранилищах информационных центров МВД, в фондах отделов спецпоселений сохранился массив документов, представляющий большой интерес для исследователей, изучающих историю ссылки в СССР 1930–1950-х гг. Названные отделы выполняли функции административного надзора за спецпоселенцами, ссыль-

нопоселенцами и ссыльными. В июне 1950 г. статус структуры, занимавшейся работой со спецпоселенцами, в очередной раз был уточнен: соответствующий отдел МВД передавался в МГБ СССР, в составе которого для работы со спецпереселенцами было создано 9-е управление. Такие же реорганизации проводились и на местах: отделы

переселений УМВД трансформировались в 9-е отделы и переподчинялись УМГБ.

Данная публикация акцентирует внимание на низовом сегменте делопроизводства отдела спецпоселений – делопроизводстве районных спецкомендатур, которое сохранилось крайне фрагментарно, поскольку большая его часть уничтожалась после ликвидации в СССР системы поселений. От когда-то обширного массива делопроизводства и отчетности органов МВД–МГБ в фондах региональных архивов МВД остались довольно немногочисленные и разрозненные коллекции документооборота по организации режима поселения, размещению, трудовому и жилищно-бытовому устройству и другим аспектам жизни различных контингентов ссыльных. Вместе с тем отчетная документация территориальных управлений МВД–МГБ, наряду с наблюдательными делами и личными делами спецпоселенцев, позволяет всесторонне изучить режим спецпоселений. Наряду со статистическими сводками и типовыми справками о движении «контингента» и его трудовом использовании годовые отчеты дают представление о надзорных функциях, осуществлявшихся в местах обязательного поселения спецконтингентов. Типовая форма отчетов отделов спецпоселений была утверждена еще в 1944 г. Отчет состоял из двух базовых разделов: первый касался «наличия спецконтингента, его расселения и трудового устройства», во втором отражалось «состояние режима и чекистской работы».

С самого начала агентурно-оперативная работа считалась важнейшим направлением работы с высланными, а с конца 1940-х гг., когда в отношении ряда «контингентов»

произошло ужесточение режима спецпоселения, что было обусловлено принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. и июньской 1949 г. «Инструкции для комендантов МВД по работе среди выселенцев-спецпоселенцев», она стала доминировать в отчетном делопроизводстве районных спецкомендатур. Важно также подчеркнуть то обстоятельство, что эффективность спецпоселенческой системы измерялась в значительной мере показателями годовой отчетности о количестве предотвращенных побегов, раскрытых политических преступлений и фиксации антисоветских проявлений, в первую очередь среди этнических контингентов. При этом эффективность системы гласного и негласного наблюдения за спецконтингентом зачастую вызвала обоснованную критику со стороны самих сотрудников МВД–МГБ.

Ниже приводится годовой отчет спецкомендатуры № 15 Иркутского райотдела МГБ, комментарии к которому построены на другом архивном источнике: выдержках из протокола оперативного совещания 9-го отдела МГБ с отчетами комендантов спецкомендатур от 28 марта 1952 г. Такой подход позволяет дополнить стандартный отчет фактами из будничной повседневной практики. Это, в свою очередь, дает возможность рассматривать спецпоселение одновременно как элемент режимной дискриминационной системы и как конструкт социума, объединившего и надзирателей, и поднадзорных: со своими правилами и внутренними конфликтами, социальными характеристиками и повседневной жизнью, которая оставалась «за кадром» в выхолощенных для Москвы отчетах периферийных отделов, описывающих состояние дел на местах.

**ОТЧЕТ КОМЕНДАНТА СПЕЦКОМЕНДАТУРЫ № 15 ИРКУТСКОГО
РАЙОННОГО ОТДЕЛА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР Т.Г. ЛОПАРЕВА¹
О РАБОТЕ ЗА 1951 г. И ПЕРВЫЙ КВАРТАЛ 1952 г.**

[Не позднее 27 марта] 1952 г.

Отчет

О работе спецкомендатуры № 15 Иркутского РО МГБ за 1951 и 1 квартал 1952 гг.

Спецкомендатура № 15 дислоцируется [в] пос. Большая Речка, Иркутского района от гор. Иркутска на расстоянии 55 км.

В спецкомендатуре № 15 по состоянию на 25/III-1952 года расселено выселенцев и спецпоселенцев: семей = 561 с общим количеством 1 583 чел. Из них взрослых = 1 194 ч., детей 389.

№№ п/п	Контингент	Семей	челов.	Из них:			
				муж.	жен.	детей	взрослых
1	Немцев	114	412	96	173	143	269
2.	Лит. выселен.	64	222	70	91	61	161
3.	Эстонцев	49	137	37	70	30	107
4.	Оуновцев	74	111	18	80	13	98
5.	Лит. спецпос.	185	601	190	273	138	463
6.	Власовцев	38	38	38	-	-	38
7.	Указников	22	22	3	19	-	22
8.	Иеговистов	12	34	16	15	3	31
9.	латышей	3	6	3	2	1	5
	ВСЕГО:	561	1583	471	723	389	1194

Весь спецконтингент расселен в 13 поселках, не считая лесосек и мелких поселков, которые разбросаны на расстоянии 100 км. Вышеуказанный спецконтингент для режима и чекистского надзора закреплен за личным составом спецкомендатуры²:

1. За пом. комендантом л-том ПУСТОВАЛОВЫМ закреплено: спецконтингент, расселенный на уч. Хархатай, Малышкино^а, и Маховая, семей 251, чел. 734. Из них взрослых 549 чел.³

2. За пом. Комендантом лейтенантом КРИВЫМ закреплено: спецконтингент, расселенный на участках: Кочергат Верхний и Нижний, Малоголоустная и Солнопечный, семей 75, чел. 192, взрослых 154 чел.

3. Спецконтингент, расселенный по участкам: Б-Речка, Распопиха, Черемшанка, Б-Коты, Алатай, непосредственно обслуживаются комендантом⁴.

№№ п/п	Наименование поселков	Семей	челов.	Из них:			Фамилия надзирателя
				муж.	жен.	дет.	
1.	Б-Речка	103	261	80	110	71	Затолюкин
2.	Черемшанка	50	108	35	41	32	Шурупов
3.	Алатай	41	139	40	67	25	"-"
4.	Малышкино	57	168	44	82	45	Пустовалов
5.	Хархатай	194	566	174	252	140	Кирихин
6.	Кочергат	44	102	18	65	19	Кривой
7.	М. Голоустная	31	90	24	47	19	"-"
8.	Распопиха	30	122	43	47	32	Маров
9.	Б-Коты	11	34	16	12	6	"-"
	ИТОГО:	561	1583	471	723	389	

Для поддержания режима и административного надзора вышеуказанные поселки со спецконтингентом закреплены по актам за надзирателями: пос. Б-Речка тов. ЗОТЛОКИН, уч. Черемшанка надзиратель тов. ШУРУПОВ, уч. Малышкино надзиратель тов. КИРЮХИН, уч. Распопиха и Б-Коты надзиратель тов. МАРОВ⁵.

Для повседневного контроля и ежедневной проверки наличия спецконтингент закреплён за ст[аршими] бараков, десятидворок, которые подобраны из числа выселенцев, внушающие доверия. Всего в наличии ст[арших] бараков по спецкомендатуре имеется 45 человек. Старшие бараков ежедневно проверяют наличие выселенцев, закреплённых за ними, о чем докладывают работникам спецкомендатуры и учиняют росписи⁶ в журнале ежедневных докладов. Со ст[аршими] бараков ежемесячно проводятся инструктивные совещания по вопросам выполняемой ими работы.

В течение 1951 года, по спецкомендатуре было заменено по неадекватности 12 старших бараков. Из числа ст[арших] бараков хорошо относятся к своим обязанностям: МАЧЕРНИС, РЕЗЛЕР, БОРОНАЙТЕ, ВАЙЧУНАС, благодаря хорошей работы вышеуказанными ст[аршими] бараков⁷ были предупреждены самовольные отлучки со стороны выселенцев: БАБИН, ЗАВАЛКО, ДИКАЯ.

В отдалённых производственных точках работы, как уч. 7 лесосека, 14 км., 10 км., Маховая, прииск Байкал-золото, повседневный административный надзор за выселенцами осуществляется через мастеров участков, десятников, бригадиров, которые в случае не выхода спецпоселенца на работу сообщают в спецкомендатуру коменданту.

За отчетный период имело место со стороны выселенцев нарушение режима спецпоселения, выразившееся в самовольных отлучках в гор. Иркутск без разрешения комендатуры 6 случаев: (ЗАЙКАЙТИС⁷... АКСМАН и ГУБЕРТ). На нарушителей режима были наложены административные взыскания⁶.

На выселенцев ЗАВАЛКО, БАБИН, ДИКАЯ наложен штраф в размере по 100 рублей [с] каждого.

Регистрация выселенцев проводится ежемесячно по контрольным листам комендантом и его помощником⁷.

II. СОСТОЯНИЕ АГЕНТУРНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ РАБОТЫ.

За отчетный период времени агентурная сеть комендатуры составляла 62 человека. В 1951 году в агентурную сеть было завербовано 14 чел. агентов. В феврале месяце 1952 года из агентурной сети было исключено 35 агентов, передано в другие спецкомендатуры 2 агента.

По состоянию на 25/III-52 года агентурная сеть комендатуры состоит из 25 агентов. На связи у коменданта ЛОПАРЕВА 11 агентов[,] у пом. коменданта тов. ПУСТОВАЛОВА 10 агентов, у пом. коменданта тов. КРИВОГО 4 агента. Встреча и прием агентуры производится согласно графика, утвержденного Нач. РО МГБ на каждый месяц не менее 3-х встреч с каждым.

^а Далее на машинке забито слово, не читается;

⁶ исправлено, в документе роспили;

⁷ исправлено, в документе бараками;

⁷ далее на машинке забиты три фамилии ДИКАЯ, БАБИН, ЗАВАЛКО;

Агентурная сеть направляется на выявление лиц, склонных к побегу[,] и нарушителей режима, для освещения настроения спецконтингента, а также для вскрытия националистического антисоветского подполья⁸.

За отчетный период от агентуры получено ряд ценных агентурных материалов, заслуживающие оперативного внимания, как например, от источников: «ВОЙНОРАС», «БЕЛОВ», «БАЙКАЛ» были получены агентурные материалы на группу литовских националистов: РЕЙКОЛАС, КУБЕЛЮНАС, СИРВИДИС, ВАШКЕЛИС, МАТЕЛИС, которые будучи озлобленные на Советскую власть проводили среди спецпоселенцев антисоветскую агитацию, направленную против существующего строя.

На основании полученных агентурных материалов было заведено агентурное дело «Коварные» и в июле месяце 1951 года дело было реализовано, и преступники были осуждены на 25 лет каждый⁹. Кроме того по полученным агентурным материалам об антисоветской деятельности спецпоселенца-«власовца» ДАСАНОВА, который в феврале 1952 года арестован и привлекается к уголовной ответственности⁹.

Кроме того аг[ентурный] материал был использован для заведении 3 д.ф. и имеется серьезные зацепки на 9 чел.

III. БОРЬБА С ПОБЕГАМИ И СОСТОЯНИЕ РАБОТЫ ПО РОЗЫСКУ И ЗАДЕРЖАНИЮ БЕЖАВШИХ

Для вскрытия лиц, склонных к побегам[,] была направлена имеющая[ся] агентура[,] состоящая на связи у коменданта, его помощников.

На путях вероятного движения бежавших выселенцев организованы из числа партийно-комсомольского актива, мастеров, бригадиров, лодочников, дорожных обходчиков и лесников группы содействия, которых в наличии имеется 8 групп содействия с общим числом 41 человек.

За 1951 г. имел место один случай побега выселенца ШЕВЧИК М. с уч. Хархатай (в декабре 1951 года)¹⁰. Побег был ликвидирован благодаря члена группы содействия МАЛЫЦОВА, который сообщил в спецкомендатуру, что разыскиваемый нами ШЕВЧИК скрывается в Тальцах, после сообщения тов. МАЛЫЦОВА, мною ШЕВЧИК был задержан.

В спецкомендатуре имеется план ближнего розыска на случай совершения побега спецпоселенцев.

IV. КОНТРОЛЬ ЗА ТРУДОВЫМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯМИ:

Весь спецконтингент передан для трудового использования в следующие министерства:

№№ п/п	Наименование министерств.	семей	челов.	муж.	жен.	взр.
1.	Большереченский ЛПИХ мин. лес. пр.	486	1342	390	617	1007
2.	Хим. лес. хоз. мин. хим. пром.	34	86	22	47	69
3.	Гор. жил. снаб.	30	122	43	47	90
4.	МВД прииск Байкал-зол	11	33	16	12	28
	ВСЕГО:	561	1583	471	723	1194

Переданные для работы спецпоселенцы в указанные министерства и организации жилплощадью обеспечены нормально, для выселенцев одиночек, имеются общежития.

В зимнее время в Б-Реченском леспромхозе выселенцы расселены от участков в лесосеках. По спецкомендатуре за отчетный период времени умышленных уклонений от общественно-полезного труда со стороны выселенцев случаев не было, за исключением указника БОЙКО И.И.

V. РУКОВОДСТВО И ОКАЗАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СПЕЦКОМЕНДАТУРЫ СО СТОРОНЫ РО МГБ.

Руководство и оказание практической помощи со стороны руководства РО МГБ осуществляется тем, <что> ежемесячно с комендантами, его помощниками один раз в месяц проводится инструктивное совещание.

По вопросам режима среди выселенцев, опер. работе, по вопросам учета и отчетности. Кроме этого на местах в спецкомендатуре бывают работники Иркутского РО МГБ ежемесячно. Зам. Нач РО МГБ и ст[арший] оперуполномоченный капитан ГУСЕВ, которые практически помогают на месте в работе по режиму, работе с агентурой и другим вопросам¹¹.

⁸ далее на машинке забито 5 человек.

VI. МЕРОПРИЯТИЯ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ УЛУЧШЕНИЮ РАБОТЫ ПО ВЫСЕЛЕНЦАМ:

По спецкомендатуре за выселенцами создать строгий режим и усилить чекистский надзор с таким расчетом[.] чтобы не допустить ни одного случая самовольного оставления места спецпоселения, а также побегов.

В связи с наступлением весенне-летнего периода времени пересмотреть всех ст[арших] бараков и групп содействия, неработоспособных и не внушающих доверие заменить.

Всю агентурную сеть направить на выявление лиц[.] склонных к побегам, а также националистического антисоветского подполья.

С личным составом спецкомендатуры повседневно проводить беседы по вопросам укрепления чекистско-воинской дисциплины и усилении режима и чекистского надзора за спецконтингентом в разрезе требований приказов МГБ СССР и директивных указаний УМГБ ИО.

Командант спецкомендатуры № 15
Иркутского РО МГБ
капитан

Лопарев

– ИЦ ГУВД по Иркутской области. Ф. 49. Оп.1. Д. 29. Л. 23–27. Машинописный подлинник. Подпись – автограф. На л. 23 в верхнем левом углу надпись красным карандашом: «Доклад заслушан на оперсовещании в 9 отделе 27/3-52. К протоколу Ш 31/3» (подпись-росчерк неразборчиво).

КОММЕНТАРИИ

¹ Лопарев Тимофей Георгиевич – капитан, командант спецкомендатуры № 15 Иркутского района. – ИЦ ГУВД. Ф. 49. Д. 29. Л. 80.

² Систему надзора в спецкомендатурах и должностные инструкции комендантов регламентировало Положение СНК СССР № 34-14 с от 8 января 1945 г., а также ведомственные инструкции. Непосредственное руководство спецкомендатурами осуществляли районные отделы НКВД–МВД–МГБ по территориальному принципу. В обязанности спецкомендантов входили обеспечение учета, надзора за спецпоселенцами и реализация комплекса мер, направленных на пресечение побегов, беспорядков и антисоветских проявлений. В качестве инструмента контроля выступали административные взыскания и система гласного (аппарат спецкомендатур и групп содействия) и негласного (через осведомителей) наблюдения за всеми переселенцами, в первую очередь за теми, кто считался «склонным к побегам», «антисоветским проявлениям» и «уголовно-бандитским действиям». Штат районной комендатуры состоял обычно из четырех человек: комендант, он же оперативный уполномоченный райотдела, помощник коменданта, делопроизводитель и статист ИК. Штат поселковой комендатуры состоял из коменданта, а количество помощников – оперативных уполномоченных или надзирателей определялось в зависимости от численности контингента (в среднем из расчета 200 семей на одного уполномоченного), но на практике работников часто не хватало.

³ Самые обширные комментарии коменданта Лопарева на совещании относились к работе его заместителя Пустовалова: «т. Пустовалов работает плохо[.] больше уделяет внимания своему хозяйству, имеет двух коров, откармливает свиней для продажи, имеет бесчисленное количество кур, молоко продает по 20 литров в детсад, продает мясо, яйца.

А работы от Пустовалова не видно, за последнее время он привез материалы, которые не имеют никакой ценности[.] я бываю у него два раза в месяц, даю указания, но он их невыполняет. Он знает свое дело, но все у него связано с личными делами, шкурные дела больше всего его занимают[.] имеет дом, все для его хозяйства делают спецпоселенцы (привозят воду, дрова и др.). Уезжая в отпуск, оставлял в доме хозяйничать литовку[.] а также когда жена болела, то также хозяйничала литовка. Там был завмаг[.] который сделал растрату, и будучи в квартире перед ревизором хвастался большой суммой денег, которые Пустовалов не принял мер для изъятия этих денег. Сейчас начал работать очень плохо». На вопрос о надзоре Лопарев в очередной раз подверг замкоманданта критике: «...на Малышкино там тяжелее, т. Пустовалов держит надзирателя при себе, а необходимо ему

быть на участке. <...> два раза надзиратель уезжает на точки, о чем он мне докладывает, это я сам перепроверяю. С Русаковым я <...> и спрашиваю о его посещениях этих точек. В Малышкино дело обстоит плохо, там работает Пустовалов, порой не выезжает на участок». Но при этом, в одном из выступлений, за сотрудника заступились другие оперработники: «Пустовалов – работал хорошо, и его хоз-во на работе не отражалось[.] только в последнее время запустил работу[.] обещал исправить» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп.1. Д. 21. Л. 6–9).

⁴ На отчетном совещании сотрудников 9-го отдела МГБ трижды в вопросах и комментариях прозвучала критика в адрес самого коменданта Лопарева. В первом случае речь шла о том, что районным отделом МГБ был получен «сигнал» от начальника леспромпхоза о «неправильном поведении» и запоздалой реакции по факту растраты. Во втором речь шла о работе с агентурой: «Лопарев – сам также стал работать хуже и надзор[ный] состав у него имеет все плохие показатели. Работы с ними тов. Лопарев не проводит». А одно из замечаний касалось того, что сам комендант фактически поощряет незаконные отлучки спецпоселенцев: «Я скажу <...> возможности к нарушениям были, так как Лопарев не согласовывал с РО – направлял в Иркутск с[пец]/поселенцев, даже с записками, в которых указывает, что направляет людей на работы дом[ашней] хозяйкой. Есть с[пец]/пос[еленцы], которые находятся с 2 мес. без надзора» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп. 1. Д. 21. Л. 6–7, 8, 11).

⁵ В отношении остальных сотрудников поселковой спецкомендатуры комендантом были даны следующие комментарии: «...т. Кривой грамотный, умеет работать, но нет базы для работы и <...> на участок, где работает сейчас т. Пустовалов.

Затолокин и Русаков мне не нужны, толку от них мало, особенно от Затолокина.

Маров – имеет ряд недостатков, имеет связь со спецпереселенцами и последнее время он хочет уйти, брал деньги у спецпоселенцев» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп.1. Д. 21. Л. 7 об).

⁶ Вопрос о самовольных отлучках спецпоселенцев по ходу выступления коменданта поднимался трижды: «Вопрос: были ли нарушения режима[?]»

Ответ: был[о] 6 случаев самовольных отлучек, по ним приняты меры и наложены взыскания. (По тексту протокола следует, что таковыми стали административные штрафы по 100 руб. – Авт.).

Вопрос: сколько чел[овек] привлекли за паразит[ический] образ жизни[?]»

Ответ: таких не было. Есть один человек[.] симулирует[.] не работает, он сейчас находится у меня, берет деньги у Ад<...>, а не работает, т. е. постоянно не выходит на работу». По ходу выступления Лопареву пришлось уточнить, что из шести случаев самоволь-

ных отлучек «3 случая имели место в 1951 г. и 3 случая в 1952 г.». Также были даны разъяснения по поводу двух «неучтенных» случаев нарушения режима в случае со спецпоселенцами Дикой и Шевчуком: «...Дикая – получила разрешение до 23[,] а она живет до 25 и никто не знает, где она. Нарушение не включено в число даже указанных нарушений».

К Шевчук прибыла жена[,] она жила долгое время и склонилась к побегу, и Лопарев знал даже фамилию жены Шевчук» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп.1. Д. 21. Л. 11–11 об).

В итоговом отчете спецкомендатуры первый случай отнесен к административным нарушениям, а второй – к побегу (см. текст отчета. – Авт.).

⁷ На совещании были сделаны замечания: «Книга учета с/пос[еленцев] ведется не полностью. Пункт регистра[ции] заявлен[ий] не выполняется. Пункт 85 не ведется. Почему не выполняются?».

Пункт 110 инструк[ции] не выполняется, возвращает обратно в Райотдел – был утерян пакет, который был возвращен из секретариата Востсиблеса» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп.1. Д. 21. Л. 10).

⁸ На совещании именно агентурная работа была детально проанализирована и высказывались серьезные критические замечания: «Вопрос: что делается по приобретению агентуры?»

Ответ: Мы готовим целевые вербовки и есть подготовленные 4 человека.

Вопрос: какие цел[евые] вербовки[?]

Ответ: в Хархатае подготов[лено] 2 чел. цел[евой] вербовки. По нашей работе цел[евых] вербовок нет.

Вопрос: у вас на всех участках есть агентура – и как вы ее принимаете[?]

Ответ: агентура есть, принимаю я ее поздно вечером в период регистрации, до регистрации и второго после регистрации. Есть случаи расконспирации, но только не полностью, только предположение, и его мы перебрасываем на др. участок.

тов. Соколов – повседневный контроль осуществляется каждый день. Но это не так, на докладе выяснилось, что они проверки не делают[,] а просто записывают со слов. Агентура дает другие сведения, а задания не выполняет.

Аг[ент] “Молот” – это ходящий агент, бывает на многих участках, и он этим себя расконспиривал» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп.1. Д. 21. Л. 9–10).

На совещании Лопарева поддержал комендант спецкомендатуры № 16 лейтенант В.Е. Кривой, который констатировал, что «...самым большим местом является агентурная работа. Лит. материалов, которые от нас требуются, по приказу – о побеговых настроениях, агентура не нацелена на выполнение данного указания».

Несмотря на то[,] что мы освободились от балласта в агентуре, продолжает иметь место явка без материалов, и хорошие агенты не дают тоже материалов.

С приемом агентуры дело обстоит плохо – нет места для приема агентуры. Нет конспир[ативных] квартир. Нужно ли допускать расконспиривания агентуры и исключена возможность расконспирив[ания] хорошей агентуры. Встречи с агентурой один раз в месяц можно подготовит[ь]ся, так, чтобы не расконспиривать агента.

После первых материалов о склонах к побегу у вас по ним больше материалов нет».

⁹ Данный сюжет не получил освещения в ходе заседания.

¹⁰ Этот побеговой случай довольно подробно разбирался на заседании 28 марта 1952 г., в частности, отмечалось, что основанием к побегу спецпоселенца стал приезд жены.

¹¹ На совещании высказывалось предложение о доукомплектовании штата поселковой спецкомендатуры и даже разделении ее на две спецкомендатуры в связи с поступлением новой партии спецконтингента: «Вопрос: сколько вам нужно надзирателей[?]

Ответ: 3 человека.

Вопрос Назарова: Не вызывает ли необходимость разделить на две комендатуры[?]

Ответ: с 1 апреля там нужна будет комендатура, туда Леспромхоз забрасывает людей, около 400 сот человек» (ИЦ ГУВД. Ф. 49. Оп.1. Д. 21. Л. 8 об).

Статья поступила
в редакцию 13.12.2012

УДК 621.039(571.6)

И.М. САВИЦКИЙ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В КАРСКОМ МОРЕ В СВЯЗИ С ЗАХОРОНЕНИЕМ ЯДЕРНЫХ ОТХОДОВ В УСЛОВИЯХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: politik@history.nsc.ru

В статье рассматриваются места и способы захоронения ядерных отходов в Карском море, мероприятия по изучению радиационной обстановки и их результаты. Актуальность проблемы возрастает в связи с дальнейшим освоением Северного морского пути, в том числе для международных грузоперевозок, а также вокруг о. Белый в Карском море, где сосредоточена четверть всех углеводородных запасов мира, газа и конденсата.

Ключевые слова: захоронение ядерных отходов, атомные реакторы, отработанное ядерное топливо, Военно-морской флот, Карское море, научно-исследовательские экспедиции, экологическое состояние моря.

В условиях развития производства ядерного оружия совершенствовались технологии и процессы, создавались новые типы атомных реакторов, которые

дали возможность развернуть производство атомных подводных лодок, атомных ледоколов и другой военной и мирной техники. Естественно, со временем они

вырабатывали свой ресурс и подлежали утилизации. Следовательно, нужны были практические решения и разработанные способы обезвреживания и захоронения образовавшихся радиоактивных отходов.

В обстановке «холодной войны» эта проблема не считалась первостепенной. Не были разработаны общие правила и технологии утилизации отработанных ядерных отходов. Поэтому применялись ведомственные решения, использовались простейшие технологии, захоранивались радиоактивные отходы в морях. Такая практика существовала в большинстве стран с развитой атомной промышленностью.

Первое захоронение радиоактивных отходов в морях было произведено в 1946 г. США в северо-восточной части Тихого океана на расстоянии 80 км от побережья Калифорнии. С 1949 г. сбросы стали производиться Великобританией, с 1955 г. – Японией. С 1960 г. начинается практика регулярного сброса жидких радиоактивных отходов, а с 1964 г. – захоронения твердых радиоактивных отходов в северных и дальневосточных морях¹.

Жидкие радиоактивные отходы с удельной активностью от 10^{-8} до 10^{-5} Ки/л захоранивались в специально намеченных районах моря на удалении 25 миль от берега, а отходы с более высокой активностью хоронили в отдаленных районах открытого моря. Захоранивание твердых радиоактивных отходов в северных морях России началось в 1964 г., а в 1970–1980-х гг. их объем составлял около 6–7 тыс. м³ в год. Крупногабаритные твердые отходы просто сбрасывали в море или загружали в специальные суда, преимущественно баржи и лихтеры, и вместе с ними затапливали в отдаленных районах.

Северным морским флотом использовалось пять районов в Баренцевом море, из них три – в открытом море глубиной около 300 м и два – в прибрежной зоне для слива жидких радиоактивных отходов. Восемь районов отводились в Карском море для захоронения твердых радиоактивных отходов. Главный из них находится в Новоземельской впадине, относительно глубоководной – около 380 м, а остальные семь – в заливах восточного побережья Новой Земли глубиной в десятки метров.

В восточной части моря источником осаждения служил вынос вод Оби и Енисея, обогащенный радиоактивными материалами, при этом при смешивании речной и морской воды здесь отлагалось 90–95 % взвешенных и 20–40 % растворимых в воде веществ. В то же время относительно глубоководная Новоземельская впадина была способна сравнительно надежно захоронить и твердые радиоактивные отходы. Однако необходимо иметь в виду, что в пределах Карского моря и моря Лаптевых берут свое начало ветки трансарктического дрейфа, проходящего через район Северного полюса, у берегов Гренландии и вблизи Северной Америки. В 1967 г. Главный штаб ВМФ СССР определил 13 районов в северных морях, в том числе в Карском,

для захоронения твердых и жидких ядерных отходов [1, с. 11–20; 2, с. 7–10].

Ядерными могильниками являлись многие бухты и заливы в Карском море. Так, в заливе Цивольки в сентябре 1964 г. был затоплен лихтер «Н. Бауман», а также 4750 контейнеров. Здесь же в октябре 1967 г. утоплены 125 тепловыделяющих сборок вместе с тремя аварийными реакторами, центральный отсек с экранной сборкой ледокола «Ленин».

В заливе Абросимова в 1965–1966 гг. затоплены отсеки четырех атомных подводных лодок, всего восемь реакторов, из них три с невыгруженным ядерным топливом. В заливе Степового на глубине 35–50 м лежат 1850 контейнеров и атомная подводная лодка К-27. По соседству с ней находятся еще 14 реакторов с подводных лодок, из которых шесть с невыгруженным ядерным топливом.

В 1965–1981 гг. в заливах Абросимова, Цивольки, Степового и Новоземельской впадине Карского моря затоплено семь реакторов с невыгруженным или частично выгруженным отработанным ядерным топливом. Кроме того, в заливах Абросимова, Цивольки и Течений в 1965–1988 гг. захоронены реакторы с выгруженным отработанным ядерным топливом. В заливе Неупокоева затоплены твердые радиоактивные отходы активностью 3,4 тыс. Ки, в заливе Ога – 850 Ки, в заливе Благополучия – 650 контейнеров с радиоактивными отходами [3, с. 144; 4, с. 108; 5, с. 30–31; 6, с. 166–167].

В последующие годы захоронения отработанных ядерных отходов продолжались. Об этом свидетельствуют такие данные: в 1988 г. в составе ВМФ СССР было около 350 подводных лодок, в том числе атомных, 670 надводных кораблей. А в 1995 г. в составе ВМФ оказалось 185 подводных лодок, в том числе атомных, 400 надводных кораблей. Ежегодно из его состава выводилось до 15 подводных лодок и 20 надводных кораблей, а всего с 1992 по 2000 г. общее сокращение составило 40 % [7, с. 86–87].

Основную массу твердых радиоактивных отходов, захороненных в северных морях, составляли низко- и среднерadioактивные отходы, образовавшиеся при эксплуатации надводных и подводных кораблей ВМФ с ядерными энергетическими установками и атомного ледокольного флота, а также на соответствующих судостроительных заводах. Как правило, затопленные в северных морях отходы заключены в металлические контейнеры.

Крупногабаритные радиоактивные отходы захоронены отдельно или внутри специально выделенных судов – барж, лихтеров, танкеров. В основной состав таких отходов входили: пленочные покрытия, инструменты, средства индивидуальной защиты, спецодежда, арматура, трубопроводы, коробки фильтров активности, насосы, парогенераторы, а также различные отходы, образующиеся при судостроительных работах. Общая активность затопленных средне- и низкоактивных твердотопливных отходов в Карском море составила более 15,5 кКи (574 ТБк). Наибольшая их часть захоронена в районе № 1 Новоземельской впадины.

¹ Рос. газета. Прилож. № 63. 1993, апр. Вып. 6.

Среди всех захоронений радиоактивных отходов в северных морях экологическую опасность представляют реакторы, прежде всего, затопленные с отработанным ядерным топливом в заливах Новой Земли и в Новоземельской впадине Карского моря. Так, в момент захоронения активность отходов ядерного топлива сборок ледокола «Ленин» в 1967 г. составляла 100 кКи [8, с. 232–233]. Перед затоплением реакторные отсеки с невыгруженными отходами ядерного топлива заполнялись твердеющей смесью на основе фурфурола. Это предотвращало их контакт с морской водой до 500 лет. Кроме того, сборки с отходами ядерного топлива ледокола «Ленин» дополнительно были помещены в железобетонный контейнер и металлическую оболочку².

Суммарная активность жидких радиоактивных отходов затопленных в 1959–1992 гг. 13 ядерных реакторов и их частей, в том числе десяти в заливах Новой Земли и в Карском море, составляет 8,5 тыс. Ки. Общая активность жидких радиоактивных отходов в северных морях, без учета отходов, попавших в море в результате утечек из береговых хранилищ и в связи с авариями на атомных подводных лодках, составляла 24 тыс. Ки, в том числе в Баренцевом море – 12 153 Ки, в Белом море – 100, в Карском море – 8,5 тыс. Ки [6, с. 232].

В декабре 1997 г. ВМФ России начал операцию по уничтожению 20 межконтинентальных баллистических ракет. Это твердотопливные РСМ-52, произведенные до 1983 г. По неофициальной версии, уничтожение еще более старых жидкотопливных ракет РСМ-40 (около 200 шт.), произведенных в 1973–1974 гг., велось путем подрыва над акваторией Карского моря. Это приводило к образованию токсичных облаков, содержащих гептил и азотную кислоту [9, с. 90].

В международно-правовом плане вопросы захоронения радиоактивных отходов в морях регулировались «Конвенцией по предотвращению загрязнения морей сбросами отходов и других материалов», подписанной в Лондоне в 1972 г. и вступившей в силу 30 августа 1975 г., а для СССР – в январе 1976 г. Ее действие распространялось на все морское пространство, кроме внутренних морских вод. Глубина захоронения должна была быть не менее 4 тыс. м. Разрешался сброс только низкоактивных отходов в географических широтах между 50° с. ш. и 50° ю. ш. Соответствующие этим требованиям акватории имеются только в дальневосточных морях Российской Федерации. Полностью исключались районы севернее 50° с. ш., т. е. все северные моря, омывающие территорию России. Основной целью захоронения радиоактивных отходов в морях являлась изоляция опасных отходов от среды обитания человека на период, достаточный для физического распада радионуклидов.

После вступления в силу Лондонской конвенции СССР принял ряд мер, направленных на выполнение международных норм. В 1979 г. Советом министров СССР было принято постановление «О мерах по со-

блюдению выполнения обязательств советской стороны, вытекающих из конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, 1972 г.». Однако меры по прекращению сбросов радиоактивных отходов ВМФ приняты не были. Причиной этого стали отсутствие технических средств переработки радиоактивных отходов, недостаточная емкость береговых хранилищ и др. Несоответствие действий и обязательств СССР по Лондонской конвенции, как отмечалось на закрытых межведомственных совещаниях, проведенных в 1983–1990 гг. Госгидрометом и Госкомприродой СССР, не было устранено на уровне правительства СССР³.

СССР нарушил три главных требования конвенции. Затопление радиоактивных отходов производилось в районах выше 50° с. ш. и на глубине значительно меньшей, чем 4 тыс. м. В Карском море из восьми районов захоронения твердых отходов в трех максимальная глубина была 380 м, а пять имели глубину 13–33 м. Подавляющее большинство контейнеров с отходами перед затоплением не заполнялось отвердителями – бетоном, битумом и т. п. Поэтому в Карском море всплывали контейнеры с радиоактивными отходами. Один из таких радиоактивных контейнеров был выловлен в октябре 1984 г. в заливе Абросимова. После того как матросы вырезали в нем отверстия, он затонул [6, с. 166].

Время от времени в этот район по заданию МЧС и Росгидромета, как правило, попутно, заходили гидрографические суда, чтобы замерить радиационный фон и оценить состояние защитных барьеров. Радиационное обследование морей, используемых для захоронения радиоактивных отходов, проводилось Госкомгидрометом СССР во время экспедиций на научно-исследовательских судах. В 1982 г. исследованием ледоколом «Отто Шмидт» было выполнено радиационное обследование Карского моря. Но все исследования радиационной обстановки после 1967 г. осуществлялись в акваториях, находящихся на расстоянии 50–100 км от районов захоронения твердых отходов. Непосредственно в районах захоронения контроль радиоактивной обстановки в течение 25 лет не проводился.

С 1991 г. ВМФ прекратил захоронение в морях твердых радиоактивных отходов, а сбросы жидких сократил до минимума. Но Россия располагала 235 кораблями и судами с ядерными энергетическими установками, в том числе 228 в ВМФ Министерства обороны и семь в Министерстве транспорта. 394 атомных реактора в ВМФ и 13 реакторов ледоколов – это 60 % от мирового количества. Ежегодно в процессе эксплуатации атомных подводных лодок и судов с ядерными энергоустановками образовывалось до 20 тыс. м³ жидких и до 6 тыс. т твердых радиоактивных отходов. Для решения проблемы их утилизации в октябре 1992 г. была образована правительственная комиссия по вопросам, связанным с захоронением в морях радиоактив-

² Там же.

³ Там же.

ных отходов. В феврале 1993 г. комиссия представила Президенту РФ доклад о своей работе⁴.

С 1992 г. российско-норвежской комиссией по сотрудничеству в области охраны окружающей среды было начато изучение радиоактивного загрязнения северных морских акваторий. Работу проводили на борту научно-исследовательского судна «Виктор Буйницкий» Мурманского управления Росгидромета. В этом же году состоялась совместная экспедиция по оценке общего уровня радиоактивного загрязнения Карского и Баренцева морей. В следующем году были выполнены исследования захоронений в заливах Цивольки и Степового на восточном побережье Новой Земли и в Новоземельской впадине Карского моря. В 1994 г. обследовано наиболее важное с радиэкологической точки зрения захоронение в заливе Абросимова.

В каждом районе проводили: поиск затопленных объектов и их визуальное наблюдение с помощью буксируемого высокочастотного сонара бокового обзора и управляемого на расстоянии подводного аппарата, снабженного высокоточным сонаром кругового обзора и видеокамерой; отбор проб морской воды, донных отложений, биоты; прямые измерения активности с помощью погруженных детекторов.

Были обнаружены и определены координаты, а затем предельно обследован ряд затопленных объектов, в том числе два отсека атомных подводных лодок с реакторами и отходами ядерного топлива в заливах Абросимова и Степового. Результаты проведенного в 1992–1993 гг. российско-норвежской экспедицией анализа содержания цезия-137 и стронция-90 в пробах морской воды из районов захоронения представлены в таблице (нКи/м³) [8, с. 237].

Из данных таблицы следует, что концентрация цезия-137 и стронция-90 в поверхностных водах исследуемых мест захоронения и в открытом Карском море в пределах мест захоронения практически одинакова. Содержание радионуклидов в придонных слоях морской воды в заливе Цивольки и Новоземельской впадине совпадало с уровнем, определенным для Карского моря. Во внутренней части залива Степового в глубинных водах имелись места более высоких концентраций цезия-137 – до 860 пКи/м³ и стронция-90 – до 700 пКи/м³ по сравнению с открытым Карским морем.

Согласно результатам предварительных измерений, выполненных во время совместной российско-норвежской экспедиции 1994 г., в заливах Абросимова

и Степового наблюдались участки с высоким уровнем загрязнения донных отложений, главным образом в местах захоронения контейнеров с радиоактивными отходами. Высокие уровни содержания цезия-137 – до 54 нКи/кг сухого веса в заливе Абросимова и до 1600 Ки/кг в заливе Степового имелись только в непосредственной близости от захороненных контейнеров. На расстоянии нескольких десятков метров от объектов наблюдались уровни загрязнения, характерные для большей части акватории залива.

Повышенные уровни радиоактивного загрязнения дна, хотя и существенно меньше, чем у контейнеров, обнаружены и вблизи некоторых затопленных объектов с отходами ядерного топлива. Так, около одного из реакторных отсеков, затопленных в заливе Абросимова, зарегистрированы загрязнения цезием-137 до 11 нКи/кг. Это указывало на утечку радиоактивных веществ из объектов данного типа [8, с. 234, 239].

В феврале 1993 г. в Осло состоялось международное совещание экспертов по оценке имеющихся и потенциальных последствий захоронения радиоактивных отходов в арктических морях, в котором приняли участие представители 12 стран и специалисты МАГАТЭ. На основании рассмотренных материалов сделан вывод, что в настоящее время нет достаточных доказательств опасного воздействия источников радиоактивного загрязнения на среду арктических морей.

В июне 1993 г. в Вудс-Холле в США прошла международная конференция по проблемам радиоактивных захоронений в арктических водах. Ее организатором был расположенный в этом городе Океанографический институт. Среди 166 участников форума из 10 стран было 24 представителя из России. Ученые пришли к выводу, что не существует непосредственной угрозы широкого загрязнения в Арктике и Северной Атлантике от радиоактивных отходов, начиная от низкоактивных до загруженных топливом реакторов, которые сбрасывал Советский Союз.

По результатам радиационно-гигиенических и радиэкологических обследований районов захоронения твердых и сброса жидких радиоактивных отходов, полученным ВМФ, рядом научных учреждений, в частности, Институтом геохимии и аналитической химии РАН, НПО «Тайфун» в 1967–1992 гг., не было зарегистрировано опасного радиоактивного загрязнения морской среды как непосредственно в районах захоронения, так и в прилегающих акваториях [8, с. 236–239].

Слой воды	Радионуклиды	Карское море	Залив Цивольки	Залив Степового	Новоземельская впадина
Верхний	Цезий-137	0,08–0,22	0,11–0,16	0,08–0,19	0,11–0,19
	Стронций-90	0,08–0,30	0,11–0,16	0,11–0,19	0,05–0,08
Придонный	Цезий-137	0,21–0,54	0,16–0,38	0,16–0,84	0,19–0,38
	Стронций-90	0,11–0,16	0,08–0,11	0,11–0,70	0,05–0,08

⁴ Там же; Рос. газета. 2011. 11 авг.; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 29. Д. 87. Л. 148–151, 188, 192

Таким образом, захороненные отходы ядерного топлива и другие радиоактивные вещества в Карском море являются потенциальным источником загрязнения морской среды. Контейнеры и другие металлические емкости, которые использовались для сбора ядерных отходов, постепенно ржавеют и могут привести к выходу ядерных материалов. Поэтому необходимо постоянно, а не эпизодически контролировать состояние морской среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довгуша В.В., Тихонов М.Н. О проблеме захоронения радиоактивных отходов в морях // Природа. 1995. № 1.
2. Лисицкая А.П., Виноградов М.Е. Экспедиция в Карское море // Природа. 1994. № 5.

3. Атом без грифа «секретно»: точки зрения. М.; Берлин, 1992.
4. Факты и проблемы, связанные с захоронением радиоактивных отходов в морях, омывающих территорию Российской Федерации: материалы доклада Правительственной комиссии по вопросам, связанным с захоронением в море радиоактивных отходов, созданной распоряжением Президента Российской Федерации от 24 октября 1992 г. № 613-рп. М., 1993.
5. Булатов В.И. Россия радиоактивная. Новосибирск, 1996.
6. Ядерная энциклопедия. М., 1996.
7. Россия в поисках стратегии безопасности: проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчества. М., 1996.
8. Ядерный архипелаг / сост. Б.И. Огородников. М., 1995.
9. Булатов В.И. Россия: экология и армия. Новосибирск, 1999.

Статья поступила
в редакцию 15.11.2012

УДК 94(47)''1959/1989''

О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ

УРБАНИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1959–1989 гг.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: Odon@bk.ru

В статье рассматривается процесс формирования населения в городских поселениях Западной Сибири в послевоенный период. Проанализированы количественные изменения в составе городских контингентов. На основе анализа разных типов городских поселений (малых, средних, крупных) выявлены качественные характеристики урбанизации в 1959–1989 гг., прослежена ее специфика в экономическом районе.

Ключевые слова: городское население, Западная Сибирь, послевоенный период, экономическое развитие.

Формирование городского населения Западной Сибири в прошедшем столетии происходило под воздействием целого комплекса социально-экономических и политических факторов. Как известно, первые русские города, возникшие на сибирской земле, были главным образом военно-административными поселениями. Строительство Транссибирской железной дороги ускорило рост численности городского контингента и, прежде всего, в населенных пунктах, расположенных вдоль магистрали. Социалистическая реконструкция народного хозяйства и индустриализация форсировали урбанизацию восточных районов. Численность населения, проживающего в западно-сибирских городах, повысилась с 877,0 тыс. чел. в 1926 г. до 2581,0 тыс. чел. в 1939 г., или почти в 3 раза, удельный вес жителей городских поселений возрос с 11,9 до 28,9 % (в РСФСР – 33,5 %) [1, с. 33].

Экстремальные условия Великой Отечественной войны отразились на урбанизационных процес-

сах¹. Зафиксированные в РСФСР за межпереписной период 1939–1959 гг. среднегодовые темпы прироста (в %) городского населения оказались меньшими, чем в 1926–1939 гг., особенно на территориях, подвергшихся оккупации. Вместе с тем в Западной Сибири как тыловом районе на интенсивность урбанизации значительное влияние оказала эвакуация населения и промышленных предприятий. Если в РСФСР численность городских жителей за этот период увеличилась с 36 295,5 тыс. чел. до 62 059,8 тыс. чел., или на 71,0 %, то в Западной Сибири – на 122,8 % (с 2581,8 тыс. чел. до 5751,3 тыс. чел.). Удельный вес городского насе-

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-31-01211.

¹ Урбанизацию автор понимает в узком смысле, т.е. как процесс изменения на определенных исторических этапах численности, национального, возрастного и полового состава городского населения под влиянием перемещений, происходящих в естественном приросте населения и миграции.

ния в исследуемом экономическом районе в 1959 г. достиг 51,1 % (РСФСР – 52,8 %) ².

В последующие 30 лет экономическое развитие Советского Союза протекало более равномерно, а урбанизация плавно перешла из экстенсивной в интенсивную фазу. Экстенсивная стадия урбанизационного перехода характеризовалась массовыми перемещениями населения из села в город, высокими темпами роста численности городов, прежде всего малых и средних, а также количества и удельного веса городского населения, масштабными административными преобразованиями сельских населенных пунктов в городские. Интенсивной фазе были присущи снижение масштабов роста численности и удельного веса городского населения, снижение размеров миграций из сел и рост числа межгородских переселений, сокращение количества административных преобразований и опережающий рост городского населения в наиболее крупных городских населенных пунктах и агломерациях.

За 1959–1989 гг. удельный вес городских жителей в РСФСР и Западной Сибири повысился практически одинаково (73,4 % и 72,7 %). Численность горожан в Российской Федерации увеличилась с 61 142,6 тыс. чел. до 107 959,0 тыс. чел., или на 76,6 %, в Западной Сибири – на 89,8 % (с 5751,3 тыс. чел. до 10915,5 тыс. чел.). Демографический рост в Западносибирском экономическом районе за это время оказался значительнее, чем в России в целом, что повлияло на относительные показатели повышения количества городского населения ³.

Рассмотрим урбанизацию в Западной Сибири на примере процесса градообразования. Как известно, сеть городских поселений в восточных районах страны была реже, чем в центральных. Ее пополнение происходило за счет административных преобразований сельских населенных пунктов в городские. Это один из исторически проверенных методов ликвидации дефицита городских поселений. Однако абсолютный рост численности городских населенных пунктов имел под собой и объективную основу. Освоение нефтегазовых месторождений севера Западной Сибири потребовало создания разветвленной сети городских поселений – опорных пунктов нефте- и газодобычи. Если в РСФСР количество городских поселений за 30 лет возросло с 2372 до 3230, или на 36,2 % (в том числе городов на 18,2 %, поселков городского типа – на 46,7 %), то в Западной Сибири – с 145 до 271, или на 86,9 % (45,3 % и 110,9 %). Эти цифры оказались выше, чем у других экономических районов востока страны. Например, городских поселений на Урале стало больше только на 20,6 %, в Восточной Сибири – на 49,7 %, Дальнем Востоке – на 24,4 % ⁴.

При анализе группировки городских поселений по численности проживающего в них населения была выявлена ведущая роль крупных городов в хозяйственной жизни Западной Сибири. Если в 1959 г. в Российской Федерации в больших и крупнейших городах (свыше 100 тыс. чел.) проживало чуть более половины всех горожан (51,0 %), то в исследуемом экономическом районе в них оказалось сосредоточено около 2/3 (66,9 %) всего городского населения ⁵. Из 876 городов (без пгт) РСФСР – 683 (78,0 %) являлись небольшими (до 50 тыс. чел.), средними – 101 (11,5 %) и большими и крупнейшими – 92 (10,5 %). В Западной Сибири это соотношение оказалось иным. Из 53 городов к первой категории относились 37 (69,8 %), ко второй – только 2 (3,8 %), к третьей – 14 (26,4 %). Таким образом, средних городов в экономическом районе оказалась очень мало, гораздо меньше, чем даже крупных ⁶.

По всей видимости, следует предположить, что вследствие неразвитой сети городских поселений, транспортных коммуникаций, иной производственной инфраструктуры, нехватки подготовленных кадров в период индустриализации промышленные предприятия возводились в основном в уже существующих городах, которые росли опережающими темпами. Так как политика государства была направлена на возведение крупных индустриальных объектов, производственная деятельность на которых отличалась большими масштабами, для развития мелких и средних городских поселений оказалось меньше исторических предпосылок. К тому же еще в досоветское время строительство Транссибирской магистрали стимулировало быстрый демографический рост именно крупных городов [2, с. 74–76]. Великая Отечественная война углубила существующую тенденцию, так как значительное число эвакуированных предприятий было размещено в городах с уже сформировавшейся инфраструктурой, что позволило в короткий срок восстановить производство и выдавать необходимую продукцию.

За последующие тридцать лет в Российской Федерации снизилась доля горожан, проживающих в небольших (с 37,6 до 27,2 %) и средних городских (с 11,3 до 10,5 %) поселениях. Соответственно значительно увеличился удельный вес крупных городов – до 62,4 %. Но в Западной Сибири сложилась иная ситуация. Доля мелких городских поселений снизилась в меньшей мере, чем в РСФСР, а средних городов выросла. При этом на фоне снижения удельного веса малых городских поселений (с 30,9 до 25,7 %) сократилась и доля крупных городов (с 66,9 до 63,7 %). Почти в 5 раз увеличился вклад средних городов (с 2,1 до 10,5 %). Если в 1959 г. к этой категории относились только расположенные в Кузбассе Междуреченск и Осинники с общим населением 122,6 тыс. чел., то к 1989 г. таких городов насчитывалось 16 (1,1 млн чел.) ⁷. В Тюменской области их стало семь (Ишим, Тобольск,

² Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 19, 23.

³ Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 14, 21.

⁴ Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 7.

⁵ С учетом поселков городского типа.

⁶ Городские поселения РСФСР. С. 118–119.

⁷ Там же. С. 119.

Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Нягань), в Новосибирской области – три (Искитим, Куйбышев, Бердск), в Кемеровской области – четыре (Белово, Осинники, Юрга, Березовский) и два – в Алтайском крае (Новоалтайск, Заринск). Средних городов не оказалось только на территории Омской и Томской областей⁸.

Рост численности и удельного веса средних городских поселений связан с несколькими причинами. Следует оговориться, что приведенная ниже классификация является условной, некоторые городские поселения можно отнести к нескольким категориям, вместе с тем при всех ее изъянах она представляется нам удобной для объяснения произошедших за 1959–1989 гг. изменений. Во-первых, численность средних городов повысилась за счет последовательного демографического роста прежде малых городских поселений. К таковым можно отнести Ишим (+38,9 %) Тюменской области, Искитим (+97,8 %) – Новосибирской и Новоалтайск (+57,9 %) – Алтайского края⁹. Экономическое развитие последних в послевоенное время происходило эволюционным путем за счет реконструкции и расширения старых промышленных предприятий, строительства объектов социального, образовательного и культурного значения. Именно поэтому численность их населения за 1959–1989 гг. в целом увеличивалась последовательно, без стремительных скачков. Несколько выпадает из этого ряда г. Искитим, количество жителей которого увеличилось намного больше, что связано не только с активным развитием в послевоенное время индустрии строительных материалов, но и заводов, связанных с оборонным комплексом.

Во-вторых, рост количества средних городских поселений произошел благодаря возведению на их территории крупных градообразующих предприятий (одного или нескольких), как правило, союзного значения и сопутствующей производственной инфраструктуры. Возможно, это было связано с попытками центральных государственных органов предотвратить объективный процесс концентрации промышленных предприятий только в крупных городах и ослабить нагрузку на их социально-культурную сферу. К таким городам нами были отнесены Тобольск (рост в 2,4 раза) Тюменской области, Куйбышев (+68,3 %) и Бердск (рост в 2,7 раза) – Новосибирской, Юрга (рост в 2 раза) – Кемеровской области и Заринск – Алтайского края. Стимулом для повышения численности жителей Тобольска стало строительство нефтехимического комбината, Куйбышева – химического завода, Бердска – сразу трех крупных предприятий (радио- и электромеханический заводы и предприятие по производству биопрепаратов). Импульс интенсивному демографическому развитию Заринска дал коксохимический завод, за счет которого население города увеличилось за 10 лет сразу в 2,7 раза¹⁰. Несколько выпадает

из списка вышеперечисленных городских поселений Юрга. Дело в том, что его градообразующее предприятие (Юргинский машиностроительный завод) было построено в годы войны и затем расширено за счет эвакуированных предприятий. Вместе с тем его развитие в послевоенные годы являлось также очень активным, что отразилось на экономическом и демографическом облике города.

Самую крупную группу составили города, хозяйственная деятельность которых была напрямую связана с добычей сырья (нефти, газа и угля). Практически все они территориально оказались расположены в Тюменской области (Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Нягань) и один в Кемеровской – Березовский. Целенаправленная государственная политика хозяйственного освоения богатых полезными ископаемыми северных районов Западной Сибири и выделенные для решения этой задачи огромные материальные ресурсы привели к формированию одного из крупнейших в мире комплексов по добыче нефти и газа. Именно поэтому рост городского населения оказался здесь очень высоким, значительно опережающим средние показатели по экономическому району. Единственным исключением стал г. Березовский, предприятия которого были связаны с добычей угля, однако и его демографическое развитие было довольно интенсивным. Березовский (рост приблизительно в 2,3 раза) является одним из немногих примеров быстрого демографического подъема города в 1959–1989 гг. на основе угольной отрасли.

Расчет обобщающих показателей по третьей группе осложняется тем, что многие из входящих в нее городов в 1959 г. еще не были основаны, поэтому целесообразнее привести только некоторые абсолютные цифры. Например, даже в 1979 г. статус городов не получили Новый Уренгой (в 1980 г.), Ноябрьск (в 1982 г.) и Нягань (в 1985 г.), однако уже к 1989 г. они насчитывали в своих рядах 93,2 тыс. чел., 85,9 тыс. и 54,1 тыс. чел. соответственно. Демографическое наполнение других средних городов ЗСНГК также происходило высокими темпами: население Нефтеюганска за 10 лет (1979–1989 гг.) увеличилось на 79,3 %, Надыма – в 2,0 раза¹¹.

И, наконец, в четвертую группу вошли города, население которых за исследуемый период уменьшилось. К ним были отнесены, расположенные в Кемеровской области Осинники (-7,9 %) и Белово (-12,9 %), причем последний из них попал в группу средних городских поселений из более высокой категории (1959 г. – 106,9 тыс. чел.). Не случайно это произошло именно в Кузбассе. В конце 1950-х гг. руководство страны приняло решение об изменении топливного баланса страны в пользу углеводородного сырья. Кроме того, значительный импульс для своего развития в 1960–1970-е гг. получила гидроэнергетика. Изменения в топливном балансе трансформировали и демографический баланс в этом экономическом районе. Прирост городского на-

⁸ Там же. С. 122–123.

⁹ Там же. С. 221, 223, 226.

¹⁰ Там же. С. 221.

¹¹ Там же. С. 226.

селения в Кузбассе, начиная с 1960-х гг. стал происходить более умеренными темпами¹².

Заметная специфика обнаружена нами при исследовании тенденций в развитии крупных и крупнейших (свыше 100 тыс. чел.) городов Западной Сибири. Численность их населения выросла с 3849,7 тыс. чел. до 6958,0 тыс. чел., или в 1,8 раза. Если в 1959 г. в Западной Сибири насчитывалось 14 крупных городов, то в 1989 г. – 16. Причем удельный вес этой категории в городском населении снизился (с 66,9 до 63,7 %). В РСФСР в целом ситуация выглядела иначе. В значительно большей степени увеличились численность горожан (+112,6 %), проживающих в крупных городах, общее их количество (+79,3 %) и удельный вес в городском населении (с 51,0 до 62,4 %)¹³.

Небольшой количественный прирост в группе крупных городов был обусловлен тем, что в 1959 г. в Западной Сибири насчитывалось всего два средних городских поселения, из которых в более высокую категорию перешел только один (Междуреченск). Больших городов стало больше за счет интенсивного социально-экономического развития Тюменской области. Сургут и Нижневартовск продемонстрировали такие высокие темпы демографического роста, что буквально за два десятилетия (1970–1989 гг.) перешли из категории малых городов в крупные.

Для 16 крупных городов Западной Сибири довольно сложно выявить внутренние закономерности и особенности, которые позволили бы выделить среди них какие-либо группы. Главное отличие большинства из них от средних и малых – это полифункциональность экономики. Ее ядро, как правило, представляло собой несколько крупных (в зависимости от величины города) и крупнейших промышленных производств нескольких ведущих отраслей народного хозяйства. Рядом с ними функционирует большое количество мелких и средних предприятий и организаций, выполняющих инфраструктурную роль (энергетика, транспорт, строительство, подготовка кадров и т.д.). Необходимым звеном городской хозяйственной жизни становится также легкая и пищевая отрасли промышленности, которые получают значительный импульс для своего развития. В больших городах начинает активно расширяться социальная (строительство жилья, учреждений здравоохранения и образования) и культурная (театры, кино) сферы. Многофункциональность городов может повыситься за счет формирования научно-исследовательской базы, в том числе учреждений академий наук и университетов. Многие из них, как правило, уже насчитывают длительную историю своего существования и нередко обладают высоким административным статусом.

Несмотря на уникальность развития каждого из крупных городов Западной Сибири, среди них можно с большой долей условности выделить две группы. В

первую из них вошли города, специализирующиеся на перерабатывающих отраслях промышленности. Это прежде всего административные центры регионов (Тюмень, Омск, Новосибирск, Томск, Кемерово, Барнаул), а также еще несколько городов областного (краевого) подчинения (Новокузнецк, Бийск и Рубцовск). Общей их демографической характеристикой являлся существенный рост населения. Отличительной чертой хозяйственного развития городов этой группы, напрямую повлиявшей и на динамику численности жителей, стало строительство множества новых предприятий, а также расширение и реконструкция старых. Например, в послевоенном Омске был сооружен комплекс нефтехимических производств, в том числе крупнейший в Западной Сибири нефтеперерабатывающий завод, наряду с ним возникли еще несколько предприятий, специализирующихся на выпуске автомобильных шин, каучука и технического углерода. В Новосибирске в послевоенное время был построен ряд новых предприятий машиностроения, химии, в том числе завод химконцентратов, Сиблитмаш, Элсиб и т.д. [3] Существенно возрос и его научный потенциал за счет строительства учреждений Сибирского отделения АН СССР. Томск стал одним из важнейших центров по производству продукции военного назначения, кроме того, на его территории был сооружен крупный нефтехимический комбинат. Высоким продолжало оставаться и научно-образовательное значение города. Расширились старые и возводились новые предприятия в Барнауле и Кемерово. В Омске демографический прирост составил 97,6 %, Новосибирске – 62,3, Томске – 101,8, Кемерово – 87,3, Барнауле – 96,3 %, а в Тюмени – 217,5 %, поскольку ее экономическое развитие было тесно связано с формированием ЗСНГК. За счет масштабных реализуемого государством проекта население этого города увеличилось значительно больше, чем других административных центров Западной Сибири. В других городах этой группы – Новокузнецке (+59,3 %), Бийске (+59,3 %) и Рубцовске (+54,2 %) промышленный потенциал также возрос, однако менее выгодный административный статус отразился на темпах роста численности их населения¹⁴.

Вторую группу составили города, хозяйственной специализацией которых стала добыча сырья; это поселения Кемеровской и Тюменской областей (Нижневартовск, Сургут, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Киселевск, Анжеро-Судженск, Междуреченск). Фактически можно говорить о том, что они являлись «большими моногородами», практически целиком зависящими от функционирования одной отрасли, и это делало их в случае кризиса особенно уязвимыми. Если развитие нефтяной промышленности способствовало многократному росту населения Нижневартовска и Сургута, то результатом стагнации угольной отрасли стало замедление демографического прироста горо-

¹² Численность населения РСФСР. С. 21.

¹³ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения... С. 39; Городские поселения РСФСР. С. 63.

¹⁴ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения... С. 199, 202; Городские поселения РСФСР. С. 221, 222.

дов Кузбасса, а в некоторых из них он сменился убылью. Так, людность Нижневартовска и Сургута в основном за счет миграции увеличилась в 1970–1989 гг. в 15,4 и 7,3 раза соответственно. Из пяти городов Кемеровской области повышение численности населения было зафиксировано в Ленинск-Кузнецком (+25,2 %) и Междуреченске (+96,4 %)¹⁵, тогда как в Прокопьевске, Киселевске и Анжеро-Судженске оно сократилось соответственно на 2,9 %, 2,0 и 6,6 %¹⁶.

Что касается малых городских поселений, к которым можно отнести населенные пункты с людностью менее 50 тыс. чел., то их динамика в общероссийском контексте оказалась следующей. Так, в количественном отношении эта категория возросла с 2238 до 2900, а ее население увеличилось с 23 338,4 тыс. до 29 312,3 тыс. чел. (+25,6 %), но удельный вес снизился с 37,6 до 27,2 %. Снижение роли малых городских поселений в ходе урбанизационного перехода является одним из объективных процессов, свидетельствующих о наступлении его зрелой фазы, когда индустриализация пережила свою первоначальную стадию, в основном уже определилась группа городов-лидеров, а существующая хозяйственная структура устоялась и не претерпевает радикальных изменений. На этом фоне небольшие городские поселения начинают проигрывать своим более крупным собратьям, особенно если их экономический потенциал растет медленно, не получая дополнительных импульсов извне.

Между тем в Западной Сибири, как в сравнительно малозаселенном районе, роль малых городов снизилась в меньшей степени. Для освоения больших пространств при низкой плотности населения требовалась густая сеть городских поселений, поэтому нередко применялась практика административных пре-

образований больших сел в поселки городского типа. Кроме того, огромную роль сыграло начало разработки месторождений нефти и газа северных территорий, потребовавшее создания большого количества новых населенных пунктов. В этой связи количество малых городов и поселков городского типа увеличилось здесь на 73,2 % (с 138 до 239), а численность их жителей – на 57,8 %, но удельный вес этой категории снизился, хотя и не в такой мере, как по РСФСР (с 30,9 до 25,7 %)¹⁷.

В заключение следует сказать о том, что в Западной Сибири переход к интенсивной стадии урбанизации имел свои особенности. С одной стороны, произошло снижение темпов повышения количества горожан, зафиксирован значительный в абсолютных показателях рост численности населения в крупных городских поселениях. Вместе с тем роль экстенсивных факторов урбанизации продолжала оставаться высокой за счет увеличения численности и удельного веса средних городских поселений и высокой градообразовательной активности. Влияние формирующегося Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса оказалось значительным, однако все же недостаточным, чтобы в корне изменить здесь ход урбанизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московский А.С., Исупов В.А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984.
2. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2003. Ч. 1: Население. Экономика.
3. История промышленности Новосибирска. Новосибирск, 2005. Т. 4: Запас прочности (1946–1985).

Статья поступила
в редакцию 19.11.2012

УДК 94(47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

РЕАЛИИ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА В СОЧИНЕНИИ НОВОКУЗНЕЦКОГО СТАРОВОРА*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье исследуются эсхатологические представления токаревых, ответвления старообрядческого согласия поморцев, в 80-е гг. XX в. Изучается связь с эсхатологической поморской традицией XVIII–XIX вв. и отражение реалий XX в. в собственных теоретических построениях.

Ключевые слова: старообрядчество, пророки, эсхатология, антихрист, конец света.

¹⁵ Значительный демографический рост Междуреченска был связан с резким повышением спроса на коксующий уголь в стране.

¹⁶ Численность населения РСФСР. С. 303, 304; Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения... С. 199.

¹⁷ Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения. С. 38, 46, 50, 54; Городские поселения РСФСР... С. 62, 118.

*Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект 33.4.1.

Токаревский толк в старообрядческом поморском согласии связан с именем жителя Городца Нижегородской губ. Г.Е. Токарева. В 1905, 1909, 1912 гг. на соборах Поморской церкви происходили увещания Токарева, не признававшего каноничным изображение Бога-Отца. Поморцы указали на то, что запрет изображать Бога-Отца был принят на антистарообрядческом соборе 1667 г. Самарский собор 1905 г. квалифицировал мнение Токарева «близким к латинству», следовательно – еретическим, и постановил отлучить его от Церкви¹. Несмотря на это, Г.Е. Токарев сумел приобрести сторонников, в том числе и в Сибири.

В последней четверти XX в. в небольшой общине новокузнецких поморцев-токаревцев появился незаурядный проповедник-книжник – Ермил Матвеевич Пермяков, которому принадлежит несколько сочинений. Размышлял он и на всегда популярную в старообрядчестве тему близкого конца света. Ей он посвятил свое самое крупное произведение (чуть менее 200 листов с оборотами), которое назвал «Книга “Тайны пророческие”»². Оно написано автором в линованной тетради современной скорописью, имеет дату: 23.07.87 г. (л. 1а).

Сразу встает вопрос, в каком отношении эсхатологические воззрения Е.М. Пермякова находятся с поморской теорией конца света, разработанной в предыдущий период. Исследовавшая эсхатологию поморцев XVIII в. Н.С. Гурьянова отметила следующие ее особенности. Уже лидер выговских поморцев начала XVIII в. А. Денисов считал, что антихрист воцарился во всем мире, так как в результате реформы патриарха Никона, с 1666 г., пал последний оплот истинной церкви – третий Рим, т.е. Россия. Следовательно, наступили «последние времена». Антихрист понимался при этом не как определенное лицо («чувственный»), но символически – как духовное порабощение церкви и всего мира. Не буквально, а иносказательно оценивались предсказания о печати антихриста, под которой теперь понимали «никонианское» крещение и трехперстное сложение при крестном знамении. Пришествие пророков Илии и Еноха перед концом света также считали иносказанием. Антигосударственная при своем возникновении теория духовного антихриста в течение XVIII в. изменялась вместе с переменой отношения к власти, особенно со времени отказа Выга от немоления за царя в конце 1730-х гг.: область действия антихриста сначала обьявили только церковь, потом исчезла и эта трактовка, а текущую действительность перестали истолковывать через эсхатологию [1, с. 22–32].

Многие традиционные взгляды поморцев обнаруживаются и у Е.М. Пермякова. Так, в отличие от многих членов более радикальных старообрядческих согласий, он вполне толерантен к власти: «Покарайся власти, – писал он, – всякая власть от Бога есть». Не-

сомненно, ему было хорошо известно о преследованиях староверов-поморцев, как и других верующих, со стороны атеистического государства, но единственной допустимой формой сопротивления он считал отказ отречься от Создателя, выраженный в предельно общей форме: «...если отнимают от тебя веру в Бога, то стой мужественно» (л. 7). Никакой конкретизации здесь в связи с событиями своего времени у Е.М. Пермякова не обнаруживается. Правда, временами у него прорывается отрицательное отношение к атеистическому государству. Антихрист, рассуждает в своем сочинении новокузнецкий старовер, объединит «много племен», чтобы «удобнее привлекать в свою власть... Сейчас государство многонациональное, удобнее обращаться ко всем, привлекая своей хитростью на прелесть... Теперь господствующий зверь не составляет уже одного племени, – развивает далее он свою мысль, – но объединяет в себе и собирает свою силу для военного строя от всех наречий...» (л. 73). Здесь прикровенно, но все же недвусмысленно утверждается антихристовая сущность той государственной власти, которой выше автор сочинения призывал покоряться. Впрочем, как считает Е.М. Пермяков, власть такова повсеместно: «Как сейчас творится во всем мире, всяк разумен да видит, не цари царей избирают, а всякие партии на власть садят, и все стремятся власть иметь духовную (партийную) и светскую». Именно антихрист, по учению церкви, объединит светскую и духовную власть и «вознесется паче всякого глаголемаго Бога» (л. 109 об.).

Рассуждая о конце света, Е.М. Пермяков пытается найти его признаки в современной ему жизни. Так, «мерзость запустения», которая, по пророку Даниилу, должна была воцариться перед кончиной мира на святынях местах, понималась новокузнецким книжником следующим образом: «...образы человеческие будут почитаться на почетном месте. Это разумеется телевизор» (л. 15). Предсказанные ложные чудеса антихриста осуществляются и на наших глазах: «многие начнут видеть мертвых вставших, а они не встали, и хромы ходящих, а слепых прозирающих, а здравия не будет. Сейчас переставляют сердце, а ставят протезы, и всё только для прелесть, а на самом деле люди находятся в болезнях и недугах» (л. 110, 110 об.) В другом случае Е.М. Пермяков сравнивает дни Ноя с текущим временем, отмеченным агрессивной атеистической пропагандой: «При жизни люди ругались составлению ковчега, что строил Ной; пришла вода и погубила всех. Так и сейчас ругаются о словах пришествия Христова, но внезапно придет день скончания» (л. 17). Цитируя текст «Большого катихизиса» о знамениях «пред судным днем», новокузнецкий старовер дает свои привязки к современности: суду Христа будет предшествовать война («о войне предположение есть»), солнце закроет тьма «от взрыва», «Будет морской шум страшен и рыкание от великих волн, возгремит как гром... (от взрывной волны на море)» (л. 89–90).

В кратких комментариях Е.М. Пермякова к выдержке из «Большого катихизиса» Лаврентия Зизания

¹ Собрание Института истории СО РАН. № 9/09-г. Л. 19, 20.

² Там же. № 13/08-г. Л. 1–191 об. В дальнейшем ссылки на сочинение даются в основном тексте в круглых скобках.

(изданного впервые в 1627 г. и затем многократно переиздававшегося староверами) отразились, возможно, как отголоски Второй мировой войны и атомная бомбардировка Японии, так и широко известные реалии «холодной войны» с ее испытаниями оружия массового поражения, в том числе и атомного. Ссылаясь на учение о том, что «духом Божиим утвержденная церковь не требует дней переменять, но во своих преданиях стоит непременно до скончания века», Е.М. Пермяков считает, что «скончание века» уже при дверях, потому что «на 13 дней изменено» (л. 92). Несомненно, здесь имеется в виду введение григорианского календаря в 1918 г.

Размышляя о предшествующих концу света событиях, Е.М. Пермяков касается проблемы появления на земле накануне второго пришествия двух «свидетелей» Апокалипсиса, которых святоотеческая литература считала ветхозаветными Енохом и Илией, взятыми, по Писанию, живыми на небо; появиться же вновь они должны были для проповеди сопротивления антихристу и борьбы с ним. Как и большинство беспоповцев, сторонников теории духовного антихриста, Е.М. Пермяков отказывается верить в повторное появление на земле Илии и Еноха «чувственно»: «Пред вторым Христовым пришествием нет оснований видеть Илию и Еноха, но можно предположить, что это будут лица, по своей ревности и другим свойствам подобныя Илии и Еноху, которые будут бороться с антихристом» (л. 21 об.). И если единомышленники сибирского токаревца в прежние века не отваживались отвергать учение св. отцов о Илье и Енохе, предлагая лишь толковать его иносказательно, «духовно», то сам Е.М. Пермяков мыслит гораздо радикальнее: «Нет основания относить к Илии и Еноху о двух свидетелях, которых пред концом мира убьет зверь, выходящий из бездны. Это свойственно относить слепым, не знающим Святого Писания иудеям, которые в своих ожиданиях ждут Илию как предшественника мессии» (л. 22 об.). При этом он нигде не опровергает святоотеческого учения формально; наоборот, демонстрирует пиетет перед именами таких учителей церкви, как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и др. (л. 24).

Традиционно для беспоповцев, т.е. «духовно», Е.М. Пермяков толкует и указанный в Откровении Иоанна Богослова срок земной власти антихриста, 42 месяца (или, по пророку Даниилу, «времени, времен и полувремени», которые христианские толкователи также интерпретировали как три с половиной года)³. Е.М. Пермяков переводит 42 месяца в дни; в итоге у него получилось число 1260 (видимо, он считал по 30 дней в месяце). Интересно, что в другом месте своего сочинения автор со всем пиететом приводит иные числа – 1290 и 1335, содержащиеся в старообрядческом тексте «О скончании мира и о антихристе», который приписывается Ипполиту Римскому (л. 74). Далее Е.М. Пермяков применяет привычный метод иносказа-

тельного истолкования, неожиданно выбрав в качестве символа Троицу, которой он вообще посвящает немало внимания в своих сочинениях при обосновании учения токаревых. Новокузнецкий книжник разлагает получившееся у него число дней власти антихриста на составные части: 1000, 200 и 60. Первое число, как «совершенное и полное», состоящее из 10 сотен, у него символизирует Бога Отца, второе – Бога Духа Святого, третье – Христа (л. 25, 25 об.).

Известно, что метод символического истолкования священных чисел был популярен как в средневековой, так и в более поздней христианской литературе, использовался в 30-й главе «Книги о вере» при создании теории трех отступлений мира во власть сатаны и был унаследован старообрядчеством [2, с. 14; 3, с. 141; 4, с. 148]. Однако Е.М. Пермяков на предложенной им символике времени антихристового владычества не задержался, а предпочел оговориться: «Точного определенного числа нет, но скрыто в тайне Божией... Нет определенного, чтоб изчислять время, поэтому нужно вооружиться терпением... Понимать его буквально нет возможности, это число таинственное, которого настоящий счет нам неизвестен» (л. 25 об., 26). Печать антихриста, которой со времени возникновения староверия посвящено огромное количество истолкований, по мнению Е.М. Пермякова, – отвержение крестного знамения: «А антихрист... даст... печать, не на всех удах тела, но на правой руке и на челе сотворит образ, человек не будет покладать крест правой рукой на чело свое» (л. 80 об., 81). Обосновывает свое толкование антихристовой печати новокузнецкий книжник ссылкой на то, что именно крестное знамение – верное оружие против сатаны, который не может победить, пока люди от него не откажутся: «Знает хорошо океанный, что крестное знамение разрушает ему всю силу; как свеча дает свет в темноте, так и крестное знамение возносится на чело и разрушает вражью силу» (л. 81).

Для таинственных ветхо- и новозаветных народов Гога и Магога⁴ Е.М. Пермяков предлагает свою символику, как до него – многие его предшественники-поморцы, начиная с А. Денисова [1, с. 24]. Последний считал, что здесь подразумевается сам антихрист (Гог) и его полки (Магог); мысль новокузнецкого книжника двигалась по близким рельсам: он интерпретировал Гога как ересеначальников, а Магога – их последователей (л. 31 об.). Спектр этих истолкований в беспоповщине чрезвычайно велик и в основном зависит от фантазии толкователей.

Метод «духовных» толкований Е.М. Пермякова хорошо демонстрируют его объяснения притчи об антихристе, которая представляет собой образец старообрядческого фольклора: «Притча о антихристе. Некто родится на лице поля в ночи тьмою, пеленами не повит, водою не омыт, и солнце на него не возсияет, возрасту же его мир радуется» (л. 68). Ночная тьма интерпретируется толкователем как «время... когда пре-

³ Откр 13: 5; Дан 12: 7.

⁴ Откр 20: 7.

умножится тьма всякого беззакония и безверия»; «пеленами не повит» — значит «евангельским заповедом не повинуется», водою не омыт — то есть «водою крещения не чистится». «Солнце на него не возсияет» — иначе говоря, «Христос в сердцах... не сияет». Что же касается слов притчи о радости мира по поводу рождения антихриста, то они означают, утверждает толкователь, что ожидают его «жидове, измаильтяне, татары и все подобно им — неверные люди» (л. 68 об.).

Убеждая тех, кто сомневался в теории духовного антихриста, Е.М. Пермяков пишет: «...сейчас мы живем в дни царства Антихриста в полной силе. Многие могут сказать, что мы не дошли царства антихриста, но живем в полном благополучии, не испытываем насилия антихриста... Убийство приходит не чувственное, но умное. Язычники много погубляли христиан, но не было им такой радости, как привести их к своему зловерию. Сейчас христиане самовольно избирают себе богов, а именно: кто чреву работает как Богу, кто в сребролюбие впал, кто в пьянстве пребывает и блуд совершает... Если будем ждать чувственного гонения, то придем к тому, что гнать уже будет некого... В любой семье и селе сами по себе верные искореняются не пытками, но сладостью плотских вожделений, ибо... творит то, что диктует ему мир» (л. 75–77). Таким образом, по мнению кузнецкого поморца-токаревца, один из самых значимых признаков присутствия антихриста в современном ему мире — внешне благополучная, сытая жизнь и отсутствие «чувственных» гонений. Блага «советского образа жизни», в частности, медицинская помощь рассматриваются им как ложные чудеса антихриста, направленные на прельщение человеческого рода, в том числе и правоверных христиан. Е.М. Пермяков не был одинок в подобной оценке заключительного периода советского социализма. Близкие взгляды можно встретить у его современников, староверов других согласий: часовенного А.Г. Мурачева (хотя он и был сторонником теории «чувственного» антихриста, рассматривал текущее время как преддверие конца света, характерное господством не антихриста, а его слуг и предшественников), средника Н.Ф. Иванова и др. [5, с. 312, 380–383; 6, с. 30; 7, с. 597, 602].

Особая роль в прельщении антихристом христиан, как считает Е.М. Пермяков, принадлежит западу: «...запад — помрачение, всюду торжествует еретическое учение» (л. 76). (Заметим, что несколько позже А.Г. Мурачеву пришлось обличать ранее авторитетных для него старцев Дубчесских скитов в следовании еретическим, заимствованным у протестантов мнениям, согласно которым штрих-код символизирует «начертание» антихриста и т.д. [8, с. 284]). Забота о земном благополучии, как уже отмечалось выше, — другая «прелесть» антихриста, причем сюда же токаревец отнес и весьма популярные в 1970–1980-е гг. садово-огородные увлечения населения: «Особенно будут прельщаться те, которые возлюбят свое тело и будут ему работать, как Богу, погубляя свободное время, данное на спасение души. А другие будут заниматься трудо-

любием в садах и огородах, ожидая полноценных плодов, но не получают их вовремя и качеством за человеческие согрешения» (л. 111).

Каковы же, по мнению токаревского книжника, пути спасения в царстве духовного антихриста? Сочинение Е.М. Пермякова недаром начинается заветом детям: «Христианское духовное завешание от отца к детям» (л. 1а–3 об.). В начале его — напоминание о смертном часе, когда придется давать ответ за земную жизнь: «В подвиге и во многом страхе придется быть, и множество мрачных бесов безчеловечных встретят ее, и никто в этом пути ей не поможет, или оправдана, или осуждена должна быть от дел своих, и воспримет душа благая или злая» (л. 1). Напомнив детям о правилах обряда погребения, автор завещает им молиться о своем родителе, который их «возрастил... и наставлял... закону Божию и всем господним христианским заповедом»; он просит не забыть и обязательную заботу о матери: «Помяните её труды и болезни, которые она имела в рождении и воспитании вашем» (л. 1 об.). Почтение к родителям всегда было одной из важных идей христианской системы этики; в полной мере это относится и к жизненным устоям старообрядцев. Семье принадлежала едва ли не главная роль в воспроизведении культурно-конфессиональной модели личности в старообрядческой общине, в особенности, если последняя была слаба и малочисленна, на грани упадка. По всей видимости, старообрядческий толк токаревцев находился именно в таком положении.

Если антихристово прельщение состоит в увлечении земными благами, то спасение от него — в строгом следовании заповедям Божиим, чтении Священного Писания и наставлений святых отцов. Е.М. Пермяков на листах своего обширного сочинения не раз обращается к традиционной системе ценностей православия, убеждая, что только в ней можно найти пути спасения. Он убеждает своих читателей «отвергнуться» пьянства, блуда, чревоугодия, вообще любой роскоши, смешения с еретиками (в том числе и брачного, без чего было почти невозможно обойтись в небольшом старообрядческом толке) и т.д. Желающие спастись должны «возлюбить пост с воздержанием», который спасет их от злых помыслов. Нужно вспомнить о милостыне и делиться с неимущими, нужно с терпением переносить любые напасти, в том числе и болезни, которые посылаются Богом для «приведения в истинный разум» грешников. Наконец, необходимо отказаться от своей воли, найдя добродетельного наставника, который научит утопающего в страстях правильной жизни и противостоянию антихристу (л. 6, 9, 9 об., 37–38, 44, 46, 47 об., 48, 179 и др.). Обязательное условие спасения — искреннее покаяние. В условиях отсутствия не только духовенства, но временами и духовного отца из мирян, обычного у беспоповцев, очень трудно рассчитывать на полноценную исповедь и причастие. Однако в «последние времена», как считает Е.М. Пермяков, при отсутствии пастырей и учителей и даже просто верных

христиан, за причастие Бог может зачесть его страстное желание: «...когда христианин живет в неверной стране, среди его живут язычники, или в плену, в тюрьме, где нет возможности избрать себе духовника к покаянию, то кайся к единому Богу в тайне сердца своего... когда христианин больной, живущий... не в православном доме, и никто не желает пригласить к нему духовника, хоть и больной всеусердно просит... ибо Господь сопричтет его себе, видя его слезы и желание» (л. 170 об., 171). Удивительное убеждение в том, что причастие в исключительных обстоятельствах может быть заменено страстным его желанием, — не изобретение новокузнецкого токаревца. Об этом можно было прочесть в сочинениях сибирских староверов-часовенных, начиная с XVIII в.; об этом писал и дальневосточный проповедник из почти вымершего старообрядческого согласия средников. Положение о «виртуальном причастии» попало к староверам из киевской литературы XVII — начала XVIII в., имевшей некоторое количество католических заимствований [5, с. 140, 167; 9, с. 29; 10, с. 21, 22].

В последние десятилетия существования советского строя массовые жестокие преследования всех конфессиональных объединений, направленные на физическое уничтожение их членов, всё больше заменялись мерами «перевоспитания» с помощью антирелигиозной пропаганды, правда, с периодическим возвратом к прежнему, когда неугодные в тех же воспитательных целях отправлялись по тюрьмам, а их храмы и монастыри разрушались. И все же жизнь стала более спокойной и относительно сытой. Старообрядческие общины разных направлений (и поповцы, и беспоповцы всевозможных толков) пытались осмыслить эти перемены — и как правило, в традиционных категориях близкого конца света. В прошлое ушли сочинения, в которых староверы сравнивались с первыми христианами-мучениками, тысячами умиравшими за веру. Парадоксом выглядело то, что в наступившие сравнительно спокойные времена старообрядческие

общины продолжали разрушаться уже в ходе контактов с окружавшей их «мирской» безрелигиозной советской культурой. Старообрядчество выдвигает писателей, которые предлагают свои варианты истолкования этого процесса. Е.М. Пермьяков — один из них, и то, что он принадлежал к чрезвычайно маленькой общности, находившейся на грани исчезновения, лишь обостряло ощущение наступившей перемены — торжества социализма — как преддверия конца света, кануна второго пришествия Христа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.
2. Покровский Н.Н. Предисловие // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999.
3. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005.
4. Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России: спецкурс. Калинин, 1971. Ч. 1.
5. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
6. Зольникова Н.Д. Амурские средники в третьей четверти XX в. по материалам Собрания рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3.
7. Зольникова Н.Д. Эсхатологическое сочинение амурского старовера-средника (вторая половина XX в.) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008.
8. Зольникова Н.Д. Мемуары А.Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX — начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010.
9. Зольникова Н.Д. Проповедь среди «чужих» (амурские средники во второй половине XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3.
10. Зольникова Н.Д. Урало-сибирские книжники-часовенные: работа с источником // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3.

Статья поступила
в редакцию 09.11.2012

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(47)''18''(930)

Н.Н. РОДИГИНА

ЖУРНАЛ «ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ» И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИБИРИ НА ЕГО СТРАНИЦАХ*

д-р ист. наук, проф.,
Новосибирский гос. пед. ун-т
e-mail: natrodigina@list.ru

Статья посвящена исследованию репрезентаций Сибири в еженедельном журнале «Всемирная иллюстрация» второй половины XIX в. Автором определяется тематика текстов о Сибири, охарактеризован круг их авторов, обоснованы особенности репрезентаций региона в иллюстрированных еженедельниках.

Ключевые слова: репрезентации Сибири, образы региона, еженедельные иллюстрированные журналы.

«В последнее время стали всесторонне изучать Сибирь», – писала «Всемирная иллюстрация», информируя своих читателей об экспедиции в Сибирь шведского исследователя А.Е. Норденшельда [1, с. 374]. Статья была опубликована в ноябре 1876 г. – за несколько лет до появления «моды на Сибирь» в русской периодической печати и художественной литературе. В первом русском иллюстрированном журнале, как свидетельствует предпринятый нами количественный и содержательный анализ публикаций о Сибири, зауральские территории были в сфере внимания с момента его основания.

Еженедельный журнал для семейного чтения «Всемирная иллюстрация» (1869–1898 гг.) являлся одним из популярных иллюстрированных еженедельников второй половины XIX в. Он был создан немецким книгоиздателем Г.Д. Гоппе. В состав авторского корпуса издания входили известные писатели и журналисты Д.В. Аверкиев, П.В. Быков, В.В. Вересаев, Я.И. Полонский, К.К. Случевский, А.П. Чехов, художники И.К. Айвазовский, А.М. Васнецов, Н.Н. Каразин, В.И. Суриков, граверы Б. Брауне, Э. Даммюлер, А. Зубчанинов, И.И. Матюшин, Л.А. Серяков и др.

В первом номере журнала редакция так обосновала цель издания: «До сих пор нет иллюстрированного журнала, который мог бы соперничать с иностранными изданиями этого рода и стоял бы на уровне развития современного

типографского дела и рисовального дела. Вот причина, по которой мы решили издавать “Всемирную иллюстрацию”» [2, с. 2]. По замыслу издателя, ведущее место в программе журнала отводилось художественному отделу. При этом основными критериями отбора иллюстраций были как их художественная ценность, так и тематика. Редакция приветствовала рисунки, посвященные современной русской истории. Судя по программной статье, наиболее выдающимися персонами современности признавались деятели церкви, политики, литературы, искусства, представители земств и новых судебных учреждений, строители железных дорог. В числе же важнейших событий, «иллюстрирующих» современность, назывались общественные собрания, открытие железных дорог, появление новых изобретений, научные экспедиции.

Помимо художественного отдела, программа издания включала обзоры внешней и внутренней политики, театральной и музыкальной жизни; отдел «изящной словесности»; рубрики, посвященные истории науки и искусства, открытиям в области науки и промышленным достижениям; «юмористический листок», раздел, где помещались шахматные задачи, шарады и ребусы. Обозначая свою мировоззренческую и эстетическую платформу, журнал декларировал свое стремление быть «вне литературных партий», заявлял о приоритете «научной критики» произведений над «партийной» принадлежностью их авторов. «Научная критика является примирителем борющихся партий, разъяснителем спорных вопросов для публики. Мы будем обращать внимание на дельность мысли, правдивость изображения и

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель».

художественность произведения, независимо от того, писателем какой партии написано произведение» [2, с. 2], – так обосновывала редакция свои критерии «экспертизы» художественных произведений.

Изложение редакцией программы издания наглядно подтверждает наблюдение специалистов по истории журналистики о том, что иллюстрированные журналы стремились к охвату различных сфер интересов подписчиков и членов их семей [3, с. 106]. Они пытались моделировать картину мира читателей и их систему ценностей. Предлагая свои варианты интерпретации событий политической жизни, помещая на своих страницах беллетристические произведения, публикуя биографии «замечательных людей», печатая описания различных частей «нашего отечества» и их населения, журнал задавал определенную систему координат, позволяющую читателю отделять главное от второстепенного, формировать оценочные суждения в отношении явлений прошлого и настоящего. Иллюстрации конструировали визуальные каноны реальности, усиливая символическое господство журналов.

Потенциал журналов в формировании социальных идентичностей (в первую очередь, национальной) осознавался и властью, и самими издателями еженедельников. П.П. Вяземский – начальник Главного управления по делам печати – писал в своем распоряжении в 1881 г.: «Главное Управление по делам печати, обращая особое внимание на иллюстрированные газеты, более других влияющие на массы и на юное поколение, настойчиво наблюдало, чтобы редакции подобных газет были вверяемы людям вполне благонадежным и с несомненным патриотическим направлением, тем не менее, в настоящее время весьма полезно усилить заботливое внимание цензуры на проявляющийся в некоторых иллюстрированных газетах заметный индифферентизм к русским интересам. Недостаточно устранять из подобных изданий все, что может оскорблять народное чувство и колебать в юном поколении заветные верования и предания русского народа, но следует даже настаивать, чтобы сведения, отзывы и сами изображения имели бы характер положительно сочувственный не только ко всему тому, что народ русский привык уважать...»¹. Э.Д. Гоппе, редактировавший «Всемирную иллюстрацию» после смерти своего брата, обращаясь к Николаю II в марте 1898 г. с просьбой о субсидии для продолжения издания журнала, так оценивал заслуги издания перед государством: «Журнал “Всемирная иллюстрация” в продолжении тридцати лет своего существования преследовал самые возвышенные цели общественного и государственного блага... журнал, который честно служил русским интересам ... и является единственною летописью современной русской истории»².

Издание было адресовано, в первую очередь, «среднему слою» читателей – чиновничеству, богатому купечеству, провинциальной интеллигенции. Его тираж доходил до 10 тыс. экз., и средняя годовая цена с пересылкой составляла 12 руб. По мнению специалистов по социологии чтения, иллюстрированные журналы отличал подход к читателю как к равноправному партнеру, удовлетворять запросы ко-

торого редакция считала первым долгом [3, с. 103]. Именно это позволяло изданиям не только ориентироваться на получение прибыли, но и решать просветительские задачи. Издатели «Всемирной иллюстрации» в передовых статьях, в объявлениях о подписке постоянно акцентировали связь с читателями и декларировали свое желание соответствовать интересам и потребностям читающей публики. В редакционной статье от 12 октября 1885 г. читаем: «“Всемирная иллюстрация” постепенно приобрела обширный круг читателей, которые чрезвычайно живо интересуются ее успехами и выполняемой программой. Они охотно присылают дельные письма с замечками по поводу тех или иных статей, доставляют эскизы и фотографические снимки, облегчая ... любимому журналу многие разнообразные и трудные задачи. Между этими читателями и журналом установилась неувядающая, но прочная связь, которая только и дает возможность предугадывать и предупреждать желания подписчиков. Таким образом, они видят, что избранный журнал становится не только их другом, но и их голосом» [4, с. 265].

Насколько активно журнал взаимодействовал с читателями в действительности – вопрос, требующий специального изучения. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы и анализ журнальных текстов не дают возможности безоговорочно верить утверждениям редакции издания: в еженедельнике отсутствуют рубрики, в которых бы помещались корреспонденции читателей; в редакционных статьях и информационных сообщениях не фиксируется факт получения тех или иных сведений от читателей. Возможно, это объясняется особенностями читательской аудитории журнала. Сошлюсь на А.И. Рейтблата, писавшего об адресатах «тонких» журналов: «Получив “среднее” образование (уездное или духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и т.п.), они привыкли искать ответы на возникающие вопросы в книге, однако краткосрочность обучения обусловила тот факт, что “научная” картина мира была усвоена ими не полностью, мировоззрение их было фрагментарно и сохраняло многие элементы и традиции обыденных представлений. Отсюда, с одной стороны, стремление к получению разнообразных сведений, а с другой – тяга не к систематичности этих знаний, а к сенсационности, интересности, завлекательности получаемой информации» [3, с. 101–102].

О том, что редакция журнала ориентировалась на читателей, в том числе и из сибирских губерний, свидетельствует не только стабильный интерес издания к жизни зауральских территорий (адресатом текстов о Сибири являлись и жители Европейской России), но и объявления о подписке. Показательно в этом смысле следующее объявление: «Ввиду приближения времени подписки на 1874 г., мы просим подписчиков наших, живущих на далеких окраинах России, в Туркестане и Восточной Сибири, и, тем более, в других частях света, поспешить возобновление подписки для избежания остановки в получении нашего журнала» [5, с. 213].

Какие сюжеты сибирской жизни представлялись наиболее интересными для авторов и издателей журнала? Какие образы реальности они конструировали и почему? Каковы отношения «реального» и «воображаемого» в реп-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8 (1881). Д. 1. С. 2–2 об.

² ОР РНБ. Ф. 601 (Половцовы). Ед. хр. 188. Л. 1–1 об.

репрезентациях региона в интересующем нас издании? Кто писал о Сибири в журнале «для семейного чтения»? Наибольший же интерес вызывают вопросы о том, как и кем «изображалась» Сибирь на многочисленных гравюрах с рисунков и фотографий? Как были связаны между собой текст и рисунок в иллюстрированном еженедельнике? Поиску ответов на перечисленные вопросы и посвящена данная статья.

Наша гипотеза состоит в том, что репрезентации Сибири в иллюстрированных периодических изданиях не являлись прямым «отражением» сибирских реалий, а были продуктом «воображения Сибири» авторами издания. Литераторы и художники создавали образы региона, рассчитанные на вкусы, потребности и кругозор своих читателей.

Определим, в каких тематических рубриках журнал помещал информацию о регионе, какими видами источников она была представлена. Обратимся к данным таблицы.

Сразу замечу, что представленные в таблице подсчеты дают возможность составить лишь общее представление о тематических репрезентациях региона в изучаемом издании. За единицу подсчета публикаций мною брался цельный текст о Сибири, независимо от его объема. Маркерами, указывающими на принадлежность текста к региону, были топонимы Сибири и/или ее отдельных территорий (губерний, областей, уездов) и названия народов, растений, представителей фауны, соотносящихся с регионом. В тех случаях, когда речь шла о выдающихся людях, чья биография была связана с регионом, я учитывала лишь те публи-

кации, в названии и содержании которых акцентировалась связь того или иного деятеля с Сибирью. Другой принцип подсчета был избран для иллюстраций в связи с тем, что часто на одной журнальной полосе помещалось несколько изображений одного и того же объекта, а в качестве самостоятельной единицы учитывались только иллюстрации, отличающиеся по тематике и авторству, в том случае, если они были помещены в одном номере журнала. В таблицу внесены сведения об иллюстрациях и текстах, посвященных Дальнему Востоку, так как эта территория включалась авторами издания в состав Сибири.

С точки зрения содержательного анализа репрезентаций региона важно, что часто тематически тексты, представленные в разных рубриках, дублировали друг друга. Например, публикации, посвященные этнографии коренного населения, могли находиться как в рубрике «Этнография, география, путешествия», так и в разделе «Сибирские виды, сцены и типы». Информация о геологии региона могла быть опубликована и в соответствующей тематической рубрике, и в разделе «Торговля и промышленность».

Как видно из таблицы, наибольшее число текстов о Сибири было представлено информационными сообщениями о событиях в экономической, административной, реже культурной жизни региона (с последними чаще знакомили в специальных рубриках «Учебное дело», «Летопись искусств, театра и музыки» и др.). Авторство таких сообщений не указывалось. Крайне редко фиксировался и источник информации, в отличие от «толстых» журналов, содержавших

**Тематические разделы публикаций о Сибири
еженедельного журнала «Всемирная иллюстрация» 1869–1898 гг.***

№ п/п	Название рубрики в разные годы	Количество публикаций
1	Внутренние известия / Разные известия / Политика внутренняя	48
2	Сибирские виды, сцены и типы / Наши окраины	37
3	Корреспонденции из сибирских городов	33
4	Отечествоведение и наши экспедиции / География, этнография, путешествия	30
5	Биографические очерки и некрологи	21
6	Геральдика / Генеалогия и геральдика	8
7	Учебное дело	8
8	Летопись искусств, театра и музыки / В мире искусства	6
9	Наши картины и рисунки	6
10	Пути сообщения	5
11	История и археология / Археология	3
12	Торговля и промышленность	3
13	Зоология / Зоология и ботаника	3
14	Военное и морское дело	3
15	Объявления	2
16	Метеорология	2
17	Геология	1
Итого публикаций:		219
Иллюстраций:		139
Итого:		358

* Составлено мною на основании сплошного просмотра журнала за 1869–1898 гг.

«отсылки» к сибирским или центральным газетам. Можно предполагать, что критерии отбора информации были достаточно произвольными и зависели от вкусовых пристрастий редактора, его представлений о запросах читателей или от сведений, имевшихся «под рукой». Сообщения о правительственных мероприятиях в отношении региона (в частности, об образовании Приамурского генерал-губернаторства, об открытии в Омске мирового суда и др.) соседствовали с описаниями землянки фальшивомонетчиков недалеко от Иркутска, сведениями об общественной жизни сибиряков (образованиях в Томске медицинского общества, ходатайствах купцов по поводу постройки Сибирской железной дороги, открытии нового здания музея ИРГО в Иркутске). Слухи о затонувшем почтовом возке с денежной корреспонденцией, следовавшем из Иркутска за Байкал, сменялись прогнозами на урожай и информацией о начале судоходства на сибирских реках.

В рубрике «Сибирские виды, сцены и типы» помещались популярные и художественные очерки об отдельных сибирских губерниях, городах, населенных пунктах, народах Сибири. Важно, что уже в самых первых публикациях зауральские губернии описывались не как экзотические страны, имевшие мало общего с «внутренней Россией», что было характерно для литературы и журналистики первой половины XIX в., а как неотъемлемая часть территории России, правда, не очень хорошо известная образованной публике. Примечательны в этом смысле строки корреспондента «Всемирной иллюстрации»: «Много бед выпало в последние годы на долю отдаленной Сибири нашей, много горя принесли эти беды сибирскому населению, не умеющему предупредить несчастье или избавиться от него. Ни откуда не идет помощь сюда, да и редко кто знает о том, что здесь делается, как люди живут...» [6, с. 875].

Как правило, очерки сопровождался гравюрами с рисунков и фотографий и пояснениями их содержания. Иллюстрации конструировали визуальные каноны реальности, усиливая символическое господство журналов. Они демонстрировали, к примеру, как должен выглядеть сибирский крестьянин, «наш „инородец“», «наш Ермак» и вся «наша Сибирь». В отличие от ряда других иллюстрированных журналов, к примеру «Живописного обозрения», сотрудники «Всемирной иллюстрации» стремились к взаимосвязи текста и изображения. При этом согласно замыслу издателей, именно иллюстрациям отводилась первостепенная роль в формировании представлений о «наших окраинах». В отдельных случаях это отражалось даже в заглавиях художественных очерков: «Золотуха» (к рисунку Н.Н. Каразина); «Через Байкал зимою и летом» (к рисунку Н.Н. Каразина)» [7, с. 470; 8, с. 154; и др.].

Популярные очерки о регионе писались по определенной логической схеме, включающей следующие элементы: географическое положение; флора и фауна; состав населения и его занятия; аборигенное население, его жилище, питание, одежда, психологические характеристики, семейные праздники и обряды; этапы и особенности русской колонизации края. Основной акцент в таких очерках делался на описании «инородческого» населения Сибири. В большинстве случаев авторы публикаций избегали оценочных суждений и стремились «объективно» проинформировать

читателей о жизни «наших сибирских индейцев», подкрепляя тексты гравюрами с фотографий В. Ланина, набросков Бадерке, рисунков Н.Н. Каразина, Л. Праховой и др. Однако отдельные тексты еженедельника смело можно отнести к ориенталистскому дискурсу об «инородцах». Как и в «толстых» журналах, в текстах «Всемирной иллюстрации» аборигенное население региона рассматривалось в сравнении с более просвещенным, цивилизованным и более «европейским» русским народом и перспективы экономического и культурного развития сибирских «инородцев» часто связывались с благотворным влиянием «просветителей Азии» в лице русских колонизаторов. В рамках этого дискурса «инородцам» порой присваивались негативные коннотации «ленивых», «жадных», «вороватых», но способных к «исправлению» под влиянием цивилизации [9, с. 243; и др.]. Однако, если в рассчитанных на хорошо подготовленную, образованную, социально активную публику ежемесячных журналах такого рода оценки вызвали обоснованную критику и цивилизаторский потенциал русских колонистов Сибири являлся предметом дискуссии, то для изучаемого издания он являлся аксиомой. В отличие от «толстых» журналов, «инородческий вопрос» в Сибири, для иллюстрированных еженедельников, не был предметом специального обсуждения и был практически лишен идеологического наполнения. Он упоминался, как правило, в статьях или сообщениях, посвященных той или иной сибирской губернии или области, и был одним из элементов ее описания наряду с географическим положением, характеристикой природно-климатических условий, освещением истории вхождения в состав русского государства.

Особый интерес, с точки зрения конструирования представлений о регионе, представляет выбор редакцией «героев» биографических очерков. В числе выдающихся деятелей Сибири, заслуживавших внимания читателей, чаще всего фигурировали сибирские администраторы: генерал-губернаторы Н.Г. Казнаков и М.А. Таубе, губернатор Н.И. Гродеков [10, с. 138; 11, с. 180, 182; 12, с. 398; 13, с. 368; и др.]. Биографические очерки, посвященные главам губерний, содержали набор стандартных сведений об их рождении, образовании, основных этапах профессиональной карьеры и наградах, полученных на государственной службе. Поводом для публикации таких очерков чаще всего служили новые назначения, «круглые» годовщины военной или государственной службы. Как правило, в таких материалах отсутствовали оценочные суждения, позволяющие выяснить, какие именно результаты их деятельности, личностные, профессиональные качества вызывали наибольшее уважение редакции. Можно предположить, что уже сам факт принадлежности к губернаторскому корпусу являлся, с точки зрения издания, достаточным основанием для причисления его представителей к числу «замечательных» людей.

По другим основаниям конструировались биографии общественных деятелей – золотопромышленника М.Д. Бутина, исследователей Сибири Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, писателя С.В. Максимова, врача П.И. Супруненко, заведовавшего медицинской частью и метеостанцией на о. Сахалин. Основной акцент в таких биографических статьях делался на их заслугах перед местным населением, на

подробном описании их профессиональной деятельности, вся их жизнь интерпретировалась как подвижническое служение общественным интересам. Типична в этом смысле следующая характеристика: «П.И. Супруненко ... все свои досуги посвятил изучению острова, вникая в нужды местного населения, врачую их физические недуги. П.И. за десять лет приобрел громкую популярность и авторитет среди инородцев острова, каковыми до сих пор не пользовался там никто. Местные инородцы айны называли П.И. “большим шаманом”, что значит “знаток природы и ее тайн”» [14, с. 139].

Как было упомянуто, для большинства публикаций «Всемирной иллюстрации» была характерна анонимность. Из 219 текстов о Сибири во «Всемирной иллюстрации» было подписано 37, из которых авторы 22 подписывались псевдонимами («Житель Омска», «Курганец») или криптонимами (М.З., Н.Н., М.А.О., Г.В., В.Ч., Н.К., Н.Б. и др.). Однако в числе авторов издания были и известные сибиряки, например, нерчинский купец М.А. Зензинов, литератор и краевед, известные исследователи региона А.В. Адрианов, Г.Н. Потанин, Н.В. Слюнин. Автором биографических очерков «Всемирной иллюстрации» об известных сибиряках (П.П. Ершове, Г.Н. Потанине) являлся заведующий литературным отделом журнала П.В. Быков, художественные очерки о регионе писали С.В. и А.Я. Максимовы, Н.Н. Каразин. В журнале публиковали «сибирские виды» известные художники А.М. Васнецов, С.В. Иванов, неоднократно упоминавшийся Н.Н. Каразин. Особенно важно, что у «Всемирной иллюстрации» были постоянные «сибирские корреспонденты», которые не только писали о событиях в жизни региона, но и иллюстрировали их, посылая в редакцию свои фотографии и рисунки. Среди них следует назвать П. Викторова и П. Кошарова. У издания были свои художники-корреспонденты (Э. Нино, А. Евреинов, В.Г. Казанцев, К.И. Тихомиров, И. Алмазов, А.И. Кочешев, В. Ланин, М.Ф. Буланже, Н.А. Терехов и др.), которые занимались «изображением» зауральских губерний при помощи набросков и фотографий. Однако многие авторы публикаций о регионе никогда не были в Сибири и информацию о ней черпали из периодической печати, справочной и художественной литературы.

Тщательный анализ публикаций «Всемирной иллюстрации», посвященных Сибири, позволяет выделить следующие функции еженедельных иллюстрированных изданий в формировании образа региона. Как и «идейные» ежемесячные издания, иллюстрированные журналы для семейного чтения выполняли коммуникативную и консолидирующую функции, способствовали включению региона в коммуникативное пространство империи. Заслугой еженедельных изданий является расширение круга читающей публики за счет читателей, получивших «среднее» образование (уезд-

ное или духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и пр.). Соответственно, увеличивалось количество адресатов сибирского дискурса. Благодаря «тонким» журналам подписчики вовлекались в интеллектуальную жизнь (выписывать иллюстрированные журналы считалось «модным»), и у них вырабатывалась потребность в регулярном чтении получаемого издания. В свою очередь, это давало редакциям иллюстрированных еженедельников возможность конструировать у читателей образ восточного региона в зависимости от своих мировоззренческих установок, тематических приоритетов, эстетических пристрастий, формировавшихся с учетом изменения политической конъюнктуры, уровня экономического и социокультурного развития Сибири.

Публикации «Всемирной иллюстрации» наглядно свидетельствуют о том, что еженедельники выполняли *информационную* функцию, размещая оперативные материалы о различных событиях в экономической и культурной жизни региона, сообщая сведения о количестве и составе населения, его этнографических и социокультурных характеристиках. Судя по высоким тиражам, изучаемые издания были одним из самых доступных источников информации о регионах Российской империи, в том числе о Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Профессор Норденскёльд и открытие им морского сообщения Сибири с Европою // Всемирная иллюстрация (далее – Вил.). 1876. Т. 15, № 359. 15 нояб.
2. Объявление об издании журнала // Вил. 1869. Т. 1, № 1. 1 янв.
3. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009: Новое литературное обозрение. 448 с.
4. От редакции // Вил. 1885. Т. 34, № 874. 12 окт.
5. От редакции // Вил. 1873. Т. 10, № 247. 29 сент.
6. Опахивание в Сибири // Вил. 1870. Т. 4, № 104. 26 дек.
7. *Н.К.* Сибирские виды, сцены и типы. Золотуха (к рисунку Н.Н. Каразина) // Вил. 1881. Т. 26, № 674. 5 дек.
8. *Н.К.* Сибирские виды, сцены и типы. Через Байкал зимою и летом (к рисунку Н.Н. Каразина) // Вил. 1882. Т. 27, № 684. 20 февр.
9. Наш Крайний восток // Вил. 1872. Т. 7, № 171. 8 апр.
10. Н.Г. Казнаков – генерал-губернатор Западной Сибири // Вил. 1880. Т. 24, № 606. 16 авг.
11. Барон М.А. Таубе, генерал от инфантерии, степной генерал-губернатор // Вил. 1895. Т. 54, № 1388. 2 сент.
12. Генерал-адъютант Г.В. Мещеринов, генерал-адъютант Западной Сибири // Вил. 1881. Т. 25, № 644. 9 мая.
13. Н.И. Гродеков, новый приамурский губернатор // Вил. 1898. Т. 59, № 1524. 11 апр.
14. *Хвостов А.П.* И. Супруненко // Вил. 1890. Т. 43, № 1127. 25 авг.

Статья поступила
в редакцию 01.11.2012

УДК 94(47).083+281.93

Н.А. СТАРУХИН

**ИГУМЕН КАЗАНСКОГО БЕЛОКРИНИЦКОГО СКИТА ФЕОФИЛАКТ (САВКИН)
И ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ***Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье рассматривается творчество одного из самобытных представителей белокриницкого монашества игумена Феофилакта (Савкина). На основе сохранившегося эпистолярного наследия сибирского скитника выделяются этапы его творческой биографии, проводится содержательный анализ посланий. Определяются ключевые направления внутренней и внешней полемики сибирских «австрийцев».

Ключевые слова: белокриницкое согласие, иночество, часовенные, полемика.

Изучение русского староверия учеными ведущих научных центров страны давно стало устоявшимся фактом отечественной историографии. Однако все еще остается крайне важной реконструкция региональной истории старообрядчества, поиск и введение в научный оборот документальных источников, сочинений разных жанров апологетов «древле-православия». Во многом не являясь исключением история и идеология одного согласия, белокриницкого («австрийского»), организационно оформившегося осенью 1846 г. вне пределов досягаемости российского правительства на территории Австрийской империи.

Возникновение нового согласия, распространение его как вообще в России, так и на востоке страны, где с середины 1860-х и в 1870-е гг. все активнее начинают заявлять о себе белокриницкие мирские и монашеские общества, подтолкнуло очередную волну споров в разрозненном мире староверия. Далеко не идеальными были отношения и между лидерами общин, местными обществами и белокриницким епископатом. И если общая история согласия, ранняя литература «австрийцев» привлекали внимание как дореволюционных, так и современных исследователей, то сибирские белокриницкие организации, идейная борьба в них явно остаются недостаточно изученными.

Заявленная тема представляется актуальной и в связи с необходимостью изучения эпистолярного жанра «австрийцев», его специфики.

Одной из ярких фигур на поприще идеологической и общественной борьбы в белокриницком согласии на рубеже XIX–XX вв. является основатель Казанского (позже – Новоархангельского) скита под г. Томском о. Феофилакт (в миру Федор Иванович Савкин). Первоначально о. Феофилакт и группа его единомышленников, участвовавших в основании скитского центра, принадлежали к другому направлению староверия – часовенному. В течение 1863 г. о. Феофилакт

принимал энергичное участие по выходу тайных староверов нескольких крестьянских обществ Оренбургской губернии из приходов официальной православной церкви и вместе с другими участниками этой акции был заключен в оренбургскую тюрьму. После побега из тюрьмы около 1868 или 1869 г. о. Феофилакт проживал некоторое время в скитах часовенных в Уфимской губернии. Видимо, там же он принял иночество («накрытие»). Примерно через год после побега из заключения он избирается руководителем одного из скитов, а затем переселяется в 1875 г. с группой черноризцев в Семилуженскую волость Томской губернии.

Исследование творчества о. Феофилакта интересно как в организационном (основатель достаточно крупного монастырского центра), так и в идейном плане: его сочинения, основанный им центр становятся известными далеко за пределами урало-сибирского региона, где влияние томского игумена было наиболее сильным.

На сегодняшний день из творчества о. Феофилакта доступно, прежде всего, его эпистолярное наследие. Но сибирский отшельник пробовал себя в разных литературных жанрах. Так, на наличие полемических сочинений, составленных томским игуменом, указывал маститый синодальный исследователь Н.И. Субботин, сравнивавший сибирского монаха с известным белокриницким апологетом Анисимом Швецовым [1, с. 107–109]. По источникам прослеживается интерес о. Феофилакта к каноническому и уставному творчеству, созданию исторических сочинений¹.

Эпистолярный этого «сибирского Златоуста» насчитывает более семи десятков посланий, отложившихся в разных архивохранилищах; немалая часть из некогда обширного наследия томского игумена утрачена. Как правило, сохранившиеся послания носят адресный характер и написаны в 1880–1900-х гг. Этот временной промежуток, крайне интересный в исследовательском отношении, можно назвать пе-

*Статья подготовлена при содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (№ НШ-2318.2012.6).

¹ РГБ. Ф. 246. К. 189. Ед. хр. 5. Л. 36–37 об.; К. 193. Ед. хр. 3. Л. 43–43 об.

приодом становления ранней публицистики староверов-белокриницких в целом. Именно в указанное время появляются первые периодические (заграничные) издания «австрийцев», их общественные организации [2, с. 2–4; 3, с. 1–3; 4, с. 56–57, 271–272]. Это обстоятельство существенно повлияло на литературное творчество белокриницких староверов, в том числе сибирских.

Более детальное знакомство с посланиями о. Феофилакта позволяет распределить их по разным, не равным по протяженности временным промежуткам: переписка периода обращения в белокриницкое согласие и организации Казанского скита после перехода к «австрийцам» (1879–1880 гг.); послания, написанные в период организации епископской кафедры в Томской губернии и конфликта с московским Духовным советом и архиепископией (1884–1889 гг.); переписка после снятия запрета игумена на служение и руководство скитом, наложенного архиепископией, ареста властями и выхода его из томской тюрьмы, а также основания Новоархангельского скита (рубеж 1900-х гг.). Наиболее интенсивный характер переписки приходится на первые два этапа деятельности скитника (не менее 50 посланий).

Самым ранним датированным источником, вышедшим из-под пера о. Феофилакта, является его «Молебное послание» московскому архиепископу Антонию (Шутову) в августе 1879 г. Попутно укажем, что одним из источников «Послания» бывшего часовенного черноризца послужила «Краткая история древлеправославной Российской церкви благочестивого священства», изданная незадолго до его обращения в одной из заграничных типографий «австрийцев» (Яссы, 1878 г.). Скорее всего, именно указанное сочинение использовано позднее под другим наименованием в одном из основных исторических сочинений часовенных конца 1880-х гг. – «Родословии» о. Нифонта². Во всяком случае, совпадает, с небольшим различием в наименованиях, часть использованных источников, обозначенных в этих сочинениях: «Реестр ветковских священников...», «Беседословие старообрядца с новообрядцем» иргизского инока Сергия Юршева. В том и другом сочинениях использовалась общая и хорошо известная для беглопоповской традиции работа керженского писателя XVIII в. Ионы Курносого «О бегствуящем священстве», другие «старописьменные истории» [5, с. 646; 6, л. 3; 7, с. 048; 8].

В своем «Молебном послании» о. Феофилакт уже предстает перед нами как талантливый писатель, явно просматривается его стремление актуализировать события. В частности, отказ от приема православных священников у часовенных Феофилакт связывает, прежде всего, с правительственным разгромом Иргизских монастырей, т.е. с политическими причинами.

Другие материалы, которые легли в основу «Молебного послания» будущего томского игумена в московскую архиепископию «австрийцев», представляют собой устные беседы и диспуты, источники канонического права³. Использовал их о. Феофилакт вполне квалифицированно и, на наш взгляд, достаточно ясно смог сформулировать

позицию как одной из умеренных групп часовенных, связанной с подзаводскими скитами Урала и купеческой верхушкой, так и далеко неоднородной скитской организацией этого согласия.

В связи с этим отметим, что переход к «австрийцам» бывших часовенных черноризцев явно обострил полемику не только по проблеме появления белокриницкого епископата. Практически сразу же поднимаются споры о природе (духовной или чувственной) Антихриста. И то, что полемика затронула основные скиты часовенных, включая известный скит о. Нифонта, ведущий свою преемственность от знаменитого пустынножительного центра софонтиевцев XVIII в. – скита Дионисия – Максима, безусловно, говорит о важности поднятых в ходе диспутов вопросов.

Отметим основные темы других посланий о. Феофилакта периода лета–осени 1880 г. Прежде всего, это хорошо известная исследователям по более ранней старообрядческой литературе тема исповедания веры и почитания своих учителей [9, с. 10]. Крайне примечательна и впервые, насколько известно, поднимаемая именно о. Феофилактом тема взаимоотношений городских и сельских обществ «австрийцев».

С очерченной выше проблематикой тесно связана группа посланий и самого о. Феофилакта 1884–1889 гг., и близких к его скиту мирских обществ, хотя тематический спектр в этих сочинениях уже существенно расширяется. В посланиях томского игумена этого периода можно выделить несколько направлений. Помимо трений с епископатом, внутренних вопросов самой иноческой организации, о. Феофилактом обозначается и проблема взаимоотношений с белым духовенством. Весьма болезненными по своим последствиям для игумена станут его обличения «сильных и богатых» мира сего – влиятельных попечителей столичных обществ. Присутствует и критика представителей светской и церковной администрации.

Именно в этот период послания монаха приобретают наибольший публицистический накал. Наблюдается и определенная идейная эволюция у самого о. Феофилакта. От идеализации староверческого епископата и попыток контактов с купеческой верхушкой, обличений отдельных представителей высшей иерархии «австрийцев» игумен переходит к жесткой критике руководства московской архиепископии и белокриницкого епископата в целом.

Конечно, позиция томского игумена не могла остаться незамеченной как архиепископией, так и московским Духовным советом. Вероятно, уже начиная с 1887 г. о. Феофилакт последовательно отлучается епископатом и стоявшим за этим отлучениями московским Духовным советом не только от руководства скитом, но и от священнических обязанностей.

Указанные нами противоречия накладывались на недовольство пустынников, связанное с содержанием Казанской обители, недостаточным, по их мнению, вниманием епископата к этому вопросу, и, прежде всего, запретом на свободные отлучки иноков из монастыря для сбора милостыни. Сыграла свою роль и попытка запретить томским епископом Мефодием (Екимовым) чтение переводных (изданных в синодальных типографиях) житий святых во время скитской трапезы. Реакция Мефодия была вполне предсказуема – для консервативно настроенной части «австрийцев», к которой

² В «Родословии» о. Нифонта сочинение фигурирует под названием «Белокриницкая история».

³ РГБ. Ф. 246. К. 188. Ед.хр. 4. Л. 67.

томский епископ и относился, использование академических синодских изданий являлось недопустимым новшеством. Но иноками скита, самим о. Феофилактом такие шаги епископа рассматривались как грубейшее вмешательство во внутренние дела иноческой организации.

Программные требования, связанные с частично затронутыми выше конфликтами этого периода, которые отражали взгляды не только мирских и иноческих обществ, но и скитских лидеров – в том числе о. Феофилакта, прежде всего, были изложены в прошениях томского (сентябрь 1888 г.) и колыванского (январь 1889 г.) обществ⁴. Иноки скита и сам Феофилакт активно участвовали в составлении этих прошений.

Ярким отличием прошений является их социальная заостренность, затрагивается тема «враждебных властей». В наибольшей степени это характеризует прошение томского общества:

«...Миссионеры нечестивые со всем рвением иезуитской хитрости продолжают свое дело усердно; теснят правоверующих отвсюду при посредстве местных властей неверующих... Все редакции поносят старообрядцев, и не один цензор не протестует... В каждом городе сотни капищей Бахуса ...и кумирница Венеры...у нас не преследуются, но еще законом ограждаются...»⁵. Сами институты власти, ее государственная символика напрямую обличению не подвергаются, но недовольство властями, как своими, так и «внешними», явно присутствует. При этом составители документа умело используют пророческие книги: «Несть во время се князя, ни пророка, ни вождя, ни места, еже пожрети пред Господом и обрести милость»⁶.

При всей общности тем, колыванское прошение касается больше внутренних проблем согласия, хотя использование Кирилловой книги и Книги о вере – известных переработок сочинений западнорусских борцов XVI–XVII вв. против папства и унии придает и этому посланию определенную политическую направленность. Это открывает возможность для острой критики руководства своего согласия:

«...уподобившись безпоповцам, или как новые белоусцы, мы ныне страждем. Но разница в том, что последние от угнетения чужих властей, католиков и униатов терпели известное всем злострадание. А наша сибирская церковь в настоящее время страдает и разоряется, как видно из дел, от не милосердия и не внимания к нашим духовным нуждам ... наших архипастырей»⁷.

Очень тесно тематически и хронологически связано с прошениями томского и колыванского обществ 1888–1889 гг. другое яркое послание Феофилакта в московскую архиепископию. Условно его можно назвать посланием-обращением «Пастырем, отцем и братием»⁸. Послание не датировано, но анализ его содержания, как и место хранения в делопроизводстве архиепископии позволяют предположить, что оно было составлено не позднее лета–осени 1890 г.⁹ Послание,

по всей вероятности, адресовалось кому-то из столичного духовенства, среди которого Феофилакт искал поддержки в период конфликта с московской архиепископией. В нем томский игумен продолжает тему обличения верхушки согласия, причем явно просматривается как расширение проблематики, так и дальнейшая радикализация взглядов автора. В частности, Феофилакт выражает откровенное недовольство не только представителями светской и духовной администрации «австрийцев», но и церковными и гражданскими властями. Инок приводит прямые параллели между представителями своей (белокриницкой) и гражданской администраций. Более того, критика последней со стороны опального монаха носит уже персональный характер. Феофилакт пишет:

«Нет нужды, что ныне не видим мы в Синоде Чебышева и Милиссино, но мы знаем графа Протасова и помним достопамятные слова его... сказанные недавно (!) при назначении его в обер-прокуроры... я ныне министр, архиерей, и черт знает что. Такая фраза... явно указывает на полное отсутствие религиозности тех людей, с которыми вы общение иметь не считаете грехом, а нецыи из вас и за еретиков не считают сих, и позволяют молиться за живых и мертвых. А г. Шибаев не лучше Протасова называет наших епископов... и не малейшему замечанию за это не подвергается...»¹⁰.

Примечателен, и, конечно, не случаен приводимый о. Феофилактом список обер-прокуроров Синода, явно не отличавшихся своей религиозностью. Таким образом, указанное послание характеризует томского игумена как человека, неплохо ориентирующегося в церковной истории, событиях, происходящих за стенами монастыря. Кроме того, послание интересно и с точки зрения выстраивания «системы авторитетов» сибирским иноком:

«Братие! И когда же ваши уста будут устами блаженнаго Феодора Студита, преподобного Максима Исповедника и св. Максима Грека. Где ныне они и витии истинны, где златые уста двух великих Иоаннов – Предотечи и Златоуста. Где новыи Илия и Иеремия, где русское украшение св. Филипп митрополит. Где чудныи Гермоген, и подобныи сим пастыри положивши душу за людей...»¹¹.

Как нетрудно заметить, в послании «Отцем и братием» о. Феофилакт продолжает хорошо знакомую по его предыдущим посланиям тему «доброго пастыря». Но эта тема выводит отшельника на более широкую проблематику, связанную с обличением всяческих властей.

В дальнейшем о. Феофилакт будет писать гораздо меньше¹². Практически неизменным останется и круг поднимаемых в его сочинениях тем. Важно подчеркнуть, что тематика посланий одного из ярких и интересных авторов белокриницкого согласия о. Феофилакта во многом дополняет сочинения столичных белокриницких апологетов (например, о роли демократических начал в жизни согласия), а в отдельных случаях – при обличении церковных и гражданских властей – предвосхищает их.

⁴ РГБ. Ф. 246. К. 197. Ед.хр. 3. Л. 25–30, 35–38.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 35–35 об.

⁸ Там же. К. 199. Ед.хр. 2. Л. 28–33 об.

⁹ Там же. Л. 61–61 об., 96–96 об.; К. 200. Ед.хр. 5. Л. 2.

¹⁰ Там же. К. 199. Ед.хр. 2. Л. 29.

¹¹ Там же. Л. 29.

¹² Переписка рубежа 1900-х гг. касается, прежде всего, хозяйственных проблем и вопросов внутренней организации сибирских обществ. – См.: РГБ. Ф. 246. К. 199. Ед.хр. 2. К. 200. Ед.хр. 5.; РГАДА. Ф. 1475. Оп. 1. Д. 200, 201, 203, 204.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись происходящих в расколе событий за 1890 год. М., 1891.
2. Старообрядец. Коломыя, 1881.
3. Слово правды. Браила, 1896.
4. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
5. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т. 1.
6. Краткая история древлеправославной Российской церкви благочестивого священства. Яссы, 1878.
7. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898.
8. Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа. СПб., 1863. Т. 2.
9. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.

Статья поступила
в редакцию 22.11.2012

УДК 94(47).083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ СРЕДИ МОБИЛИЗОВАННЫХ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ИЮЛЯ 1914 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
e-mail:istorik.novosib@gmail.com

В статье рассматриваются массовые протестные акции призванных в действующую армию сибиряков в период массовой мобилизации в июле 1914 г., выясняются их причины и действия властей по наведению порядка.

Ключевые слова: Первая мировая война, мобилизация, массовые выступления, бунты.

С 14 июля 1914 г. в Омском и Иркутском военных округах вводится в действие «Положение о подготовительном к войне периоде». Административным и правоохранительным органам предписывалось «особенно усилить надзор за недопущением возникновения забастовок». 18 июля в стране началась массовая мобилизация запасных, с 22 июля призывная кампания распространилась на ратников государственного ополчения.

Мобилизация запасных породила массовые выступления (бунты) с эпицентром в Томской губернии, где проживало более 40 % населения региона. В сельской местности они происходили с 19 июля до конца месяца. Так, 21 июля в волостном селе Шаховском Барнаульского уезда мобилизованные разгромили волостное правление, дома сельского старосты и волостного писаря, а в с. Павловском «тысячи запасных, следующих в Барнаул», подвергли погрому волостное правление и контору лесничего. В донесении тобольского губернатора А.А. Станкевича в МВД от 21 августа 1914 г. утверждалось, что «мобилизация протекала успешно, при соблюдении в общем полного порядка». Но, «к сожалению, в некоторых местах Тюкалинского уезда и, отчасти Ишимского, порядок этот был нарушен следовавшими на сборные пункты запасными нижними чинами, допустившими насильственные действия по отношению к лицам сельской администрации и чиновникам, сопровождавшимся похи-

щением вина»¹. Более откровенным был томский губернатор В.Н. Дудинский, который в аналогичном донесении от 2 сентября признавал: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми ими на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно в Томской губернии... В Барнаульском уезде были произведены разгромы канцелярий лесничества Алтайского Округа и массовые порубки леса»².

Всего по данным хроники крестьянского движения в Сибири [1, с. 107–112] я насчитал в четырех губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской) 157 протестных акций мобилизованных, которые произошли в 72 селах и 13 деревнях 60 волостей, прежде всего в наиболее крупных сельских поселениях и волостных центрах, где сосредоточивалась основная масса призванных. В Иркутской губернии волнения имели место в 7 селах Нижнеудинского и Киренского уездов. В Енисейской губернии – в 11 селах Ачинского, Красноярского и Минусинского уездов. В Тобольской губернии – в 6 селах и 2 деревнях Ишимского и Тюкалин-

¹ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв., 1914. Д. 108, ч. 76. Л. 7–7 об.

² Там же. Д. 108, ч. 77. Л. 11.

ского уездов. Подавляющая их часть приходится на Томскую губернию. Здесь бунтовали в 101 селах и 11 деревнях 49 волостей Томского, Мариинского, Каинского, Барнаульского, Кузнецкого и Змеиногорского уездов. Лидировал в губернии Барнаульский уезд (20 волостей, 48 сел и 2 деревни).

По характеру можно выделить следующие акции: в 9 случаях имели место разгромы волостных правлений и избивание должностных лиц крестьянского самоуправления (волостных и сельских старост, писарей, десятских и сотских); в 12 случаях осуществлялись массовые порубки леса, разгромы и поджоги контор лесничеств и лесных кордонов, квартал лесных объездчиков. Но больше всего – 136 из 157 фактов (86,6 %) – было разгромов торговых и винных лавок. Так, в станице Зерендинской Кокчетавского уезда Акмолинской области возле винной лавки собралась толпа запасных, требовавшая отпуска водки. «Капитан Сушков и есаул Маньков направились к толпе, пытались убедить и уговорить ее. Две партии запасных спокойно ушли. Прибыла, однако, новая партия, более значительная, из села Викторówki, среди которой уже много было пьяных. Пьяные настойчиво потребовали водки. Уговоры не действовали. Настроение поднималось. Кто-то крикнул: “Разбивай лавку”. Человек 200 запасных и толпа казаков обступили лавку со всех сторон, разбили ее и начали вытаскивать через окна бутылки. Троекратный оклик капитана Сушкова отойти от лавки и предупреждение о стрельбе не привели ни к каким результатам. Это так подействовало на капитана Сушкова, что он, очевидно, под влиянием нервного аффекта, выстрелил себе в висок. Толпа остановилась и затем медленно стала расходиться. Рана оказалась неопасной, и Сушкову своевременно была подана медицинская помощь. Вина похищено из лавки на сумму 518 рублей»³.

Разгромы и грабежи винных лавок имели массовый характер. Так, в Омске «24 июля в 9 часов утра, несколько человек запасных нижних чинов вошли в ренсковой погреб Харлампия Дунья-Оглы по Думской улице на окраине города, оторвали решетку у полок, на которых находились различные вина, похитили вина на сумму до 75 руб. Те же лица забрались в ренсковой погреб Анны Дегтяревой на той же Думской улице, взяли разных вин и гастрономических товаров на сумму около 100 р. И скрылись. Около 11 часов того же 24 июля толпа опьяневших запасных нижних чинов вошла в винно-бакалейный магазин Попова на углу Думской и Семинарской улиц и потребовала вина. После отказа, 15 человек запасных бросились в соседнюю с лавкой комнату, где хранилось унесенное из магазина вино и захватили вин на 50 руб. Два нижних чина забрались в кассу и, взяв из нее около 40 рублей, вышли из магазина, сели на близ стоявшего извозчика и скрылись. Однако полиции удалось разыскать грабителей и задержать; при них оказалось 14 бутылок коньяка, 42 коробки папирос и 25 руб. денег мелким серебром. Задержанные оказались: первый – крестьянином Тобольской губ. Зиновием Искрой, а второй – крестьянином Томской губернии Семеном Манским»⁴.

Помимо сельской глубинки, волнения призванных произошли в Кузнецке, Новониколаевске, Барнауле, Ишиме, на

железнодорожных станциях Убинская, Боготол, Зима, вообще по линии железной дороги. Так, 23 июля 1914 г. «запасные чины поездов №№ 40, 44, 46, 48, разгромив в селе Тайшет винную лавку, напалились. Придя на станцию, произвели буйство, ворвались в помещение охранной роты 19 Сибирского стрелкового полка, где похитили две винтовки и открыли беспорядочную стрельбу. По команде ротного командира стрелки дали залп и один из запасных тяжело ранен, остальные разбежались по вагонам»⁵. 24 июля в Ишиме «группа запасных, подстрекаемая двумя своими товарищами, учинила беспорядок с сопротивлением офицеру. Вызванная последним полурота стала заряжать ружья, при зарядке несколькими случайными выстрелами убит прохожий старик, ранен запасный. Порядок восстановлен, зачинщики арестованы, вызван военный следователь»⁶. Подводя итоги призыва и отправления мобилизованных, иркутский губернатор телеграфировал в Департамент полиции 28 июля: «Проезжающие [по] линии железной дороги запасные... производили [на] некоторых станциях и прилегающих [к] станциям поселках Иркутской губернии беспорядки и бесчинства, расхищали закрытые винные лавки»⁷.

Кроме того, в Ишиме в тот же день утром на сборном пункте при управлении уездного воинского начальника запасные общей численностью до 30 чел. пытались силой войти в управление, «требуя кормовые деньги либо еще не полученные, либо не полагающиеся им по правилам; при этом двое главарей, из них один запасный, гвардеец-фейерверкер Ефим Усольцев и другой по приметам Алексей Каверзнев с другими неуставленными личностями схватили за руки помощника начальника сего управления штабс-капитана Клитина, не впускавшего их во двор. В виду этого по команде командира охранной роты капитана Пучковского был произведен один ружейный залп, коим убит крестьянин Больше-Сорокинской волости, ранен запасный Александр Мельников. После залпа совместными действиями чинов общей и жандармской полиции порядок был тотчас восстановлен»⁸.

В Мариинск с 18 июля начали прибывать мобилизованные, некоторые из них были пьяны, а примерно половина объявила себя больными. Для их обследования 21 июля начались заседания уездного воинского присутствия. Тогда же находившиеся в городе четвертый день призывники начали выражать недовольство проведением мобилизации в разгар полевых работ и требовать выплаты пособий семьям. Они жаловались на то, что третий день не получают горячей пищи. 23 июля патрулем на базаре был задержан и отправлен в полицейское управление мобилизованный с украденным им чайником. Немедленно собралась толпа в 3 тыс. чел., потребовавшая освободить арестованного. По приказанию уездного исправника Б.Х. Оржеховского полицейские и солдаты местной воинской команды начали стрелять в воздух, рассеяв собравшихся. Часть из них (около 50 чел.) ворвались в здание городского полицейского управления, избив находившихся там, разгромили помещение, ра-

⁵ Там же. Д. 138, ч. 20. Л. 2.

⁶ Там же. Д. 138, ч. 76. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 138, ч. 23. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 138, ч. 76. Л. 6–6 об.

³ Там же. Д. 138, ч. 1. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Л. 7–7 об.

зорвали и расшвыряли документы. Портрет Николая II был пробит, а Александра II облит чернилами. Нападавшие захватили 100 бутылок вина, находившихся в здании в качестве вещественных доказательств. В тот же день толпа осадила винный магазин купца Чердынцева, и он не стал испытывать судьбу, приказав выкатить на улицу 45-ведерную бочку с вином. После ее распития толпа направилась к другим магазинам, но была рассеяна полицейскими и солдатами местной воинской команды. 24 июля положение стабилизировалось, а вскоре мобилизованных в эшелонах отправили на фронт [2, с. 283–285].

Наиболее драматический характер приобрели события в Новониколаевске и Барнауле. В первом 21 июля четырехтысячная толпа мобилизованных направилась от вокзала к воинскому присутствию. К ним присоединились рабочие. Был поднят красный флаг. В ответ на выстрелы полицейских, собравшиеся разграбили оружейный магазин и вступили в перестрелку с правоохранителями, в помощь которым прибыли солдаты местного гарнизона. В ходе столкновения двое призванных были убиты, еще двое ранены, ранения получили два десятка солдат и полицейских, офицер и пристав. 23 июля при отправке эшелона с мобилизованными произошло еще одно серьезное вооруженное столкновение, в ходе которого погибло 16 и было ранено 25 чел. На железнодорожной станции 24 июля произошел еще один кровавый инцидент. Запасным из проходящего эшелона, во избежание столкновений, запретили выходить из вагонов. Последние отказались выполнять приказ и в результате начавшейся перестрелки с вызванной воинской командой погибло 9 чел, 22 получили ранения (4 из них умерли) [3, с. 212–213]. Произошедшее позволило очевидцу этих событий большевику Г.Е. Дронину заявить в своих воспоминаниях: «Гражданская война, я бы сказал, началась в Новониколаевске чуть ли не с первых дней мобилизации в 1914 г.»⁹.

В Барнауле к 22 июля собралось до 20 тыс. мобилизованных. Часть из них ночевала на улице, плохо было организовано питание. Их требования выдачи «кормовых» и пособий семьям, улучшения условий содержания, вежливого обращения игнорировались. Обозленные призывники избили стражей порядка, начали громить казенный винный склад, где вспыхнул пожар. Пожарникам не давали его тушить. Как пишет А.С. Муравлев: «В разгоряченной толпе послышались призывы к разгрому и грабежу. К месту пожаров, охвативших около девяти часов вечера уже целые кварталы, стекались все новые и новые толпы запасных и городских жителей. Разобрав оружие в разбитых ими же оружейных магазинах, они стали громить дома, лавки, склады» [4, с. 93], здание местного отделения «Русского для внешней торговли банка». К вечеру 22 июля город находился в руках мобилизованных. Полицейские в форме боялись появляться на улицах. Чиновники разбежались из присутственных мест. Уездный воинский начальник скрылся.

Прибывшая на пароходе из Новониколаевска воинская команда выстрелами рассеяла грабителей, хотя стрельба продолжалась всю ночь. Утром 23 июля полиция подобрала на улицах города около 40 трупов, немало грабителей погибло в огне. Из числа запасных 112 чел. были убиты или сгорели,

несколько сот получили ранения. Сгорело 45 больших зданий, в том числе 32 жилых дома. Пострадали несколько маслоэкспортных контор, складов, пакугазов, магазинов. Материальный ущерб, по оценке властей, составил более 4,5 млн руб. За участие в грабежах и сопротивление правоохранителям арестовали 155 чел.

Следствие по барнаульским беспорядкам продолжалось до середины 1915 г. Судебный процесс, по которому прошло 200 чел., начался 27 октября 1915 г. 15 чел. приговорили к тюремному заключению на срок от четырех до восьми лет; 82 привлеченных по этому делу получили сроки от одного месяца до четырех лет в арестантских ротах; 32 чел. – тюремной отсидки на срок от одного месяца до трех лет. Всего из 247 погибших участников солдатских бунтов в России на долю Томской губернии приходится 136–140 чел. Общее число привлеченных к суду за участие в них составило до 1400 чел. [5, с. 97].

В Кузнецке с численностью населения 3 тыс. чел. переполнившие его мобилизованные и присоединившиеся к ним горожане и крестьяне окрестных сельских поселений разбили двери казенного винного склада. Началось массовое пьянство. Пришлось срочно направлять сюда роту солдат из Томска [6, с. 211].

Что касается причин произошедшего, то непосредственно, «по горячим следам» акмолинский губернатор отнес к ним «разбросанность населенных пунктов по громадной территории, не обслуживаемых низшим полицейским персоналом – конной или пешей стражей, малочисленность крестьянских деятелей», опоздание с вывозом водки «из винных лавок, расположенных на больших грунтовых путях следования призываемых запасных и ополченцев». Наконец, частным причинами («Село Викторовка и станица Зерендинская – зажиточные, издавна славившиеся пьянством, старые поселения на бойкой дороге») ¹⁰. Примерно такие же причины называет и тобольский губернатор в телеграмме от 26 июля 1914 г. ¹¹

В советский период солдатские бунты квалифицировались «как одна из форм политической борьбы крестьянства против самодержавия, свидетельствующая о дальнейшем росте классового самосознания» [7, с. 207]. «В настоящее время подобная оценка выглядит явной натяжкой, – считают И.А. Еремин и Т.А. Кижаяева. – В объяснении причин волнений мобилизованных в июле 1914 г. сегодня преобладают два подхода. Во-первых, эти волнения увязывают с вообще негативным отношением населения, и прежде всего во многом еще патриархального русского крестьянства, к воинской повинности. Во-вторых, волнения были спровоцированы началом антиалкогольной кампании, что нарушало сложившуюся традицию проводов деревенских рекрутов на войну, обязательным элементом которых была пьяная гульба призывников и их родственников. Она носила во многом ритуальный характер, знаменуя переход крестьянина из одного социального и экзистенциального состояния в другое. Возможность вволю погулять и покуражиться перед отправкой на фронт рассматривалась как своего рода психологическая компенсация грядущей

⁹ ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 405. Л. 5.

¹⁰ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138, ч. 1. Л. 1–1 об., 4.

¹¹ Там же. Д. 138, ч. 76. Л. 3–4.

утраты свободы и возможности распоряжаться своей жизнью. Доказательством правоты этой точки зрения являются факты массовых погромов винных лавок, складов, грабежи магазинов» [8, с. 231].

Анализируя поведение участников массовых беспорядков начального этапа войны, Д. Санборн отмечает: «Бунт представляет собой не единичное действие, а набор их. Когда баланс власти нарушается и силы традиционных органов управления ослабевают, открывается простор для всех видов деятельности, выходящих за рамки закона. Одни нападают на полицию, другие воруют хлеб, третьи напиваются, многие участвуют и в том, и в другом, и в третьем. Факторами, на фоне которых возникли беспорядки среди призывников 1914 г., были желание напиться, обеспечить себя и семьи продуктами и вещами, показать свое недовольство войной и сделать все возможное для того, чтобы затянуть или нарушить отправку на фронт. Военные власти предпочитали объяснять бунты только желанием бунтовщиков напиться, но с течением войны это объяснение становилось все менее подходящим» [9, с. 209]. В рамках этой версии С.Ю. Шишкина рассматривает выступления запасных «скорее формой стихийного, нежели организованного протеста, в основе которого лежали естественные человеческие чувства – верность существовавшим традициям и тревога за судьбы близких» [10, с. 55–56].

На мой взгляд, волнения мобилизованных стали возможными, благодаря комплексу причин и прежде всего просчетам и непрофессионализму властных структур. Характерен в этом плане пример Бийска и Бийского уезда, где властям удалось справиться со стихией, поэтому, в отличие от других уездов Томской губернии, здесь не было массовых беспорядков. Не случайно местный уездный исправник Поляков был награжден томским губернатором денежной премией в размере 100 руб. [4, с. 97]. В Омске, согласно донесению акмолинского губернатора, «из казенных винных лавок ни одной бутылки не было продано и никто из запасных не пытался туда проникнуть. В частных магазинах и ренсковых погребах спиртные напитки были опечатаны и сданы на хранение владельцам под их ответственность. Дни пребывания в Омске запасных, а их собралось вместе с ополченцами до 45 тысяч, протекали спокойно, при полном порядке. Горожане радовались, видя своих доблестных воинов и спешили оказать прибывшим и их семьям помощь, открывая чайные, столовые и проявляя таким образом должное внимание защитникам Родины»¹². Не было волнений в городах Восточной Сибири. Применительно к Иркутску И.И. Серебренников 2 августа 1914 г. записал в дневнике: «Мобилизация проходит спокойно, совершенно нет пьяных» [11, с. 21].

Призыв сопровождался повальным пьянством и протекающими отсюда разгромами винных лавок, магазинов, винных складов. Но данное явление связано вообще с негативным отношением населения к воинской повинности. «Слово “забрили” самое ненавистное слово, – вспоминает Г.М. Карнаухов. – Оно выражает горе и несчастье, как для самого призванного в солдаты, так для его семьи... Пьяная ватага с гармошками, пьяными песнями, беспричинными драками и руганью плелась по улице. “Забритых” призыв-

ников сопровождало почти все село – родные, знакомые, соседи и просто зеваки.

Последний ненешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья»¹³.

Нельзя забывать о стремлении предприимчивых слоев населения заработать в ситуации запрета продажи спиртных напитков. «От времени до времени в Омске, – свидетельствует акмолинский губернатор, – на толкучке и в притонах появлялись продавцы водки, спирта, коньяка, добываемых за пределами области или оставшихся от запасов, сделанных до мобилизации. Некоторые с слабой волей запасные набрасывались на эти напитки, не брезгуя даже и политуры, платили большие деньги, пили и хмелели»¹⁴.

Массовый же призыв сразу изменил повседневную жизнь десятков тысяч сельских обывателей и горожан, к тому же он происходил в самый разгар сенокосной страды. Г.М. Жихарева, оказавшаяся летом 1914 г. в изыскательской партии на Чуйском тракте, вспоминала: «Помню совершенно перевернутые деревни – иначе не могу назвать, – иступленные вопли и причитания баб, растерянные, часто пьяные, бессмысленные или злобные лица мужчин, дикое оранье песен, полное неведение о происходящем» [12, с. 77–78].

Помимо психоментальных факторов сыграли роль детонатора явные просчеты и недостатки в организации мобилизации, о которых выше уже сообщали акмолинский и тобольский губернаторы. Мобилизованные сутками ждали на сборных пунктах отправки дальше или погрузки в эшелоны, при этом не получая длительное время горячей пищи и пребывая на улице (как это было в Барнауле). Губернские власти вину за произошедшее возлагали на нижестоящие административные структуры. Тот же акмолинский губернатор в донесении в МВД от 4 октября 1914 г. поставил в упрек кокчетавскому уездному начальнику, «а равно находившимся в Кокчетаве крестьянским деятелям, что они не сумели собравшихся в городе запасных, среди которых были охмелевшие, успокоить твердым словом увещевания, а также не приняли меры к отобранию у них запасов водки»¹⁵.

В целом же к 1917 г. в армии оказалось в общей сложности не менее 1 млн сибиряков (на 10,1 млн жителей региона), было призвано 53,6 % трудоспособных мужчин на Алтае, 38,8 – Енисейской, 49,5 – Иркутской, 51,8 – Тобольской, 51,5 – Томской губерний, 60,6 – Акмолинской и 54,8 % – Забайкальской областей [13, с. 67–68]. На низовом уровне масштабность этого процесса можно уяснить на примере д. Шабановой Касыминской волости Кузнецкого уезда Томской губернии, где форму надели 183 крестьянина из 347 трудоспособных [14, с. 149].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987.

¹³ ГАНО. Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 146. Л. 16.

¹⁴ ГАРФ. ДПОО, 4-е делопроизв. 1914. Д. 138, ч. 1. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Д. 138, ч. 1. Л. 6 об.

2. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008.
3. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978.
4. Муравлев А.С. Неизвестный Алтай. Далекое-близкое. Барнаул, 2011.
5. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в годы Первой мировой войны // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 11. Вып. 3.
6. История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. I, II.
7. Алтай в эпоху капитализма. Барнаул, 1986.
8. Еремин И.А., Кижасева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // История Алтайского края XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул, 2005.

9. Санборн Дж. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999.
10. Шишкина С.Ю. Война и общественные настроения: 1914-й год (на материалах Тобольской губернии) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2000. Вып. 4.
11. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
12. Воспоминания о В. Шишкове. М., 1979.
13. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993, № 6.
14. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки по истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

Статья поступила
в редакцию 22.11.2012

УДК 94(47)“1919”

С.В. КОРНОВЕНКО

МЕРОПРИЯТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ВЛАСТЕЙ БЕЛЫХ ПО СБОРУ УРОЖАЯ В УКРАИНЕ (1919 г.)

д-р ист. наук, проф.,
Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого

Статья посвящена исследованию малоизвестного в исторической науке аспекта истории революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. На основе архивных материалов и опубликованных источников изучены мероприятия гражданских властей белых по организации и проведению сбора урожая в Украине в 1919 г.

Ключевые слова: аграрная политика, крестьянство, Украина, Вооруженные силы на Юге России, Особое совещание.

История революционных событий и Гражданской войны – актуальная тема, несмотря на солидную историографическую базу, представленную научными изысканиями не одного поколения историков. Как показывает историографический анализ, история Белого движения, социально-экономическая политика белых правительств привлекали и продолжают привлекать внимание не только общественности, но и историков-агров, обществоведов, социологов и т.д. [1]

Вместе с тем недостаточно изученным остается круг вопросов, касающихся организации и проведения уборочной кампании 1919 г. в Украине. В связи с этим автор ставит целью рассмотреть законодательство гражданских властей белых по этому вопросу, сопоставить с аналогичными законодательными актами советской власти и Директории Украинской народной республики, проанализировать мероприятия, направленные на организацию уборочной кампании, а также отношение к ним крестьян Украины. Объект исследования – социально-экономическая политика Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина (далее – ВСЮР) в Украине в 1919 г., предмет изучения – организация и проведение уборочной кампании.

Одним из важных социально-экономических вопросов, стоявших перед Особым совещанием в 1919 г., был аг-

рарный, в частности, обеспечение войск и тыла продовольствием. Значительная часть территории Украины пребывала летом 1919 г. под управлением Главнокомандующего ВСЮР. От успеха организации и проведения здесь уборочной кампании зависело решение таких жизненно важных задач, как расширение социальной базы денikinского режима, укрепление предлагаемой ими модели государственности, победа над большевиками.

Для нормативного урегулирования этого вопроса были приняты два важнейших документа. 22 июня 1919 г. Главнокомандующий ВСЮР утвердил одобренные Особым совещанием «Правила о сборе трав в 1919 г. в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР». На samozахваченных землях сбор урожая трав надлежало проводить тем, кто эти земли захватил; урожай распределялся поровну между юридическими собственниками и теми, кто их захватил и собрал урожай [2, с. 464–465]. Более значимым стал следующий нормативный акт. 26 июня 1919 г. А.И. Деникин подписал одобренные днем ранее Особым совещанием «Правила о сборе урожая 1919 г. на территориях, подчиненных Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России» (далее – «Правила...»). Документ состоял из 13 пунктов, которыми регулировался сбор урожая 1919 г. Они учитывали социально-экономическую и общественно-

политическую ситуацию на селе. В них, в частности, говорилось: 1) сбор урожая 1919 г. хлеба, льна, конопли, подсолнечника и других масличных растений возлагался на тех, кто засеял поля, несмотря на юридически обоснованные права пользования или владения землей: на крестьян, сельские общины, крестьянские общества и т.п. 2/3 собранного урожая 1919 г. принадлежали тем, кто засеял поля и собрал урожай, а 1/3 – землевладельцам, арендаторам и т.д. Урожай теми, кто засеял поля и его собрал, свозился на «место, где обычно происходила молотба»; 2) если урожай собирали не те, кто засеял поля, то они засевщикам платили за выполненные работы, возвращали семена или проводили с ними другие расчеты; 3) сбор урожая картофеля, свеклы, моркови и других корнеплодов и овощей, а также табака на огородах и полях (кроме тех, что расположены на землях имений, кроме свеклы и других семенных саженцев на полях) возлагался на тех, кто их засеял. Из собранного ими урожая 5/6 принадлежит им, 1/6 – землевладельцам, арендаторам и т.д. Урожай теми, кто засеял поля и его собрал, свозился в указанное последним место; 4) если крестьяне, сельские общины, крестьянские общества собрали урожай картофеля, свеклы, моркови и других корнеплодов и овощей, а также табака, посаженных на огородах и полях, и свезли в свои хозяйства, то они оплачивали владельцам, арендаторам или их доверенным лицам натурой или деньгами 1/3 часть. Если расчеты происходили деньгами, то по твердым, а за их отсутствием — справочным ценам; 5) в случае отсутствия тех, кто засеял поля, волостной старшина обязывался нанять из окрестных деревень крестьян для сбора урожая; 6) нанятые волостным старшиной рабочие за сбор урожая получали не более 1/2 от его размера. Остальное свозилось и сохранялось до появления владельцев, арендаторов земель, на которых был собран урожай, или их доверенных лиц. В случае, если последние не появлялись до 1 января 1920 г., принадлежащая им 1/2 часть урожая продавалась волостным старшиной. Полученные от продажи средства волостной старшина передавал голове мирового съезда, который отдавал их фактическому владельцу земли; 7) в том случае, когда отсутствовали засевщики, убирать урожай надлежало фактическим владельцам. Если и их не было, то вступала в силу ст. 5 «Правил...». Однако в таком случае те, кто собирал урожай, получали 2/3 его части, а фактические владельцы – 1/3; 8) весь урожай сахарной свеклы принадлежал сахарному заводу, на угодьях которого он был собран. В случае, если завод не работал, – другому сахарному заводу, указанному начальником уезда; 9) также весь урожай свеклы, засеянный крестьянами, сельскими общинами, крестьянскими обществами и т.д., должен быть ими собран и полностью передан сахарному заводу; 10) те, кто специализировался на выращивании семян сахарной свеклы, получали необходимую долю от урожая; 11) сахарный завод рассчитывался за полученный им урожай сахарной свеклы. Фактические владельцы получали 1/6 от стоимости урожая, а те, кто засеял поля и собрал урожай, – 5/6; 12) урожай злаков и корнеплодов с усадебных земель и садов, захваченный кем-либо самовольно или по распоряжению советской власти, поступал в полное распоряжение владельца или арендатора, которые при этом обязаны были компенсировать захватчикам понесенные расходы;

13) урожай фруктовых и ягодных садов принадлежал полностью собственникам или арендаторам [2, с. 475–476].

Действие указанных выше законодательных актов распространялось на украинские губернии и уезды (соответственно) Юга России, находившиеся под властью Белого движения: Таврическую, Екатеринославскую, Полтавскую, Харьковскую, Черкасский, Чигиринский, Уманский, Звенигородский, Каневский, Таращанский, Васильковский Киевской губернии¹.

Приведенные выше положения «Правил...» о сборе урожая 1919 г. на территориях, подконтрольных Главнокомандующему ВСЮР, были политически корректными, социально компромиссными, экономически выгодны для всех субъектов хозяйственной деятельности, которые работали в аграрном секторе экономики Украины в 1919 г. На наш взгляд, упомянутые выше положения о праве на урожай 1919 г. имели целью восстановить товарно-денежные отношения между государством и крестьянством, способствовать, с одной стороны, обеспечению крестьянских хозяйств необходимыми промтоварами, а с другой – наладить нормальное продовольственное снабжение городов, армии. Фактически этим документом правительство А.И. Деникина признавало факт крестьянских самозахватов, не применяя против этого карательных мер. Напротив, Особое совещание отошло от стратегии защиты помещиков (чего не удалось сделать во время наработок принципов аграрной реформы), отдав прерогативу защите крестьянских интересов. Интересы крупных земельных собственников были представлены в значительно меньшей степени, чем интересы крестьянства. Кроме того, провозглашенный в Декларации генерала Деникина по земельному вопросу от 23 марта 1919 г. принцип сохранения института частной собственности полностью реализовывался на практике.

В советской украинской и современной российской историографии «Правила...» неоднократно критиковались исследователями, например, М.И. Супруненко, В.П. Федюком. Они писали о том, что тем самым «вновь были восстановлены царские порядки, и крестьянин снова должен был работать на помещика, отдавая ему неизвестно за что треть урожая» [3, с. 130], размер ставки – слишком большой [4, с. 46]. По нашему мнению, эти тезисы являются дискуссионными, поскольку, во-первых, треть урожая крестьянами выплачивалась за то, что они самовольно, без согласия собственника, пользовались чужими сельскохозяйственными угодьями, во-вторых, ставки уплаты по сравнению с теми, которые были предусмотрены законодательством, например, Директории УНР и советской власти, были меньше.

Так, по закону Директории УНР об урожае 1919 г., все хозяйства, которые имели в своем пользовании землю, должны были сдать заготовительным органам по твердым ценам, определенным Министерством народного хозяйства, зерновые продукты в следующем количестве: «...хозяйства, имеющие 2 дес. земли, освобождаются от повинности, имеющие 2–3 дес. – 3 пуд., 3–4 дес. – 5 пуд., 4–5 дес. – 8 пуд., 5–6 дес. – 12 пуд., 6–7 дес. – 17 пуд., 7–8 дес. – 23 пуд., 8–9 дес. – 30 пуд., 9–10 дес. – 38 пуд., 10–11 дес. – 47 пуд., 11–12 дес. –

¹ Киевлянин. 1919. № 53.

57 пуд., 12–13 дес. – 68 пуд., 13–14 дес. – 80 пуд., 14–15 дес. – 93 пуд. Хозяйства, которые имели земли более 15 дес., обязывались отдать государству 1/2 урожая»².

При большевиках ситуация сильно отличалась от нормативных предписаний советского законодательства. Так, по утверждениям крестьян, советская власть оставляла «часть урожая беднякам, а все остальное свозилось в коммуны, на ток, откуда вывозилось бесконтрольно и без отчета перед крестьянством»³. Разведывательная сводка белых за 19 октября 1919 г. констатировала: «Среди крестьян прифронтовой полосы наибольшее озлобление вызвало изъятие у них всего урожая... для крестьян оставили из расчета 1 фунт на душу до нового урожая»⁴. Исполком Звенигородского уезда Киевской губернии во время жатвы в августе 1919 г. обязал крестьян 2/3 урожая отдавать государству, свозя его в места, определенные государством⁵. Решением Балаклавского военно-революционного районного комитета весь урожай садов, виноградников и земель, находящихся у частных лиц и организаций, переходил в собственность государственных органов, служащие которых получали процент, определенный комиссией⁶. Именно в случае с большевиками вполне резонным, по нашему мнению, является вопрос: за что платить, если власть провозглашала, что земля – всенародное достояние.

Вместе с тем указанные выше доли урожая, которые оставались крестьянам и владельцам земель и арендаторам, правительство А. Деникина увеличило в пользу крестьян. 21 сентября 1919 г. были утверждены «Временные правила о сдаче в аренду полевых угодий в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего ВСЮР». Согласно им, экс-владельцы земель получали лишь 1/5 от урожая зерновых и 1/10 от урожая корнеплодов⁷.

Изученные нами исторические источники, в частности секретные сведения ОСВАГа, не фиксируют резко отрицательного отношения крестьян Украины к «Правилам...» 1919 г. Нет в них сведений и о вооруженном сопротивлении крестьян их реализации. Так, Г. Бурлаков – заместитель начальника Управления земледелия и землеустройства, ссылаясь на сведения, доходившие из отделов этого учреждения на местах, констатировал, что отношение крестьянства Украины к аграрной политике Особого совещания «доброжелательное, к нам в управление не поступало сообщений о случаях недовольства или недоразумения на этом почве»⁸.

Однако под влиянием большевистской агитации в отдельных регионах Украины, подконтрольных генералу А.И. Деникину, имели место недоразумения крестьянства с властями. Так, крестьяне Евпаторийского уезда отказа-

лись выполнять «Правила...», несмотря на то, что помещики уменьшили размер доли, которая им принадлежала. Была проведена соответствующая разъяснительная работа, а также арестованы большевики-подпольщики, проводившие антиденикинскую агитацию. После этого крестьяне сел Каградже и Ак-Личети выполнили соответствующие расчеты, согласно «Правил...». В информационной сводке по поводу этого инцидента говорилось, что причиной отказа крестьян рассчитываться за собранный ими урожай было то, что «местное крестьянство, отрицая право частной собственности, стремилось бесплатно пользоваться землями помещиков»⁹. В целом, анализируя ход сбора урожая 1919 г. в Крыму, автор указанного выше документа сообщал: «...не было необходимости принимать особые меры для обеспечения сбора урожая хлебов»¹⁰.

На Полтавщине урожай собирали активно при благоприятных погодно-климатических условиях. Темп уборочных работ можно было бы увеличить, если бы не дефицит рабочих рук и сельскохозяйственного инвентаря. Наемным работникам во время жатвы здесь платили от 100 до 150 руб. в день¹¹. Сведения Зафронтового бюро ЦК КПБ(У) по Полтавщине фиксировали следующее: «...помещики вернулись... ведут себя сдержанно и силы не применяют» [5, с. 535]. В Кременчугском и Лохвицком уездах Полтавской губернии «крупные землевладельцы восстанавливают разрушенные хозяйства. Урожай реализуется беспрепятственно» [6, с. 152].

На Харьковщине жатва также проходила без особых осложнений. Зарплата во время уборки урожая составляла 100 руб. в день для женщин и 150 – для мужчин. Имели место расчеты и натурой. Отношения между крестьянами, хуторянами, крупными землевладельцами и управляющими имениями современниками классифицировались как «миролюбивые»; отношения между крестьянскими общинами и управляющими – как «выжидательные» и в отдельных случаях – как «неприязни»; отношение всех крестьян Украины к правилам – доброжелательное, но крестьяне больше склонны рассчитываться с собственниками земель деньгами¹². Такой расчет был выгоден, прежде всего, крестьянам, поскольку проводился по фиксированным ценам. Учитывая, что крестьяне владели значительной частью бумажных денег, трудностей в платежах они не испытывали. Быстрое падение стоимости денег на территориях Юга России, находившихся под властью Белого движения, вело к тому, что наименее заинтересованными в такой форме расчетов оказывались крупные землевладельцы, потому что в условиях инфляции они получали обесцененные деньги. Однако власти не применяли репрессивных или иных мер, какими бы запрещалась такая форма расчетов за урожай 1919 г., придерживаясь прокрестьянской позиции по этому вопросу.

Разнообразные по происхождению исторические источники, привлеченные нами к исследованию, позволяют констатировать, что гражданская администрация белых как

² Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 36. Л. 139.

³ Сельские земельные комитеты (Из бесед с селянами) // Новый пахарь. 1919. 16 окт.

⁴ РГВА. Ф. Р-39540с. Оп. 1. Д. 52. Л. 39.

⁵ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 55. Л. 10.

⁶ Государственный архив города Севастополя. Ф. Р-244. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.

⁷ ГАРФ. Ф.Р-439. Оп. 1. Д. 110. Л. 110–111.

⁸ Землеустройство (Беседа с помощником начальника Управления Земледелия и Землеустройства Г. Бурлаковым) // Объединение. 1919. № 4.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-355. Оп. 2. Д. 4. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Л. 6 об.

¹¹ Уборка хлебов // Полтавский день. 1919. 1 авг.

¹² Анкета о состоянии сельского хозяйства в Харьковской губернии // Родина. 1919. № 60.

в центре, так и на местах не стояла в стороне от решения важных текущих социально-экономических вопросов. Прежде всего, речь идет о жатве. Как мы уже указывали, одной из проблем, отчасти отрицательно сказавшейся на сборе урожая 1919 г., был дефицит рабочих рук, тягловой силы и т.п. Для ее разрешения Особое совещание, А.И. Деникин прибегали к энергичным мерам. Приказом А. Деникина от 9 июля 1919 г. войска, координируя свои действия с гражданскими властями, обязывались: «3. На помощь земледельческому населению во время жатвы и посевной отпускать хозяевам, требующих рабочего скота, лошадей из военных обозов, а также привлеченных к отбыванию гужевой повинности, хотя бы на один или два дня для полевых работ, а также в свободное от нарядов время».

Кроме того, приказ предусматривал освобождение от мобилизации крестьян, в семьях которых, кроме мужа, подлежащего мобилизации, не было других работников. В случае, если такой крестьянин уже был мобилизован, то его демобилизовывали или он получал необходимый отпуск для того, чтобы убрать урожай¹³. Так, переписка между начальниками уездов о выполнении правил сбора урожая показывает, что на местах администрация выполняла приказ Главнокомандующего ВСЮР о предоставлении крестьянам помощи во время жатвы. В частности, в Симферопольском, Феодосийском, Джанкойском уездах к уборке активно подключались военные, помогая крестьянам. По соглашению между симферопольским комендантом и таврическим губернатором отпуск получили немцы-колонисты для проведения и оказания помощи во время жатвы¹⁴.

Во время кампании по сбору урожая 1919 г. имели место трудности. Наибольшие сложности, учитывая особенности революции и Гражданской войны как социокультурного и исторического явления, были связаны с обеспечением спокойствия в тылу. Обычно разные политические режимы, сменявшие друг друга на протяжении революции на территории Украины, контролировали ситуацию в городах, ближайших к ним селах и на железнодорожных узлах. Остальная территория либо находилась в сфере влияния атаманов, либо оставалась «безвластной». Например, в правобережных уездах Киевской губернии насчитывалось 22 атамана¹⁵. Это были локальные очаги массового крестьянского движения сопротивления, которое началось еще во время гетманата П. Скоропадского. Такое положение дел деструктивно влияло на деятельность органов гражданской власти того или иного политического режима, выполнение ими распоряжений центральных властей. Белые не были исключением в этой ситуации. Вместе с тем мы солидарны с тезисом В. Федюка о том, что было бы не совсем корректно крестьянское повстанческое движение связывать только с аграрной политикой того или иного политического режима. Кроме всего прочего, оно являлось следствием войны между городом и селом [7, с. 376]. Добавим, что оно стало проявлением социальной

и общественно-политической активности крестьянства в годы революции и Гражданской войны.

Недовольство крестьян вызывали, хотя и эпизодические, злоупотребления со стороны помещиков, которые возвращались. Как правило, это случалось в тех местностях, где гражданская администрация белых вела себя инертно. Сообщения советских подпольщиков содержали информацию, согласно которой «в Бахмутском и Мариупольском уездах помещики, кроме законной трети урожая, изымают 380 руб. с десятины. В Изюмском уезде берут половину урожая...» [8, с. 325–326]. В Волчанском уезде на Харьковщине помещики вдруг начали требовать у крестьян треть урожая. При этом рассчитали эту долю не только с урожая 1919 г., а также с урожаев предыдущих лет. «Вмешательство властей для искоренения этого зла не было» [9, с. 163–164], – сообщали агенты ОСВАГа.

Таким образом, сбор урожая 1919 г. на территории Украины, находившейся под властью Белого движения Юга России, юридически регламентировался «Правилами...». Их содержание носило прокрестьянский характер и не вызывало вооруженного сопротивления со стороны крестьян. Во время жатвы Особое совещание, гражданская администрация белых на местах принимали меры по оказанию помощи крестьянам. Отмечая в целом положительные итоги сбора урожая 1919 г., констатируем, что препятствиями в этом процессе были эпизодические злоупотребления помещиков и локальные очаги крестьянского повстанческого движения сопротивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корновенко С. Аграрна політика білогвардійських урядів А. Денікіна, П. Врангеля на підконтрольних їм українських територіях (1919–1920 рр.): історіографічний процес 1919–2000-х рр. Черкаси, 2008.
2. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года: сб. документов. М., 2008.
3. Супруненко М. З історії боротьби більшовиків України проти Денікінщини: дис. ... канд. іст. наук. Уфа, 1942.
4. Федюк В. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990.
5. Гражданская война на Украине. 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов: в 3 т., 4 кн. Киев, 1967. Т. 2.
6. Трудящиеся Полтавщины в борьбе за установление и укрепление советской власти (1917–1920 гг.): сб. документов и материалов. Полтава, 1957.
7. Федюк В. Белое движение на Юге России: дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 1995.
8. Гражданская война на Украине. 1918–1920 гг.: сб. документов и материалов: в 3 т., 4 кн. Киев, 1967. Т. 2.
9. Харьковщина в период Гражданской войны и иностранной военной интервенции. 1918–1920 гг. Харьков, 1973.

Статья поступила
в редакцию 12.11.2012

¹³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 4175. Оп. 1. Д. 2. Л. 24 об., 37.

¹⁴ Государственный архив Автономной Республики Крым. Ф. Р-2235. Л. 45–46, 53.

¹⁵ ГАРФ. Ф.Р-446. Оп. 2. Д. 45. Л. 232.

УДК 94(47).084.3/084.6

О.Н. КАТИОНОВ

**КНИГА С.В. ОБРУЧЕВА «В НЕИЗВЕДАННЫЕ КРАЯ»
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ТРАНСПОРТА
НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В 20–30-е гг. XX в.***

д-р ист. наук,
Новосибирский гос. пед. ун-т,
e-mail: iigso@mail.ru

В статье рассматривается значение упомянутой книги С.В. Обручева как источника для изучения традиционных и новейших средств передвижения на северо-востоке Сибири в годы социалистической модернизации. Прослеживаются особенности использования транспортных средств коренными жителями и изыскателями-учеными.

Ключевые слова: экспедиции, средства и способы передвижения.

Транспорт, особенно на северо-востоке Сибири, всегда играл важнейшую роль при обеспечении жизнедеятельности коренного и пришлого населения, а также в работе научно-исследовательских экспедиций [1, с. 140–145; 2, с. 178–195].

Сергей Владимирович Обручев, сын известного географа и писателя-фантаста В.А. Обручева, совершил в 1920–1930-е гг. три экспедиции с геологоразведочными целями на северо-восток Сибири. Непосредственный участник и руководитель научных экспедиций оставил замечательный источник о своих путешествиях – книгу с названием «В неизведанные края». Он уделил в ней особое внимание описанию не только традиционных (на лошадях, собаках и оленях, лодках по рекам), но и современных (на моторных плавсредствах и кораблях по морю и аэросанях по суше) способов передвижения по территории Якутии и Чукотки. Время его путешествий – период социальных преобразований, происходивших в стране в эпоху социалистической модернизации. Поэтому путешественник-ученый описывает и древние формы организации транспорта в Сибири, и появление новых.

Итак, традиционные формы передвижения:

- с использованием животных (езда на лошадях и быках с учетом особенностей тех или иных районов Якутии, езда на оленях у якутов, эвенов, юкагиров и чукчей);

- передвижение по рекам на лодках;

- передвижение по морю на шлюпке и чукотских байдарках;

новые формы:

- передвижение на аэросанях и моторных лодках;
- движение по морю на пароходе в условиях льдов;
- авиаэкспедиции.

С.В. Обручев обратил внимание на использование социального опыта новопришельцев – русских при сохранявшихся традиционных способах организации езды. Например, местные жители в один голос советовали лошадей не ковать: кованая лошадь легче проваливается в болотах, барахтаясь, ранив подковами ноги, что выводит ее из строя. Между тем нужно было сохранить лошадей на четыре месяца и перейти при этом несколько хребтов, из которых Верхоянский очень высокий, с большими галечниками по речкам и с обширными каменными «морями» на перевалах. Опыт предыдущих северных экспедиций по северной тундре был бесполезен. И.Д. Черский, по словам ученого, пользовался наемными лошадьми и за два месяца сменил их три раза. С.В. Обручев приказал ковать всех лошадей. Как оказалось потом, подковы сохранили караван [3, с. 13–14].

Начальник экспедиции проанализировал различные способы навьючивания лошадей. «Вместо потника якуты делают толстый матрац из сена, сверху прикрывают его мешковиной, к которой пристеган шпагатом слой сена». Обручев предоставил русским и якутским рабочим в караване право выючить коней своей связки удобным для них способом. К концу лета якуты признали преимущество русской обвязки выюков, а русские убедились, что, например, для тяжелых ящиков очень хорош толстый якутский потник из сена [3, с. 14–16].

Различным был подход к выбору лошадей для связки. Якуты выбирали себе самых диких, зная, что они сильнее и лучше вынесут тяжелую дорогу. Русские рабочие были менее опытны в дальних переездах по горно-таежным местам и брали тех коней, которых легче было выючить. Необычным был и способ отправления каравана. Каждая связка отправлялась отдельно, так как лошади были дикие, вырывались и убегали [3, с. 17].

Интересны заметки автора об особенностях упряжки и езды на лошадях на Амгинском тракте: «Здесь запрягают

*Статья подготовлена при поддержке «Программы стратегического развития НГПУ 2012–2016 гг.».

коня в те же олени нарт, приделав к ним оглобли... Особенно легки и изящны легковые санки: они очень коротки, сзади сплетена спинка, а человек сидит спереди, верхом, погрузив ноги в снег, поистине “бразды пушистые взрывая”» [3, с. 95].

Экспедиции 1926–1927 гг. удалось проникнуть в сердце горной страны, где не бывал ни один исследователь, открыть громадный хребет, нанести на карту большие реки. Но на северо-восток простирались еще огромные неизученные пространства. Надо было исследовать среднее течение Индигирки и почти весь бассейн Колымы (второй поход. – О.К.), а дальше манила таинственная Чукотка (третья экспедиция. – О.К.).

В 1929 г. из Иркутска большая часть экспедиции выехала с грузом на санях по Лене, а руководителю удалось воспользоваться открытой в 1928 г. первой авиалинией, связавшей Якутск с Иркутском. Рейсы совершал «Юнкерс W33с»¹. Авиалинии внутри Якутии еще только осваивались, местная авиация под названием «Исполкомовской» была создана в Якутии в 1934 г. и начала совершать регулярные рейсы после постройки местных аэродромов только с 1936 г. в близлежащие от Якутска районы в радиусе до 150–200 км².

Серьезное значение С.В. Обручев придавал возможности прокорма в пути животных, так как неурожай трав ставил отряд в очень трудное положение. Путешествие на Колыму от Якутска до Алдана было организовано из-за бескормицы на быках и частично на лошадях. А быки передвигались со скоростью не более 3 км в час. За день иногда проходили только 15 км [3, с. 101–102].

В разных районах пребывания экспедиции автор отмечает различия в езде на лошадях. Колымская упряжка лошади представляла тогда очень забавное зрелище: здесь еще не применяли оглоблей, и в оглоблях ходили только быки. Лошади возили сани за веревку, привязанную к обычному седлу. В сани клали только десять пудов (160 кг), а сам ямщик садился верхом на лошадь. Когда нужно спускаться с горы, ямщик, чтобы сани не наезжали на лошадь, слезал и придерживал сани за задок. Колымчане утверждали, что лошадям так гораздо легче [3, с. 142]. На Индигирке тогда еще не знали колесных экипажей, да они и непригодны были на болотах; здесь возили на санях сено, дрова, воду. Запрягали только быков, считая, что они сильнее. Некоторые якуты и выходцы из Лено-Алданского района иногда запрягали лошадей, но эта необыкновенная в здешних местах запряжка повергла местных якутов в изумление [3, с. 138].

Сложным было передвижение на оленях в районах, где имелаась слабая кормовая база: «Наши олени начинают утомляться, часто ложатся, хромают, худеют – у них уже видны ребра» [3, с. 93]. Автор отметил различие в скорости передвижения на оленях рабочих экспедиций и начальства: «Белые олени в семь дней промчали 600 километров от Оймякона до Крест-Хальджая, отдохнули и вот возвра-

щаются в Оймякон – везут нового председателя исполкома» [3, с. 93]. Экспедиция часто шла на уставших и слабых оленях, а начальство или состоятельные якуты и эвены ездили на лучших.

Оправляясь на Колыму, Обручев искал проводника или знатока местности, после консультаций с которым принимал решение о выборе средств передвижения (лошади, быки или олени).

На Индигирке и Колыме ученый познакомился с предельной силой оленей. Движение вверх по Колыме экспедиция продвигалась сравнительно медленно, от 20 до 30 км в день. Каждые три дня устраивали дневку, чтобы дать отдохнуть оленям, которые должны были добывать себе мох из-под довольно глубокого снега. Для облегчения движения олененного каравана прокладывали лыжню. Исследователь отметил, что зимой без лыж человек здесь совершенно беспомощен [3, с. 145, 149]. Обручев сравнил нарт и движение упряжки у эвенов и якутов с корякскими. «Приморские коряцкие легковые нарт резко отличаются от тех эвенских и якутских... Это очень легкое сооружение; копылья сделаны из приморской кривой березы и представляют ряд дуг, упирающихся в полозья, – нечто вроде шпангоутов лодки. На нарту может сесть только один человек; она узкая и легкая, очень удобна для быстрой езды, но непригодна для перевозки грузов. Олени здесь меньше эвенских, сухопарые и почти черные» [3, с. 158]. Чукотская кочевая (грузовая) упряжка резко отличалась от якутской или эвенской. Чукчи запрягали только одного оленя, и лямка надевалась всегда с правой стороны. Каждый олень привязывался к левой стороне идущих впереди саней, и поэтому вся связка из десятка нарт двигалась не гуськом, а диагональным ступенчатым рядом, и каждый олень шел по новому, не протоптанному другим путем. Поэтому за чукотским караваном оставалась широчайшая, раскатанная полозьями и истоптанная дорога. Такой способ хорош был для езды по широкому равнинам и твердому насту. Но если чукчи попадали в глубокие снега горных долин и в леса, то их олени выбивались из сил через два-три дня. Каждый олень должен был тащить по нетронутому снегу нарт с в два-три раза меньшим, чем в Якутии, грузом, но чрезмерным для такой дороги. В Якутии обычно впереди шли пустые нарт с четырьмя оленями, затем полузагруженные парные нарт, а за ними уже караван с нормальным грузом, килограммов по полтора на каждой нарте [3, с. 254–255]. Обручеву удалось убедить чукчей проходить с караваном до 20 км в день, хотя обычная чукотская кочевка делала всего 7–10 км [3, с. 271].

Не менее интересны заметки С.В. Обручева, касающиеся передвижения водным путем. По Индигирке путешественник плыл на маленькой лодке-ветке, а спутники, в том числе топограф К.А. Салищев, в большой, к которой приходилось привязывать по бокам ее два бревна, чтобы она могла поднять двоих. Для багажа брали на буксир брезентовую складную лодку. В нее погружали палатку, постели, продовольствие, астрономические инструменты. Гребли легкими двухлопастными веслами, вытесанными из тонкого ствола лиственницы [3, с. 139].

Для сплава по Колыме была необходима лодка, которая подняла бы больше 3,5 т груза, привезенного караваном. Михаил Перетолчин, главный судостроитель, выбрал ленский

¹ Негенбя И. Развитие авиации в Якутии [Электронный ресурс] – URL: <http://www.yakutskhistory.net/развитие-авиации-в-якутии>.

² Негенбя И. Исполкомовская авиация в Якутии [Электронный ресурс] – URL: <http://www.yakutskhistory.net/развитие-авиации-в-якутии/исполкомовская-авиация-в-якутии>.

тип лодки, длина которой равнялась 10 м, а ширина – 3 м. Больше половины досок пришлось вытесывать первобытным путем: дерево раскалывали вдоль клиньями и затем каждую половину обтесывали. С.В. Обручев детально описал процесс изготовления лодки. После постройки такое судно дошло до Средне-Колымска за восемь дней. Ниже Средне-Колымска из-за смены обстановки, – на реке было тихое течение и встречные ветры, – пришлось купить местный карбас. Карбасами на Колыме называли небольшие лодки, которые делали в Верхне-Колымском районе юкагиры. К долбленому днищу прибавили в два ряда доски, и получилась довольно вместительная лодка с крутыми бортами, устойчивая на волне [3, с. 124–125, 128, 132, 133].

Вдоль морского побережья на Чукотке путешественники двигались на чукотской байдаре, которая поднимала до тонны груза. Это была лодка с плоским дном и крутыми бортами, сделанная из деревянных или костяных упрягов, обтянутых моржовой кожей [3, с. 180]. В Чаунской губе экспедиция пользовалась шлюпкой с тремя парами весел, предназначенной для сообщения судов с берегом. Шлюпка была гораздо легче вельбота, и в дурную погоду не так трудно вытаскивалась на берег. Тем более она поддерживалась еще и герметически запаянными медными баками, расположенными вдоль бортов под банками (скамейками) [3, с. 187].

При завершении второй и третьей экспедиций С.В. Обручев пользовался пароходами. Несмотря на то, что рейсы через Ледовитый океан на Владивосток начались уже с 1911 г., даже в 1930 г. плавание этим путем не было вполне обеспеченным, и на обратном пути суда иногда зимовали. В колымские рейсы ходили тогда только два парохода – «Колыма» и «Ставрополь», не приспособленные для работы среди льдов [3, с. 175]. В своей третьей экспедиции на Чукотку в 1934 г. С.В. Обручев воспользовался услугами парохода «Смоленск», который пришел из Владивостока в Певек, поселение на берегу Чаунской губы.

Помимо сухопутных экспедиций и передвижений по рекам и морям, в 1932–1933 гг. С.В. Обручев совершал авиаэкспедиции на северо-восток Сибири. Исследовав Чаунскую впадину с воздуха, он в 1934 г. изучил ее с моря и суши [3, с. 203].

В Певеке техники экспедиции обратили внимание на аэросани, которые в то время были самым новым механическим экипажем. Экспедиция Обручева получила от Арктического института одну из первых моделей известного конструктора самолетов А.Н. Туполева. Однако эти сани брали очень мало груза. Впереди сидел водитель, за ним в более высокой части корпуса могли поместиться только два чело-

века и немного груза. Вторые сани, более поздняя модель А.Н. Туполева, были с закрытой кабиной. Рядом с водителем мог сидеть еще один человек, а в большой задней кабине помещалось большое количество груза или несколько человек. На обоих саних стояли советские моторы, стосильные М-11 с воздушным охлаждением. Опыт экспедиции должен был доказать применимость советских аэросаней для разносторонней исследовательской работы в условиях Чукотки, в горах, на равнинах и на льду [3, с. 225].

Подводя итоги Чукотской экспедиции, С.В. Обручев записал: «В течение целого года мы изучали Чаунский район – на аэросанях и оленях, на моторной шлюпке и речных лодках и в особенности пешком... До нас никто не применял аэросани в таких тяжелых условиях приполярной горной страны. Мы ездили на аэросанях и в 50-градусные морозы февраля, и при оттепелях мая, и в полярную ночь, и при незаходящем солнце. Мы проходили на них и по твердому снегу прибрежных равнин, и по застругам высоких горных перевалов, и по глубоким снегам предгорий, и по голому морскому льду, и по горным наледям, покрытым водой. Мы доказали, что аэросани вполне применимы не только на равнине, но и в горах для самых разнообразных целей» [3, с. 350].

Интенсивная работа экспедиций Обручева принесла ценные результаты. Был изучен район, до того совершенно неизвестный. Исследователи составили карту горного региона с физико-географическим описанием, изучили геологическое строение и составили геологическую карту. Только при сочетании традиционных и новейших транспортных средств удалось достичь таких внушительных результатов. Книга С.В. Обручева «В неизведанные края» вносит дополнительный вклад в имеющуюся литературу по истории транспорта в Сибири (см.: [4; 5]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Морев В.А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. История. 2011. № 3. С. 140–145.
2. Шахеров В.П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск, 2011.
3. Обручев С.В. В неизведанные края. М., 1997.
4. Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2008.
5. Редин Д.А. Транспортные коммуникации Сибири в конце XVI–XVIII в. // Вопросы истории Сибири в новое время: сб. науч. тр.. Новосибирск, 2012. Вып. 2. С. 9–28.

Статья поступила
в редакцию 04.12.2012

УДК 94(47).084.6

В.А. ИЛЬИНЫХ

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЖИВОТНОВОДСТВОМ СИБИРИ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье осуществляется реконструкция становления и развития советской системы управления животноводством и ветеринарным делом в Сибири в конце 1920-х – 1930-е гг. Рассматриваемый материал наглядно показывает, что в исследуемый период данная система отличалась нестабильностью, перманентным реформированием, многоступенчатостью и наличием нескольких параллельно функционирующих управленческих структур.

Ключевые слова: государственное управление, аграрная политика, сельское хозяйство, животноводство, коллективизация, Сибирь.

К концу 1920-х гг. в СССР сложилась следующая система управления сельским хозяйством. Органом, ответственным за планирование и управление сельскохозяйственным производством на территории РСФСР, являлся Народный комиссариат земледелия (НКЗ), его структурными подразделениями были отдел животноводства и управление ветеринарии.

В Сибирском крае вопросами планирования и управления сельским хозяйством, включая ветеринарию, руководило краевое земельное управление (СКЗУ), которое состояло из отраслевых отделов. Его базовым структурным подразделением являлся отдел сельского хозяйства, заведующий которого имел статус краевого агронома. В состав сельхозотдела входили подотделы земледелия и животноводства. В подотделе животноводства помимо его заведующего работали старшие специалисты по отдельным отраслям скотоводства (крупному рогатому скоту, молочному животноводству, коневодству). В штаты ветеринарного отдела СКЗУ кроме заведующего (главного ветеринара Сибири), его заместителя и технического персонала входили старшие ветврачи, в том числе ветврачи по борьбе с эпизоотиями¹. Аналогичную структуру имели окружные земельные управления (окрзу).

Низовую сеть органов управления сельским хозяйством составляли базирующиеся в районных центрах агрономические и ветеринарные (ветврачебные и ветфельдшерские) участки. Задачей агроучастков являлось непосредственное агрономическое² обслуживание деревни, включавшее комплекс мероприятий по налаживанию производства, повышению культуры земледелия и животноводства, внедрению научных достижений и передового опыта.

Базовым принципом участковой организации являлся комплексный подход к крестьянскому хозяйству (см.: [1, с. 126–128]). Основная задача агрообслуживания в связи с этим заключалась в развитии не отдельных отраслей, а хозяйства в целом. Отсюда возглавлявший агроучасток агроном рассматривался не столько как специалист в области растениеводства, сколько как экономист и организатор сельхозпроизводства. В «нормальный» штат участка в качестве помощников агронома входили два специалиста (инструкторы): по животноводству (зоотехник) и общему полеводству. Инструкторский состав участка мог быть увеличен за счет специалистов по наиболее перспективным для данного района специальным отраслям сельского хозяйства (например, по свиноводству). Агрономический участок не был подведомствен райисполкому и находился в прямом подчинении окружного агронома.

Участковому агроному вменялось в обязанности создание в районе сельскохозяйственного совета, к работе которого помимо членов так называемой низовой земельной ячейки (самого агронома, землеустроителя, ветеринарного врача / фельдшера, лесничего) следовало привлечь представителей райисполкома, районных организаций ВКП(б) и ВЛКСМ, ККОВ, профсоюза сельскохозяйственных и лесных рабочих, кооперативных организаций, сельсоветов, совхозов, колхозов и других производственных кооперативов, опытных полей и станций, земельных обществ. Постоянно действующим органом сельхозсовета являлось сельхозбюро. В его состав входили участковый агроном, землеустроитель, ветврач/фельдшер, лесничий, представители райисполкома, райкома ВКП(б) и ВЛКСМ, ККОВ, кредитной кооперации.

Собственную зоотехническую и ветеринарную службу имели крупные государственные сельхозпредприятия – совхозы и их объединения³. Зоотехническим обслуживанием населения также занималась сельскохозяйственная коопера-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00100.

¹ ГАНО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1697. Л. 150–152 об.

² Понятие «агрономическое» в данном контексте базируется на широком значении термина «агрономия», понимаемого как совокупность знаний обо всех отраслях сельского хозяйства, а не только о полеводстве.

³ Реконструкция организации управления животноводством в рамках совхозной системы в задачи данной работы не входит.

ция. К концу 1920-х гг. сельхозкооперацию на всероссийском уровне объединяли специализированные центры, в том числе Всероссийский союз молочной кооперации – Маслоцентр, Всероссийский центральный союз сельскохозяйственной кооперации по производству, переработке и сбыту продуктов животноводства – Животноводсоюз [2, с. 107–108]. Колхозное движение в РСФСР возглавлял Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов – Колхозцентр.

В Сибири функционировали два коопсоюза сельхозкооперации: специализированный Сибирский краевой союз молочной кооперации (Сибмаслосоюз) и универсальный Сибирский краевой союз сельскохозяйственных кооперативных союзов (Сибсельскосоюз). Сибмаслосоюз был членом Маслоцентра, а Сибсельскосоюз являлся членом нескольких коопцентров, в том числе Животноводсоюза РСФСР. Среднее звено общесибирских союзов сельхозкооперации было представлено окружными союзами. В них входили кредитные, универсальные и специализированные (в том числе животноводческие) кооперативы [3, с. 90]. Зоотехническое обслуживание кооперированного населения осуществлялось институтами-специалистами.

Сложившаяся к концу 1920-х гг. система управления сельским хозяйством соответствовала реализуемой в годы нэпа аграрной политике большевистской партии, которая была направлена на первоочередное развитие индивидуального крестьянского хозяйства.

В конце 1920-х гг. направленность аграрной политики правящей партии резко меняется. Состоявшийся в конце 1927 г. XV съезд ВКП(б) поставил задачу *«объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы»* [4, с. 299]. Новый курс потребовал перестройки органов управления сельским хозяйством. Первоочередным объектом реформирования стала низовая сеть. Дезавуируется общественный характер агрообслуживания. В марте 1928 г. упраздняются районные сельхозсоветы. Участковая сеть лишается самостоятельности от местных властей и передается в непосредственное подчинение создаваемым при райисполкомах районным земельным отделам (райзо)⁴. 7 декабря 1929 г. был организован Народный комиссариат земледелия СССР с сохранением ранее существовавших наркомземов союзных республик. Целью нового наркомата было провозглашено *«внесение единства в планирование и руководство сельскохозяйственным производством в масштабах СССР»* [5, с. 140–141].

В соответствии с определенной XV съездом ВКП(б) задачей углубления специализации сельскохозяйственной кооперации [4, с. 285] происходит реорганизация кооперативной системы. В июле 1928 г. Сибсельскосоюз преобразован в Союз союзов сельскохозяйственной кооперации Сибирского края, выполняющий функции «организационно-планирующего центра» всей сибирской сельхозкооперации, включая маслодельную. На базе Сибсельскосоюза создавались специализированные крайсоюзы, в том числе Сибживотноводсоюз и Сибколхозсоюз, на который возлагалось непосредственное руководство колхозным строительством⁵.

Летом и осенью 1928 г. началась реорганизация окружных союзов сельскохозяйственной кооперации, из которых выделялись специализированные союзы, в том числе окрживотноводсоюзы и окрколхозсоюзы. Одновременно с преобразованием окружной сети формировалось дополнительное звено специализированных кооперативных систем – районные объединения. В системе животноводческой кооперации образовывались районные животноводческие сельскохозяйственные товарищества. В низовую сеть специализированных райобъединений должны были автоматически войти простейшие производственные товарищества соответствующей специализации [3, с. 92–93].

В постановлении ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. в качестве массовой низовой ячейки сельхозкооперации определялись специализированные производственные товарищества поселкового типа, в том числе животноводческие, которые должны были стать единными первичными кооперативами, объединяющими в своих рамках реализацию ранее изолированных функций: кредитование, машиноснабжение, сбыт, производство⁶.

В конце 1920-х гг. власти поставили задачу перехода к массовой контрактации всех видов сельхозпродукции, включая животноводческую. Ее решение возлагалось на сельхозкооперацию. Обязательным условием договора контрактации продуктов животноводства являлось обязательство контрагента выполнить зооминимум (перечень простейших зоотехнических мероприятий, направленных на повышение продуктивности скота) [6, с. 84, 92–92]. Помогать коллективным и индивидуальным хозяйствам внедрять зооминимум должна была сельхозкооперация, которая для этого расширяла свой зоотехнический аппарат.

С конца 1929 г. организационное строительство кооперации стало подчиняться задачам массовой коллективизации. В декабре 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) принял постановление об объединении животноводческой и молочной кооперации в единую кооперативную систему. Были созданы Сибмолживотноводсоюз и окрмолживотноводсоюзы. Решение обосновывалось необходимостью *«устранения параллелизма»* в деятельности обоих видов кооперации и их перевода *«на рельсы производственного кооперирования и коллективизации»*⁷.

В январе 1930 г. началась форсированная коллективизация деревни, непосредственное руководство которой на местах возлагается на районные земотделы. С целью их укрепления принимается решение об упразднении участковой агрономической и ветеринарной сети в тех районах, в которых в колхозы вступило более 30 % крестьянских хозяйств, и передаче наиболее квалифицированного агрономического, зоотехнического и ветеринарного персонала с ликвидируемых агро- и ветучастков в штаты райзо. В их распоряжение поступала также основная часть оборудования и другого имущества агро- и ветпунктов. Оставшиеся кадры и оборудование передавались *«в систему колхозов или совхозов для его использования непосредственно в сельхозпредприятиях»*⁸.

⁴ ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.

⁵ Сибирская сельскохозяйственная кооперация. 1928. № 8. С. 4.

⁶ Известия ЦК ВКП(б). 1929. № 23–24. С. 19–20.

⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 39. Л. 102–104.

⁸ Бюллетень Хлебоцентра. 1930. № 2. С. 16.

Проведение массовой коллективизации значительно расширяло масштабы управленческой работы на местах. Требовалось укрепление районного уровня управления. В связи с этим руководство страны приняло решение о проведении реформы административно-территориального управления, в рамках которой произошел переход от трехуровневого административного деления (край/область–округ–район) к двухуровневому (край/область–район). Вместе с ликвидацией округов упразднились все окружные органы, включая окрзо, а их аппарат передавался на районный уровень [7, с. 48].

30 июля 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О реорганизации колхозно-кооперативной системы»⁹, установившее следующую схему разграничения функций низовых звеньев колхозной и кооперативной системы. «Все организационное и производственное руководство» колхозами в масштабах сельских районов возлагалось на единые райколхозсоюзы. Они в свою очередь объединялись в краевой союз, который входил в Колхозцентр СССР и РСФСР. В рамках Колхозцентра были образованы специализированные центры и их отделения в республиках, краях и областях (Мясомолколхозцентр, Свиноводколхозцентр, Коневодколхозцентр и др.). За общие вопросы организации сельхозпроизводства в колхозах также отвечали земельные органы – наркоматы земледелия СССР и РСФСР, краевые земуправления, районные земотделы. Производственное кооперирование и обслуживание единоличных крестьянских хозяйств передавались единым специализированным райкоопсоюзам. Районные колхоз- и райкоопсоюзы, специализируясь на базовой для данного района отрасли сельского хозяйства, должны были также осуществлять обслуживание второстепенных отраслей.

В феврале 1931 г. с санкции ЦК ВКП(б) происходит объединение хлебной и животноводческой кооперации в единую систему. На базе Хлебоцентра и Животноводцентра образуется Хлебоживотноводцентр. В Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях учреждаются крайхлебживсоюзы. В районах с уровнем коллективизации в 60 % и более райкоопсоюзы ликвидируются. Вместо них учреждаются райотделения хлебживкооперации. В районах, достигших 50%-ной коллективизации, агрономическое и зоотехническое обслуживание единоличных хозяйств сводилось к минимуму, а большая часть кооперативного агрозооперсонала передавалась в колхозную систему¹⁰.

В условиях нарастающего сужения массовой базы сельхозкооперации в лице единоличных дворов ее деятельность стала все больше ограничиваться осуществлением контрактации и заготовками сельхозпродуктов. В феврале 1932 г. данная функция была передана Всесоюзным государственным объединениям «Заготзерно», «Заготскот», «Союзмолоко», «Заготлен», «Союззаготшерсть» и др. Существование сельскохозяйственной кооперации, с точки зрения высшего руководства страны, потеряло смысл, и ее ликвидировали [3, с. 101].

В декабре 1932 г. были ликвидированы Колхозцентр, а также специализированные, региональные и районные кол-

хозсоюзы. Их функции передавались Наркомату земледелия СССР и его органам [8, с. 890]. Данный акт знаменовал собой завершение процесса огосударствления системы организации и управления сельским хозяйством. После ликвидации специализированных колхозцентров для управления животноводческой отраслью в колхозах были созданы районные объединения животноводческих колхозных товарных ферм, которые объединялись в региональные (в Западно-Сибирском крае – краевое объединение животноводческих колхозных товарных ферм, или Крайоблживферма). В НКЗ СССР и РСФСР были ликвидированы управления животноводства, а на их базе созданы управления колхозных животноводческих товарных ферм.

В начале 1930-х гг. было реорганизовано управление ветеринарным делом. В 1930 г. при НКЗ СССР организовали хозрасчетное Всесоюзное акционерное общество по борьбе с эпизоотиями «ВетЭПО», а на местах его региональные конторы, в том числе сибирскую краевую контору («СибветЭПО») во главе с уполномоченным. На местах создаются мобильные ветеринарно-санитарные отряды «ВетЭПО», на которые возлагается задача оперативного купирования эпизоотий. В том же году при Ветеринарном управлении НКЗ СССР учреждается Всесоюзный государственный трест по ветеринарному снабжению и производству биопрепаратов («Ветснабпром»). В апреле 1931 г. «ВетЭПО» и «Ветснабпром» объединяются в единый Всесоюзный эпизоотический трест («ВЭТ»). Поскольку его ветеринарно-санитарные отряды были не в состоянии охватить противоэпизоотическими мероприятиями всю территорию страны, постановлением от 7 апреля 1932 г. трест был ликвидирован. Борьба с эпизоотиями возлагалась на наркоматы союзных республик и местные земельные органы. Для обеспечения ветеринарного снабжения был воссоздан трест «Ветснабпром» [9, с. 282–283].

15 мая 1934 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О реорганизации Народного комиссариата земледелия Союза ССР, республиканских и местных земельных органов»¹¹, в соответствии с которым управление базовыми отраслями колхозного животноводства полностью передавалось в ведение НКЗ СССР. НКЗ РСФСР должен был сосредоточить свою работу на руководстве кролиководством, птицеводством и пчеловодством. В аппарате НКЗ СССР было ликвидировано управление животноводческих колхозных товарных ферм и создано два главных управления. В составе Главного управления животноводства образовывались отделы по крупному рогатому скоту, свиноводству и овцеводству. На Главное коневодческое управление возлагались «все функции по управлению коневодческими совхозами, коневодческими фермами, воспроизводству и сохранению конского поголовья в стране».

Реорганизации подлежали краевые/областные и районные земельные органы. В Западно-Сибирском краевом земельном управлении были созданы управление животноводства и управление коневодства. Сектор ветеринарии преобразовывался в ветеринарное управление. Региональные и районные животноводческие объединения ферм ликвидировались, а на базе районных объединений создавались

⁹ Сов. Сибирь. 1930. 3 авг.

¹⁰ Хлебоцентр. 1931. № 8. С. 8–11.

¹¹ СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 140.

сектора животноводства райзо. В секторе животноводства помимо заведующего, который также являлся заместителем заведующего райзо, работали старший зоотехник, старший ветврач, зоотехник по коню, участковые зоотехники и ветеринарные врачи. Непосредственное зоотехническое обслуживание колхозов возлагалось на подрайонные зоотехнические участки (так называемая кустовая сеть), за каждым из них закреплялось несколько хозяйств. Штат зоотехнических участков комплектовался из зоотехников и техников-животноводов.

2 ноября 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об организации ветеринарного дела»¹², в котором предлагалось в сжатые сроки восстановить и укрепить «в системе земельных органов ветеринарную участковую сеть». «Для наблюдения и контроля за выполнением ветеринарно-санитарных требований и за работой ветеринарного персонала» в штаты райзо вводилась должность ветеринарных инспекторов. Помимо обслуживания колхозов, ветучастки обязывались оказывать платные услуги индивидуальным владельцам скота. Наряду с воссозданием участковой сети земельных органов сохранялась ведомственная ветслужба, обслуживавшая крупные совхозы и их тресты, мясокомбинаты и боевские предприятия, железнодорожный транспорт.

Для полного и комплексного охвата ветеринарным и зоотехническим обслуживанием колхозных животноводческих ферм 9 марта 1940 г. Экономсовет при СНК СССР принял решение об объединении ветеринарных участков и пунктов с зоотехническими участками в единую зооветеринарную сеть. 29 марта 1940 г. приказом Наркомзема СССР был определен порядок создания единой зооветеринарной сети. Этим

приказом на ветеринарных работников, кроме обязанностей по ветеринарии, возлагалась большая организаторская и зоотехническая работа, так как заведующими зооветучастками и зооветпунктами в абсолютном большинстве являлись ветеринарные специалисты¹³. Однако полностью укомплектовать зооветеринарную сеть квалифицированными кадрами и оснастить ее необходимым оборудованием до начала Великой Отечественной войны не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории. Новосибирск, 2008.
2. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
3. Ильиных В.А. Реорганизация системы сельскохозяйственной кооперации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 90.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.
5. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995.
6. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
7. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933. М., 2001.
9. Минеева Т.И. История ветеринарии. СПб., 2005.

Статья поступила
в редакцию 15.11.2012

УДК 94(47).084.9

Д.С. ОРЛОВ

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ЗАКУПОК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

канд. ист. наук,
Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина
e-mail: orlovd2010@mail.ru

В статье анализируются слабо исследованные проблемы аграрно-экономической истории СССР второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг., связанные с попытками государства повысить производительность колхозов и совхозов посредством ограничения директивного диктата в сфере планирования производства и заготовок их продукции. Используя материалы по Западной Сибири, автор обосновывает тезис о том, что действие механизмов экономического стимулирования сельхозпроизводства во второй половине 1960-х гг. способствовало его подъему, а усиление административного прессинга на хозяйства в начале 1970-х гг. обусловило последующее снижение темпов развития отрасли.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, сельскохозяйственное планирование, закупки, Западная Сибирь.

¹² Там же. 1933. № 65. Ст. 391.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 87. Л. 61.

Необходимость изучения заявленной темы обусловлена желанием дать объективную оценку опыту хозяйствования в СССР, выявить сильные и слабые стороны советского экономического строя. Директивное планирование являлось его важнейшей составляющей, основой мобилизационной экономики. Во второй половине 1960-х гг. в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств верховное руководство страны приняло меры по ограничению директивного начала в управлении народным хозяйством, сделав ставку на механизмы экономического стимулирования производства. Особый интерес представляет опыт их использования в аграрном секторе, предприятия которого получили больше свободы в сфере планирования производства и заготовок и дополнительное финансирование. Проблемы воплощения в жизнь новых принципов определения сельскохозяйственных планов в рассматриваемый период к настоящему времени еще не стали предметом специального научного анализа, а рассматриваются в рамках исследования других, как правило, более крупных аграрно-исторических тем. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать заявленную проблему на примере хозяйств Западной Сибири – крупного аграрно-региона страны.

Пришедшие к власти после отставки Н.С. Хрущева партийно-государственные функционеры при выборе путей развития сельского хозяйства в целом придерживались принципов аграрной политики, определенных в партийно-правительственных решениях, которые были приняты по инициативе Н.С. Хрущева в 1963–1964 гг. В постановлении мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» [1, с. 426–429] отмечалось, что главной задачей партийных, государственных и хозяйственных органов должна стать повседневная забота о людях, о развитии экономики колхозов и совхозов, об увеличении производства сельхозпродуктов, удешевлении их себестоимости и обеспечении рентабельности всех отраслей производства. Осуждалась практика вмешательства в дела сельхозпредприятий, когда им давались многочисленные шаблонные указания по агротехнике, содержанию скота, по структуре посевных площадей и другим вопросам. В соответствии с постановлением до хозяйств должен был доводиться пятилетний план государственных закупок сельхозпродукции по твердым экономически обоснованным ценам. Сверхплановые заготовки можно было осуществлять только при согласии колхозов и совхозов и по повышенной закупочной цене.

Директивный диктат в руководстве сельским хозяйством критиковали и региональные партийно-государственные функционеры. Так, 15 июня 1965 г. на втором пленуме Тюменского обкома КПСС его секретарь П.С. Чиков отметил, что главная причина предыдущих неудач лежала в нарушении экономических законов расширенного социалистического воспроизводства, принципа сочетания личных и общественных интересов, материальной заинтересованности. В практике руководства последних лет, по его мнению, все более брали верх директивы чисто волевого характера, особенно в области планирования, ценообразования, финансирования и кредитования. Провозглашалось, что партия на новом этапе делает ставку на

использование экономических рычагов производства, строгое соблюдение ленинских принципов хозяйствования¹.

Реализация установок мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС в первые годы имела значительный эффект. Например, с 1965 по 1966 г. колхозы и совхозы Кожевниковского района Томской области получили дополнительный доход в 7,4 млн руб. В 1967 г. прибыль сельского хозяйства Новосибирской области впервые в истории региона достигла 100 млн руб. В 1965 г. сельхозпредприятия Омской области за сданную сверх плана животноводческую продукцию выручили дополнительно 31,3 млн руб. В Шипуновском районе Алтайского края за каждый год восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) было выпущено продукции сельского хозяйства на 28,6 млн руб., или на 51,8 % больше, чем в седьмой пятилетке (1961–1965 гг.). В колхозах и совхозах Кемеровской области в 1966–1968 гг. среднегодовой объем производства зерна был выше показателей 1961–1965 гг. на 80 %, молока – на 45 %, мяса – на 32 %, яиц – почти в 2,5 раза. Уровень рентабельности всех видов сельхозпродукции повысился в области до 32 %².

Однако ориентация на уменьшение количества директивных установок сразу же вошла в противоречие с практикой, так как областные и районные партийные организации, а также хозяйственные органы в интересах оперативного управления объективно нуждались в наличии десятков дополнительных показателей, обязательных к исполнению. Система стимулирования продажи дополнительной продукции государству уже к концу восьмой пятилетки трансформировалась в политику планирования сверхплановых заготовок. Реальная хозяйственная практика приводила к возникновению многочисленных противоречий. Хозяйства, желая сдавать больше сельхозпродукции сверх плана по повышенным ценам, старались занизить свои производственные возможности и получить минимальное плановое задание. Партийные и хозяйственные органы, зная об этом, стремились навязать им максимальный объем заготовок. Например, на бюро Тюменского обкома КПСС 16 марта 1966 г. рассматривался вопрос «О работе Ишимского райкома КПСС по выполнению постановления мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС»³. По итогам обсуждения руководство района подверглось критике за то, что производство отдельных сельхозпродуктов на 1967 г. было спланировано ниже фактического уровня, достигнутого в 1966 г. 3 июля 1965 г. на третьем пленуме Кожевниковского райкома КПСС его первый секретарь Ф.М. Плотнок сделал колхозам района похожие замечания. Председателю и правлению колхоза «Сибирь» он ставил в вину то, что вместо увеличения в хозяйстве объемов производства и продажи государству сельхозпродукции к 1970 г. было запланировано их снижение по отдельным видам⁴.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 12.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 252. Оп. 3. Д. 33. Л. 44, 47; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3036. Л. 17, 24.; Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1А. Д. 98. Л. 53; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 121. Д. 169. Л. 5–7; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 10. Д. 272. Л. 3–30.

³ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4643. Л. 10–20.

⁴ ЦДНИТО. Ф. 252. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48.

Глава Кемеровской областной парторганизации А.Ф. Ештокин, выступая на четвертом пленуме обкома 28 октября 1968 г., отмечал, что мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС считал необходимым сохранить на предстоящее пятилетие принцип твердых планов заготовок сельскохозяйственных продуктов. Однако, по мнению руководителя области, это совсем не означало, что уровень производства продукции должен был планироваться без учета достигнутых результатов и имеющихся резервов. При разработке планов на 1969 г. руководители Беловского районного управления сельского хозяйства предусмотрели сокращение поголовья крупного рогатого скота на 6 тыс. голов, в том числе на 500 коров, свиней – на 3,5 тыс. голов, и снижение производства молока на 10 т против фактического уровня 1967 г., за что и подверглись критике. Подобные замечания получило руководство совхоза «Краснинский» Промышленновского района, которое запланировано сократить надой молока на 500 кг на каждую корову [2, с. 33, 34].

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина, выступая на двенадцатой областной партийной конференции 24 февраля 1966 г., сделал замечания руководителям ряда районов области, которые запланировали сокращение посевов зерновых культур и льна, что поставило под угрозу выполнение государственного заказа. До сведения райкомов и руководителей хозяйств была доведена мысль о том, что устанавливая твердые планы продажи сельхозпродуктов, государство рассчитывает еще и на их значительные сверхплановые закупки. На втором пленуме Тюменского обкома партии 30 ноября 1966 г. отмечалось, что в некоторых колхозах и совхозах области планируемый объем выпуска сельхозпродукции оказался меньше объемов госзаказа. Руководство ряда сельхозпредприятий было раскритиковано за то, что намечало уровень производства в размерах, обеспечивающих выполнение только твердых планов, и забывало о том, что мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г. поставил задачу закупать как можно больше сверхплановой продукции⁵.

До хозяйств по-прежнему доводились планы по производству изначально нерентабельной сельхозпродукции. Так, руководство совхоза «Лебяжий» Болотнинского района Новосибирской области в соответствии с решениями мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. пыталось самостоятельно планировать структуру посевных площадей с учетом выполнения плановых заданий. С 1967 г. рожь, выращивавшаяся в хозяйстве, была заменена пшеницей из-за особенностей рельефа и климатических условий. Однако в 1968 г. районные власти довели до совхоза задание засеять 500 га ржи и тем самым заложили в его финансово-хозяйственный план убытки в 15–20 тыс. руб.⁶

По поводу устанавливаемых государственных заданий зачастую возникали разногласия между районными и региональными органами власти, между отдельными колхозами, совхозами и районными управлениями сельского хозяйства. Так, в Тюменской области первый секретарь Ялуторовского горкома КПСС Пахотин, выступая 15 июня 1965 г. на втором пленуме Тюменского обкома КПСС, не согласился с доведенным району заданием по производству льна и зерновых

культур, мотивировав свою позицию тем, что его район находится в зоне молочно-консервного комбината и имеет молочно-мясное направление. В связи с этим он просил областные органы власти подойти к этому вопросу более внимательно, т.е. в сторону уменьшения заготовок зерна. Поступила также просьба снизить план производства льна⁷.

В Томской области в 1966 г. возник конфликт между руководством совхоза «Шегарский» Шегарского района и районным управлением сельского хозяйства. В 1965 г. коллектив совхоза разработал пятилетний план развития хозяйства. Однако вскоре после введения доплат за сдачу сверхплановой продукции директор совхоза представил в сельхозуправление план на 1966 г., в котором значительно уменьшил объем производства мяса и молока. Областное сельхозуправление поправило директора, не приняв его новый план. В ответ на это руководство совхоза отправило письмо в ЦК КПСС, в котором обвинило районное и областное управления сельского хозяйства в нарушении указаний ЦК КПСС о предоставлении самостоятельности руководителям хозяйств в планировании, в навязывании плана сверху, мотивируя это тем, что подобная ситуация может обречь совхоз на затруднительное финансовое положение, лишить работников животноводства материальной заинтересованности и т.п. На третьем пленуме Томского обкома КПСС 5 июля 1966 г. председатель облисполкома Васильев подверг критике действия директора. Кроме того, Шегарскому райкому КПСС и райисполкому было предложено дать должную политическую оценку поведению руководства совхоза⁸.

На одиннадцатом пленуме Омского обкома КПСС 6 октября 1970 г. возникли значительные разногласия по поводу показателей плана на девятую пятилетку (1971–1975 гг.). Ими оказался недоволен первый секретарь Нижнеомского райкома КПСС. Так, задание по зерну для района исходило из урожайности в 16,4 ц/га, хотя за предыдущие 10 лет здесь не собиралось больше 6,7 ц/га. План по молоку, по его мнению, также трудно было выполнить, так как он предполагал увеличение поголовья коров на 1,5 тыс. голов, но дополнительных капиталовложений для этого не выделялось. Плановое задание по закупкам яиц составило 1,9 млн шт., но при этом задание 1970 г. – всего 200 тыс. шт. Птицефермы в Нижнеомском районе располагались в непригодных помещениях, не было ни одного предприятия системы «Птицепром». В девятой пятилетке строительство птицефабрики здесь не предусматривалось, поэтому десятикратное увеличение плана представлялось абсолютно нереальным для выполнения. О необоснованном завышении плановых норм высказались также первые секретари Одесского, Горьковского, Полтавского и Называевского райкомов КПСС⁹.

В годы восьмой пятилетки административный нажим не был столь сильным, и плановые нормы по запросам отдельных хозяйств и регионов могли быть пересмотрены. Так, в 1966 г. Кемеровский обком партии просил верховное руководство снизить план по продаже государству яиц. Необходимость этого обосновывалась тем, что при определении задания центральные органы руководствовались плановыми

⁵ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4626. Л. 69; Д. 4633. Л. 22.

⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 68. Д. 91. Л. 12–15.

⁷ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 70.

⁸ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3519. Л. 97–101.

⁹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1А. Д. 860. Л. 31–58.

показателями строительства птицефабрик в регионе. Программа их возведения не была реализована, поэтому просьбу руководства Кемеровской области удовлетворили¹⁰.

Однако с начала 1970-х гг. давление на непосредственных сельхозпроизводителей со стороны областных и районных властей усилилось. Переломным стал именно 1970 г., когда появилось постановление Секретариата ЦК КПСС «Записка сельхозотдела ЦК КПСС о серьезных недостатках в планировании производства и закупок сельхозпродуктов на пятилетие в совхозах и колхозах ряда республик, краев, областей». В ней критиковались власти регионов, которые запланировали продать государству чрезмерно мало сверхплановой продукции. Так, руководству Омской области ставилось в вину то, что при составлении плана на девятую пятилетку оно решило сдать сверх нормы только 3,8 % мяса, 0,9 % молока и 2,8 % яиц. После рассмотрения вопроса на бюро обкома КПСС для области были установлены новые показатели сверхплановых закупок животноводческой продукции. В 1971 г. ей следовало продать дополнительно 11,4 % мяса (18 тыс. т), 4,9 % молока (40 тыс. т), 12,2 % яиц (22 млн шт.), 9,6 % шерсти (307 т), в 1972 г. – соответственно 8,2, 9,1, 8,6 и 12,3 %. Бюро Тюменского обкома КПСС своим решением от 26 декабря 1973 г. утвердило повышение плана закупок мяса на 2 тыс. т, шерсти – на 300 ц, яиц – на 15 млн шт.

Для Кемеровской области задания по продаже мяса в девятой пятилетке увеличили по сравнению с показателями восьмой на 70 %, молока – на 37, яиц – на 200 %. Причем плановые нормы девятой пятилетки для этого региона сразу же после принятия были повышены для 18 хозяйств по продаже зерна, для 10 – по молоку, для 6 – по мясу. В 1973 г. их вновь скорректировали. Объемы государственных закупок зерна увеличились для хозяйств Кемеровской области на 67 %, картофеля – на 5, овощей – на 8, мяса – на 13, яиц – на 29 %¹¹. Практика пересмотра закупочных планов имела место и в последующие годы. Так, на восьмом пленуме Кемеровского обкома КПСС 15 декабря 1975 г. в одностороннем порядке было отмечено, что для колхозов и совхозов продажа государству сельхозпродукции обязательна не только по доведенному до них плану закупок, но и сверх плана. Речь шла о необходимости поставить дополнительно 17 % зерна, 15 % картофеля и 3 % мяса. В Тюменской области руководители нескольких районов при составлении планов на десятую пятилетку (1976–1981 гг.) попросили региональные власти уменьшить для них задания по закупкам зерна. Однако в докладе главы областной парторганизации Г.П. Богомякова на втором пленуме обкома 23 апреля 1976 г. лишь упоминалось об остроте зерновой проблемы в регионе и напряженности планов. Вместе с тем отмечалось, что в области еще имеются резервы для получения высоких урожаев зерновых культур¹².

Абсолютизация планирования во всех сферах экономики, наиболее рельефно проявлявшаяся в 1970-е гг. и приобретавшая характер догматов, начала негативно сказываться на развитии аграрного сектора. Планы составлялись без учета

реальных производственных возможностей. Например, задание по закупкам зерна на одиннадцатую пятилетку (1981–1985 гг.) для Новосибирской области было установлено на уровне 1,5 млн т в год, или 172,5 % к уровню десятой пятилетки. Чтобы выполнить его в полном объеме при существовавшей системе организации производства, необходимо было увеличить капиталовложения в 3,5 раза, поставки удобрений – в 4, сельхозтехники в 2 раза¹³.

Из-за экономической необоснованности и множественности показателей сельскохозяйственные планы не выполнялись, колхозы и совхозы несли убытки. Быстрыми темпами росла себестоимость продукции, государство через систему дотаций и списание долгов не покрывало производственных затрат сельхозпредприятий. Уменьшались объемы выпускаемых ими продуктов. В Новосибирской области рентабельность аграрного производства, составлявшая в начале 1970-х гг. 24,6 % в совхозах и 29,6 % в колхозах, к середине десятилетия значительно снизилась. Совхозный сектор региона в этот период стал убыточным, в колхозном хозяйстве рентабельность уменьшилась до 4,2 % [3, с. 71]. Если в годы восьмой пятилетки прибыль от производственной деятельности предприятий аграрного сектора Томской области достигала 75,5 млн руб., то в десятой пятилетке убыток составил почти 304 млн руб. В Кемеровской области в 1981 г. нерентабельными были 44 % колхозов и 75 % совхозов. В Тюменской области в 1980 г. убытки сельхозпредприятий составляли 68,8 млн руб., в 1981 – 36,3 млн руб. По стране в целом в 1975 г. удельный вес убыточных колхозов и совхозов достигал соответственно 23 и 51 %, в 1978 г. – 53 и 56 %¹⁴. Если в 1975 г. в СССР нерентабельными оказались 5,3 тыс. колхозов из 28,7 тыс. и 8,4 тыс. совхозов из 16,1 тыс., то к 1979 г. численность нерентабельно работающих колхозов только в РСФСР составила 62 % (7472 хозяйства из 11 958)¹⁵.

В связи с хронически убыточной работой сельхозпредприятий многих регионов выручка от реализации продукции и услуг не покрывала их производственных затрат. Хозяйства вынуждены были брать у государства кредиты. В итоге в 1981 г. в совхозах Кемеровской области долгосрочные ссуды составляли 350 млн руб., в колхозах – 290 млн руб. Сельхозартели Тюменской области получили кредиты на сумму 393 млн руб., совхозы – 290 млн руб. Сельхозпредприятия Томской области в 1980 г. имели кредитов на 500 млн руб., более половины этой суммы было просрочено¹⁶.

В начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Резко снизилась эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [4, с. 150–151]. За два года один-

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 1062. Л. 101.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 107–109; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 45. Д. 35. Л. 64–65; Тюменская область в цифрах (1981–1987 гг.): стат. сб. Свердловск, 1987. С. 17; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 448, 459.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 44006. Л. 12; ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 3873. Л. 103.

¹⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 51. Д. 75. Л. 3–31; Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 3619 Л. 21; Д. 3585. Л. 6–10; ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 111.

¹⁰ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 10. Д. 11. Л. 20.

¹¹ ИАОО. Ф. 17. Оп. 1А. Д. 1170. Л. 71–82; ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5996. Л. 14–28; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 11. Д. 26. Л. 88; Оп. 12. Д. 2. Л. 33–34; Оп. 26. Д. 102. Л. 6–7.

¹² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 28. Д. 32. Л. 12; ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4902. Л. 35.

надцатой пятилетки хозяйства страны недопоставили государству 58,4 млн т зерна, 63 млн т сахарной свеклы, 2,6 млн т семян подсолнечника, 3,2 млн т скота и птицы (в живом весе). Чтобы удержать достигнутый уровень снабжения населения продуктами питания и товарами, ЦК КПСС и правительство вынуждены были принимать меры особого порядка. В 1981–1982 гг. импорт зерна, сахара, растительного масла, мяса и молочных продуктов обошелся государству в несколько миллиардов рублей валютных средств.

Обстановка, сложившаяся в сельском хозяйстве СССР к началу 1980-х гг., требовала принятия безотлагательных мер, способных приостановить деградацию аграрного производства. На решение этих задач была направлена разработанная и принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. Она предусматривала реализацию комплекса мер для повышения материального благосостояния колхозников, расширения масштабов жилищного и культурно-бытового строительства, улучшения медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Агропромышленный комплекс был выделен в качестве самостоятельного субъекта планирования и управления, для чего на всех уровнях создавались новые органы управления (агропромышленный комитет при Совете Министров СССР, комиссии по АПК при крайисполкомах и облисполкомах, агропромышленные объединения в районах). Списывались задолженности сельхозпредприятий, было проведено очередное повышение закупочных цен [5, с. 21–61]. Ситуация в аграрном секторе с 1983 г. начала стабилизироваться.

Установление твердого плана производства сельхозпродукции для предприятий, введение доплат за сдачу сверхплановой продукции, повышение закупочных цен, расширение производственной самостоятельности сельхозпредприятий стали результативными мерами, особенно в годы восьмой пятилетки. Среднегодовые темпы роста производства сельхозпродукции во второй половине 1960-х гг. были одними из самых значительных за всю историю советского государства и составляли 4,2 % по стране и 3,9 % по Сибири [6, с. 230–295]. Реальная хозяйственная практика поставила на повестку дня вопрос о предоставлении сельхозпредприятиям большей финансовой и производственной самостоятельности. Однако

абсолютизация плана как механизма регулирования развития аграрного сектора, неэквивалентный характер закупочных цен на сельхозпродукцию, нежелание правящей партии пойти по пути дальнейшей либерализации советской экономики привели в 1970-е гг. к доминированию директивных методов управления сельским хозяйством. Аграрный сектор Западной Сибири к концу десятой пятилетки оказался в сложной финансовой ситуации и отреагировал снижением производства.

Меры по стабилизации ситуации в сфере аграрного производства, принятые в рамках реализации Продовольственной программы и во многом напоминавшие начинания мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г., способствовали некоторому улучшению ситуации. К концу рассматриваемого исторического периода система взаимоотношений государства и сельхозпредприятий нуждалась в дальнейшем пересмотре. Попытка синтеза централизованного планово-директивного управления отраслью и самостоятельности сельхозпредприятий не смогла существенно изменить действующий хозяйственный механизм в сельском хозяйстве. Партийный аппарат выступил гарантом соблюдения доктринальных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 10 (1961–1965 гг.).
2. Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965–1985 гг.): сб. документов / сост. и науч. ред. Д.С. Орлов. Бийск, 2011.
3. Орлов Д.С., Андреев С.Н. Аграрный сектор Новосибирской области в середине 1950-х – первой половине 1970-х гг. Бийск, 2010.
4. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.
5. Продовольственная программа СССР: сб. нормативных документов. М., 1985. С. 21–61.
6. Ильных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Сибирь: проекты XX в. (начинация и реальность) / Долголюк А.А., Ильных В.А., Ламин В.А. и др. Новосибирск, 2002.

Статья поступила
в редакцию 02.11.2012

Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб: Российская национальная библиотека, 2010. 390 с.

Средневековые религиозные движения – сложное историческое общественное явление. Замечательные исследования этого феномена учеными 60–70-х гг.

XX в. (А.А. Зимин, Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, Н.В. Синецкая, Н.И. Клибанов, Б.М. Клосс и др.) стали неоспоримым достоянием отечественной науки. Поисками новых подходов к решению данной проблемы отмечены работы 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (Р.Г. Скрынников, А.И. Алексеев, А.И. Плигузов, В.М. Кириллин, Я.Р. Хоуллетт, Н.Н. Лисовой).

Книга А.И. Алексеева во многом систематизирует накопленные, в том числе и зарубежной наукой, знания по вопросам природы религиозных споров, средневековой философии и еретических учений на Руси XV–XVI вв. Полученная картина служит контекстом для анализа сочинений Иосифа Волоцкого, требующего некоторой модификации приемов. «На сегодняшний день, – признается исследователь, – приходится констатировать, что источниковедческая разработка проблем отстает от уровня обобщений, на котором ведутся споры».

Историография вопроса об учении жидовствующих, изложенная в книге А.И. Алексеева, охватывает множество концепций и отражает состояние науки на сегодняшний

день. В монографии расставлены акценты и даны объективные оценки результатам отечественных и зарубежных исследований XIX–XX вв. Справедливо отмечено, что недостаточно современных источниковедческих и текстологических исследований сочинений на тему религиозных движений.

Проведенный историографический обзор выявил проблемы в изучении творчества Иосифа Волоцкого. Так, немецкий богослов Гюнтер Шульц в 1989 г. высказывался о недостаточном изучении его богословского наследия; для оценки трудов книжника необходимо в первую очередь выявление использованных источников; требует своего решения вопрос об автографах церковного писателя и т.д. В книге А.И. Алексеева, который неоднократно оговаривает, что не претендует на окончательное решение проблемы и тем самым не закрывает тему, намечены пути дальнейшего продуктивного исследования сочинений Иосифа Волоцкого.

Очерк деятельности и творчества игумена монастыря на Волоке Ламском составлен на основе последних достижений гуманитарной науки и развернут в историческом времени. Во многом обновленные биографические данные церковного писателя, краткая характеристика его богословия, аналитическое описание отношений Иосифа с великим Московским князем, первым государем всея Руси Иваном III, ставшим «символом эпохи в глазах многих поколений историков», с современниками (Нилом Сорским, Вассианом Патрикеевым, архиепископом Серапионом и др.), общая оценка сочинений Иосифа Волоцкого, история почитания и иконографические заметки преподобного – рассчитаны на восприятие современного читателя, воспитанного на информационной пресыщенности и ищущего краткого и четкого ответа на сложные вопросы. Один из таких ключевых ответов, который можно расценивать как научную гипотезу, касается времени создания «Просветителя». «По нашему мнению, – пишет А.И. Алексеев, – Иосиф Волоцкий в 1490-х – 1502 гг. создал “Просветитель” в объеме не менее 13-ти “слов”, а в 1502–1504 гг. выступил с посланиями к иерархам с призывом начать борьбу против “жидовствующих” во главе с бывшим митрополитом Зосимой. На основании этих данных можно заключить, что Иосиф вступил в публичную борьбу с ересью не ранее 1502 г., а основное ядро “Просветителя” было создано на предшествующем публичной полемике “келейном” этапе творчества».

А.И. Алексеевым предложена корректировка предшествующих научных выводов по истории общественной идеологии Древней Руси. В своих построениях он опирается на анализ отношений светской и церковной властей на рубеже XV–XVI в., изменений церковной практики в это время, влияния эсхатологических настроений на религиозные и социокультурные процессы конца XV в.

В первой части монографии три «исторические экспликации» составили содержание самостоятельных глав: «Ожидание конца света на Руси в контексте эсхатологии раннего Средневековья», «Ересь жидовствующих» и «Иван III – не ортодоксальный правитель Святой Руси?» В них воспроизведены картины бурного времени рубежа XV и XVI вв. и рубежа эпох: Средневековья и начала Нового времени. Активным участником общественных процессов своего времени был Иосиф Волоцкий.

История ереси жидовствующих в настоящей монографии представлена как каузальный источник порождения «Книги на новгородских еретиков», или «Просветителя», Иосифа Волоцкого, самой являющейся ее уникальным источником. Такой замкнутый «ход» исследования оправдан позицией автора, разделенной им с французским ученым А. де Либером: «пока речь идет о Средних веках, вся историческая практика базируется на текстах».

Новый подход А.И. Алексеева к изучению еретических движений на Руси состоит в анализе идеологии стригильников и жидовствующих в контексте религиозных явлений западноевропейского Средневековья и раннего Возрождения.

Основной предмет исследования – история текста «Просветителя» и ряда посланий Иосифа Волоцкого, отношение Краткой и Пространной редакций, время составления «Просветителя» – изучается во второй части монографии.

А.И. Алексеев ставит под сомнение длительность работы Иосифа Волоцкого над своим богословским трактатом: «согласно общепризнанной точке зрения на творческую историю «Просветителя», создание этого памятника растянулось почти на сорок лет и охватывает период приблизительно между 1476/1477 и 1515 г.». Уже сам факт... способен вызвать немалое удивление. Но все-таки главные сомнения в достоверности существующей схемы рождаются при изучении сохранившихся рукописей памятника».

Автор предложил свою научную версию происхождения «Книги на новгородских еретиков», сделав акцент на двух списках, связанных с книгописной мастерской Волоколамского монастыря: ГИМ, Епархиальное собр., № 339 и 340 (в науке, вслед за Я.С. Лурье, изначальным списком признана рукопись РНБ, Соловецкое собр., № 326/346, сохранившая древнейший вид «Просветителя», ее Краткую редакцию). На основе анализа редакторской правки епархиальных списков исследователь приходит к выводу о том, что «древнейший вид Пространной редакции представлен в списке Епарх. 340» (он аргументированно не соглашается с мнением А.И. Плигузова о редакционных различиях списков Епарх. 339 и Епарх. 340). Именно Пространная редакция, по мнению А.И. Алексеева, первична по отношению к Краткой (Я.С. Лурье на основе текстологического изучения 97 списков «Просветителя» доказывал, что первична Краткая, вторична Пространная редакция).

В опровержение двух существующих точек зрения относительно создания Краткой редакции «Просветителя» – 1492–1494 гг. или 1502–1504 гг., А.И. Алексеев предлагает иную датировку: «основное ядро памятника в объеме 13-ти “слов” сформировалось в 1499–1502 гг., а в период между 1502–1506 гг. было дополнено еще тремя “словами” в целях развернувшейся полемики с “нестяжателями”». Основные аргументы исследователя почерпнуты из анализа исторических данных. Так, он считает, что «только после разрешения династического кризиса в пользу княжича Василия в апреле 1502 г. появляются полемические послания Иосифа Волоцкого с призывом начать борьбу с жидовствующими». А.И. Алексеев предлагает «по-новому оценить информационную ценность сведений “Просветителя” как трактата, написанного в период сохраняющегося влияния жидовствующих и отражающего реалии начала решающего этапа

напряженной борьбы с ересью» (А.С. Лурье, А.А. Зимин, Н.И. Клибанов считали, что складывание «Книги на новгородских еретиков» связано с подготовкой собора 1504 г., окончательно осудившего еретиков).

Несомненную ценность работе придает поиск источников «Просветителя». Сопоставительный анализ «слов» Иосифа Волоцкого, посланий, Устава и других его сочинений свидетельствует о содержательном совпадении разных памятников, но текстуальные расхождения не позволяют признать их прямыми источниками «Просветителя». Итак, вопрос об источниках «Книги на новгородских еретиков», как убедительно показано в книге, остается открытым.

Новое исследование еретических учений на Руси и творческой истории «Просветителя» достойно продолжает

отечественную традицию изучения уникального памятника древнерусской книжности начала XVI в. На очереди подготовка научного издания труда игумена монастыря на Волоке Ламском (пока мы пользуемся публикацией 1904 г.).

Воссоздание истории авторского текста Иосифа Волоцкого, творчество которого стояло у истоков русской публицистики, крайне необходимо и для точной научной оценки трудов его ученика и последователя митрополита Даниила, для понимания закономерностей исторического развития общественно-политической литературы русского Средневековья.

д-р филол. наук Л.И. Журова,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. 260 с.

«Человек с ружьем» – во многом именно его фигура определила ход революции 1917 г. в России и облик установившегося после ее завершения политическо-

го режима. Размежевание на два лагеря – революционный и контрреволюционный – вызвало раскол в большинстве социальных групп российского общества, в том числе офицерства. Механизмы этого раскола важны как для понимания истоков и вызревания движущих сил революции, так и для четкого представления о возможных последствиях резкого ухудшения социального статуса и психологического самочувствия профессиональных военных для общества и государства. Одно из первых монографических исследований на эту тему принадлежит омскому историку В.Л. Кожевину, стоявшему у истоков военно-антропологического направления в современной отечественной историографии.

Авторский замысел последовательно раскрыт в пяти главах. Первые две только подводят читателя собственно к Февралю 1917 г. Сначала В.Л. Кожевин показал социально-психологический облик российского офицерства. Нужно отдать должное наблюдательности автора, хорошо знакомого с широким кругом мемуаристики и художественной литературы и обладающего тонким чутьем на детали быта и психологии офицерской среды конца XIX – начала XX в. С любовью и даже любованием реконструирует он процветавший в военно-учебных заведениях «цук» — комплекс обычных правил и ритуалов, аналог современной дедовщины, однако куда более нацеленный на армейскую социализацию нового пополнения офицеров и более интеллигентный. Полезные наблюдения о формировании корпоративных ценностей сделаны автором при анализе специфики складывания социальных границ между «своими» и «чужими», т.е. офицерством и миром «гражданских»; отмечено их растущее взаимное отчуждение, недоверие, маркированное коллективными стереотипами «держиморды» с нагайкой и зуботычиной, да «белоперчаточников», разговаривающих «через губу», с одной

стороны, и враждебного мира за стенами гарнизона, готового унижить и оскорбить офицера – с другой. Ценно обращение автора к зарождавшейся военной публицистике и художественной литературе, анализ обсуждавшихся в них проблем, связанных с социальной самоидентификацией в профессиональной офицерской прессе. На страницах монографии детально проанализированы публикации военных теоретиков М.И. Драгомирова и Н.Д. Бутовского и известных общественных деятелей, таких, как В.С. Соловьев и В.В. Розанов. Автор проследил надлом, произошедший в самооценках офицерства под влиянием общественного движения пореформенного периода, Первой русской революции и особенно Первой мировой войны. Вместе с тем, обоснован вывод о зачаточности политического сознания офицерства, наличии серьезного психоментального разрыва между интеллигенцией и офицерством, социально являвшимся ее органичной частью, а психологически – аутсайдером, изгоем.

В третьей главе дан анализ конкретных событий, связанных с началом Февральской революции. В центре авторского внимания – террор против офицеров в двух столицах и на военно-морских базах Балтийского флота. Автором верно подмечено, что в первые дни гибели не только известные консерваторы, но и офицеры, примкнувшие к революции. Главной причиной убийств и насилия матросов над офицерами были личные счеты, месть не только за поступки и слова. Даже тон офицера мог спровоцировать низшие чины на непоправимые действия. Причем решающим мог стать эмоциональный настрой. Так, командующему Балтийским флотом вице-адмиралу А.И. Непенину, выразившему готовность выполнить все более-менее разумные и выполнимые требования матросов, не удалось сохранить жизнь. В переговорах с восставшими матросами он не удержался от саркастического тона, и это подтолкнуло конвоиров к расправе над ним. Часто положение усугублялось стремлением готовых принять революцию офицеров к исполнению приказов вышестоящего начальства, их дисциплинированностью, уверенностью, что в армии воюющего государства всякие преобразования должны происходить планомерно и управляемо.

Психологический шок, испытанный выжившими, но униженными офицерами, стал, по мнению автора, важной предпосылкой к многолетнему вооруженному конфликту внутри российского общества. В то же время революция оголила зревший в обществе и даже культивировавшийся властями порыв к насилию. Взять хотя бы германофобию, которая в первые революционные дни привела к расправам над офицерами с нерусскими (не всегда немецкими) фамилиями. Вместе с тем В.Л. Кожевин показал, что, в отличие от петроградской или балтийской практики, в Москве и многих провинциальных гарнизонах удалось смягчить солдатскую агрессию, снизить накал противостояния офицерства и солдатской массы. В поиске вариантов выхода из тупика рождались различные формы сотрудничества революционной массы рядовых и командного состава, включая организацию офицерских советов.

В четвертой главе показана смена отношения офицерства к власти под влиянием революции, освещены как ментальные, так и поведенческие аспекты. Отмечено, что верность присяге оставалась одним из факторов, определявших чувства и действия офицерства. Именно это обстоятельство объясняет выжидательную позицию офицерства в первые дни после смены власти в Феврале. И хотя для значительной части офицерства отречение императора переживалось как личная драма, даже они готовы были проявить лояльность к любому порожденному революцией политическому режиму, если бы только он показал себя способным обеспечить порядок в армии и продолжить войну. Для высшего командного состава сохранение боеспособности армии заняло в иерархии ценностей приоритетное место перед вопросами организации власти. Однако правительство не сумело восстановить спокойствие и боеспособность в армии, отчего быстро утратило лояльное отношение значительной части офицерства. Пойдя на поводу массовых фобий и участвуя в борьбе против контрреволюционеров (обычно мнимых), власть расколола офицерство на неожиданно выдвинувшихся и готовых делать дальнейшую карьеру на ниве служения революции и тех, кто оказался выброшен на обочину истории. В.Л. Кожевин последовательно показал попытки решения офицерского вопроса в коридорах власти, революционной прессе, штабах политических партий. Правоммерно его суждение о том, что активность всех этих инстанций только усугубляла положение офицерства, не решая никаких проблем и лишь создавая новые. Более того, политическая оппозиция Временному правительству слева вообще не имела никаких представлений о путях решения офицерского вопроса и месте офицерства в революционизированном обществе.

В последней главе рассмотрены процессы, протекавшие в офицерской среде с весны до осени 1917 г. Автору удалось избежать конспективности, сосредоточившись на нескольких ключевых сюжетах. Среди них оказались зарождение офицерских организаций, включая офицерские советы, анализ офицерской профессиональной прессы, главным образом из числа порожденных революцией газет, а также анализ мемуарных, эпистолярных и литературных источников, отразивших взгляды и переживания офицеров. Убедительным представляется утверждение В.Л. Кожевина о том, что, перестав скрывать свои политические убеждения и

поспешив организовать, офицеры-социалисты вписались в систему революционных организаций, влились в единый дискурс революции, но остались аутсайдерами в своей офицерской среде. Причем расхождение между ними и основной массой офицеров усиливалось. В ходе революции выросла целая сеть конкурировавших друг с другом офицерских представительных организаций, имевших многоуровневую структуру, но слабо укорененных в той среде, которую они пытались представлять.

В поле зрения автора попали и правые политические организации офицеров, которые стали появляться намного позже – только в мае, после того как офицерство оправилось от тяжелой моральной травмы. Особый интерес представляет детальное исследование автором «Молитвы офицеров русской армии», фактически являвшейся своеобразным литературно-художественным воплощением политической программы офицерского большинства, быстро разочаровавшегося в революционных преобразованиях и оценивавших перспективы углубления революции как тупиковые для России.

Интеллектуально насыщенный, четко и легко написанный текст монографии представляется в структурном плане весьма удачным, однако не лишен отдельных недостатков. Это становится заметно при знакомстве с заключением, отдельные положения которого не нашли детальной аргументации в основной части книги. В частности, явно неполно отражена политическая деятельность в 1917 г. офицеров помимо специализированных профессионально-политических организаций, фрагментарно показана консолидация правых сил в офицерской среде. Формирование Быховской программы, которая автором представлена конечным хронологическим рубежом исследования, показано пунктиром, хотя источники позволяют проследить этот процесс намного детальнее. Хорошо знакомый с источниками и историографией своей темы, В.Л. Кожевин не избежал существенных пробелов. Немало красок к описанию событий в Кронштадте в начале марта 1917 г. добавило бы использование опубликованных дневниковых записей В.Н. Пепеляева, а внимательное отношение к монографиям и статьям Б.И. Колоницкого, много сделавшего для анализа перелома в солдатском сознании и поведении в революционном 1917 г., более того, плодотворно работавшего в схожем методологическом ключе, обогатило бы омского исследователя не только в деталях, но и в глубинном понимании существенных для изучаемой темы аспектов.

Впрочем, автор не пытался объять необъятное. Монография достаточно компактна, не перегружена деталями, но в то же время в ней четко очерчен круг исследуемых проблем, умело заданы источникам нужные вопросы, а в поисках ответов на них создана емкая картина. Есть все основания полагать, что монография В.Л. Кожевина будет широко востребована исследователями истории революции и Гражданской войны, преподавателями и студентами высшей школы, открывает перспективу для дальнейшего военно-антропологического анализа истории революции в России.

канд. ист. наук В.М. Рышков,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

Савицкий И.М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны» (1946–1965 гг.). Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2011. 352 с.

документальных материалов, принадлежавших делопроизводству предприятий оборонного комплекса СССР. Она вносит весомый вклад в историографию, раскрывает деятельность правительственных структур по созданию сразу же после окончания Великой Отечественной войны совершенно новых видов вооружений для Советской армии и новых отраслей военной промышленности.

В книге рассматриваются проблемы разработки и реализации секретного проекта советского правительства по созданию ракетно-ядерного промышленного комплекса в 1946–1965 гг., анализируются стратегические направления организации в короткие сроки необходимых для этого новых научно-исследовательских, конструкторских, проектных и производственных предприятий, модернизации уже действующих. В условиях развернувшейся «холодной войны» и в связи с реальной внешней угрозой со стороны стран НАТО перед советскими учеными, инженерами, техниками, рабочими ставились задачи создания не только ядерного оружия небывалой степени разрушения, но и средств его доставки, что рассматривалось в качестве необходимых гарантий для достижения силового паритета и сохранения мира на планете Земля, предотвращения Третьей мировой войны.

И.М. Савицкий совершил настоящий прорыв в изучении темы. Опираясь на разнообразные исторические источники, литературные данные, он смог представить достаточно полную ретроспективную картину создания в СССР ракетно-ядерных вооружений, показать обстоятельства и трудности в развитии новых отраслей оборонной промышленности, в формировании материально-технических и социальных условий для их организации.

Особую ценность в монографии представляет анализ вклада Сибирского региона в создание ракетно-ядерного щита СССР. Объектом исследования является в целом оборонная промышленность, размещенная в Сибири; это комбинаты, заводы, конструкторские бюро, научно-исследовательские и проектные институты атомной, ракетно-космической, авиационной, радиотехнической, электронной, химической и других отраслей промышленности, вносящие свой вклад в создание новых видов вооружений. Автором представлена динамика создания материально-технической базы новых производств, формирования их кадрового потенциала на различных этапах деятельности, а главное, рассмотрены результаты труда многотысячных коллективов, которые укрепляли обороноспособность страны.

Для реализации вышеуказанных задач И.М. Савицкий исследовал очень сложные и почти неизученные ранее проблемы, связанные с созданием структуры управле-

Вышла в свет новая работа известного исследователя истории оборонной промышленности Сибири И.М. Савицкого. Это крупная фундаментальная монография, подготовленная на базе ранее закрытых

ния ракетно-ядерным комплексом СССР, необходимостью формирования в тыловых районах страны крупных научно-исследовательских, проектных и производственных комплексов, с организацией сырьевой базы атомной промышленности и т.п. На этом фоне оборонная промышленность Сибири представляется как единый организм, многоотраслевой и многомерный объект, состоящий из ряда взаимосвязанных подсистем, ориентированных на достижение общих целей и результатов.

Монография И.М. Савицкого – весомый вклад в изучение проблем формирования так называемого сибирского тыла, который был четко обозначен в годы Великой Отечественной войны и не утратил своего значения в послевоенные годы. Сибирь представлялась географическим центром страны, относительно неуязвимым со всех границ государства. Здесь высокими темпами еще в 1930-е гг. наращивался экономический потенциал в процессе реализации крупных индустриальных проектов. Кроме того, регион обладал значительной долей мировых запасов природных и минерально-сырьевых ресурсов, необходимых в том числе и для организации производства новых видов вооружений. Поэтому в государственной оборонной стратегии СССР Сибири принадлежало важное место, здесь планировались и реализовывались дорогостоящие программы, направленные на создание стратегического и научно-технического тыла государства.

В основу методологии исследования положен фундаментальный философский принцип материалистического понимания исторических процессов, который позволил отразить влияние как объективных, так и субъективных факторов в развитии оборонной промышленности Сибири. Автор данной работы смог показать значение научно-технической революции, определившей возможности возникновения новых отраслей, необходимость высоких темпов научно-технического прогресса и в целом экономического развития региона в условиях «холодной войны» и противостояния с ведущими государствами мира.

В монографии по-новому рассматриваются проблемы формирования кадров оборонной промышленности СССР. Показано, что в послевоенные годы кадровый состав особых предприятий представлял собой сложное социально-экономическое образование, куда входили не только рабочие и инженеры-производственники, но и ученые, конструкторы, высококвалифицированный технический персонал. Все они совместными усилиями развивали производственную деятельность на предприятиях оборонной промышленности. Автору монографии удалось исследовать процессы не только комплектования кадрового потенциала оборонных предприятий, но и подготовки, а также переподготовки рабочих и специалистов, формирования руководящего состава всех уровней. Емкими обобщающими фразами характеризуются условия жизни и труда, отношение к труду. Страницы книги убеждают, что история наполнена живыми людьми, которые создавали славу стране и ее оружию.

В целом организация оборонной промышленности в Сибири оценена автором как эффективная. Свою роль сыграла мобилизационная стратегия советского государственного

управления, созданная система материального и морального стимулирования всех непосредственных участников событий. Сделан акцент на том, что многие предприятия создавались в совершенно необжитых местах, где приходилось заново строить производственные комплексы, города и рабочие поселки, заново создавать производственную и социальную инфраструктуру. И это было проделано в короткие сроки и достаточно успешно. Население «закрытых» населенных пунктов автономно и в полной мере обеспечивалось всем необходимым для жизни и деятельности по меркам своего времени.

Автор книги попытался ответить на многие острые вопросы отечественной историографии. Создав свою оригинальную исследовательскую лабораторию, он рассматривает создание оборонной промышленности в Сибири как объективный процесс, который был необходим не только для развития нашей страны, но для установления баланса мировых интересов. И тогда становится понятным, что могло обусловить определенные решения советского правительства, связанные с особенностями экономического развития Сибирского региона, мобилизацией здесь различных средств и усилий на пользу оборонной промышленности, создание ее новых, очень затратных видов. В противовес политике ведущих капиталистических держав, основанной на стремлении к мировому господству и направленной в первую очередь против СССР, необходимо было оперативно и успешно реагировать на вызовы времени. Страна вынуждена была стремиться к своему военно-стратегическому и геополитическому усилению на базе новейших вооружений. Понимание сути и механизмов государственной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности в прошлом, может быть востребовано и в настоящее время, когда международные отношения продолжают постоянно испытывать на прочность защиту национальных интересов.

Комплексное ретроспективное изучение проблем развития оборонной промышленности Сибири в годы «холодной войны» предпринято впервые. Новизна его, прежде всего, заключается в том, что не только представлены ранее не использовавшиеся историками материалы, но и состоялось их новое прочтение и анализ. В результате сделаны выводы, что государственное управление СССР в послевоенные годы придерживалось в основном правильной стратегии, необходимой для сохранения единства и независимости государства. В развитии производительных сил Сибири и создании здесь мощного оборонного потенциала преследовалась та же главная цель – сохранения за СССР статуса ведущей мировой державы.

Изданная книга – настоящий клад информации. Она не только представляет собой законченную фундаментальную работу, но и дает огромный материал для дальнейшего исследования проблем развития военно-оборонного комплекса СССР. В монографии содержится богатый статистический материал, дается обширный историографический обзор. В Приложении помещены биографические материалы о директорах оборонных предприятий, главных специалистах исследовательских и проектных организаций, Героях Социалистического Труда, лауреатах Государственных премий, многих заслуженных работников и ветеранах труда. В целом следует заключить, что И.М. Савицким проделана огромная скрупулезная исследовательская работа на пользу науки и общества. Монография легко и с большим интересом читается и может быть полезна не только специалистам, но и всем интересующимся историей Отечества.

канд. ист. наук *А.И. Тимошенко*,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 1, 2013

CONTENTS

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Ananyev D.A. History of Siberia (Late XVI – Early XX Centuries) in the English- and German-language Historiography: Basic Concepts and Approaches	3
Sokolovskiy I.R. Comparative Aspects of Colonization of the Arctic and Sub-Arctic Regions of Siberia and Eastern Canada in the XVII – Early XVIII Centuries	7
Elert A.Kh. Population of the Mangazeya Uezd According to the 1739 Questionnaire's Data	10
Tumanik Ye.N. Epistolary Heritage of the Decembrist I.D. Yakushkin	14
Komleva E.V. The Krasnoyarsk Merchants in the Irkutsk Market during the First Third of the XIX Century	18
Bayandin V.I. Russian Army in the Late XIX – Early XX Centuries: Conscripts' Delivery in Siberia and Far East	24
Shishkin V.I. The "Road to Calvary" of the Lawyer V.P. Lamanskiy in 1918-1919	29
Zaporozhchenko G.M. Unions of Consumers' Cooperatives in the Cities of Siberia: Problems and Contradictions of Institution-Building (1913-1920)	35
Isaev V.I. Courts of Siberia Defending Rights of Women in the 1920s	40
Morozova T.I. Bureau of the Siberian Regional Committee of the RKPb – VKPb (Sibkraikom): Competence, Structure, Forms and Methods of Activities (May, 1924 – August, 1930)	45
Krasilnikova E.I. October Celebrations in the West Siberian Cities in the 1930s: Commemorative Aspect	49
Romanov R. Ye. The Role of Youth in Shaping the Human Potential of Siberia on the Eve of the World War II (on the 1939 Soviet Census Materials)	53
Ablazhey N.N., Salakhova L.M. "How Are Regime and Control Organized Here?"	58
Savitskiy I.M. Environmental Situation in the Kara Sea in Regard to Disposal of Nuclear Waste during the "Cold War"	67
Dashinamzhirov O.B. Urbanization in Western Siberia in 1959-1989	67
Zolnikova N.D. Realia of the Soviet Socialism in the Works of a Novokuznetsk Old-Believer	71

REPORTS

Rodigina N.N. The Journal "Vsemirnaya Illyustratsia" (World in Pictures) and Representations of Siberia on Its Pages	76
Starukhin N.A. Theophylact (Savkin), the Hegumen of the Kazanskiy skit of the Old-Believers' Belokrinitskiy Consent, and His Epistolary Heritage	81
Shilovskiy M.V. Mass Riots among the Demobilized Soldiers in Siberia during the Second Half of July, 1914	84
Kornovenko S.V. Agricultural Crop Harvesting by the "The Whites" Civil Authorities in Ukraine in 1919	88
Kationov O.N. S.V. Obruchev's Book "To the Unexplored Lands" as a Source on the Means of Transport in the North-East of Russia in the 1920s – 1930s	92
Ilyinykh V.A. System of Cattle Breeding Management in Siberia in the Late 1920s-1930s	95
Orlov D.S. Planning of Agricultural Production and Procurement in Kolkhozes and Sovkhozes in Western Siberia in the Second Half of the 1960s – First Half of the 1980s	98
Zhurova L.I. Rec. ad op.: Alekseev A.I. Works by Joseph Volotsky in the Context of Polemics in the 1480s-1510s. SPb.: Russian National Library, 2010. 390 s. (Alekseev A.I. Sochineniya Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480-1510-kh gg. SPb.: Rossiyskaya natsionalnaya biblioteka, 2010. 390 s.)	102
Zhurova L.I. Rec. ad op.: Kozhevnikov V.L. Russian Military Officers and the February Revolutionary Explosion. Omsk: Omsk State University Press. 260 p. (Kozhevnikov V.L. Rossiiskoe ofitserstvo i fevral'skiy revolyutsionnyy vzryv. Omsk: Izdatelstvo Omskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2011. 260 s.)	104
Timoshenko A.I. Rec. ad op.: I.M. Savitskiy. Defense Industry's Role in Creation of the Nuclear-Missile Shield during the "Cold War" (1946-1965). Novosibirsk: Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo, 2011. 352 p. (I.M. Savitskiy. Vklad oboronnoy promyshlennosti Sibiri v sozdaniye raketno-yadernogo shchita SSSR v gody "kholodnoy voyny" (1946-1965). Novosibirsk: Sibirskoye knizhnoye izdatelstvo, 2011. 352 s.)	106

SUMMARY

Ananyev D.A. History of Siberia (Late XVI – Early XX Centuries) in the English- and German-language Historiography: Basic Concepts and Approaches

The paper deals with basic theoretical and methodological approaches as well as concepts of Siberian history offered by Western scholars in the XX century (“Russian eastward expansion”, “colonization”, “modernization”, theories of “heartland” and “frontier”). The author comes to conclusion that in Western scholarship there has been no dominating methodological precepts or common patterns of Siberian history shared by all researches. Certain contradictions in the Siberian historiography were resolved on a basis of thorough analysis of sources which allowed achieving a qualitatively new level in Siberian studies.

Key words: *Siberia, historiography, modernization, colonization, frontier, heartland, “Russian eastward expansion”.*

Sokolovskiy I.R. Comparative Aspects of Colonization of the Arctic and Sub-Arctic Regions of Siberia and Eastern Canada in the XVII – early XVIII Centuries

The article presents a comparative analysis of colonization of Siberian area north of 60 ° N. and parts of western Canada located north of 50 ° N in the XVII and early XVIII centuries. The author compares general and specific characteristics of these processes and makes the assumption that they were interconnected.

Key words: *Siberia, Canada, the Arctic, sub-Arctic, colonization, fur trade, population, colonization methods, military operations, garrisons, XVII-XVIII century.*

Elert A. Kh. Population of the Mangazeya Uyezd According to the 1739 Questionnaire’s Data

The article analyzes data from the “Bulletin” prepared in 1739 by the Mangazeya uyezd administrative office (chancery) and based on the 1739 Questionnaire of Academician G.F. Müller. The study is focused on the issues of number, social structure, displacement of population (both service men and tax-paying population), number and ethnical structure of indigenous population, as well as specifics of the local authorities’ yasak policy.

Key words: *questionnaires of the Academy of Sciences, G.F. Müller, the Second Kamchatka Expedition, Mangazeya uyezd, population, demography, history.*

Tumanik Ye.N. Epistolary Heritage of the Decembrist I.D. Yakushkin

The article focuses on epistolary heritage characteristics of one of the most famous Decembrists. Nowadays many

of I.D. Yakushkin’s letters are kept in the Russian archives. For many years historians have been actively publishing his correspondence. Along with general classifying and organizing I.D. Yakushkin’s letter-heritage the author characterizes the Decembrist’s personality and mentality, his psychological type, which contributes a lot to the reconstruction of general history of the Decembrist movement where I.D. Yakushkin was one of the key and typological figures.

Key words: *Decembrists, worldview, liberation movement, Siberian exile, epistolary heritage.*

Komleva E.V. The Krasnoyarsk Merchants in the Irkutsk Market during the First Third of the XIX Century

The article is written on the newly introduced historical sources – manuscript collection of the Larionov merchant family. It characterizes activities of the Krasnoyarsk merchants in the Irkutsk market in the first decades of the XIX century. The list of expenses written by Peter F. Larionov in 1808 is published.

Key words: *merchantry, trade, range of goods, contemporary evidence.*

Bayandin V.I. Russian Army in the Late XIX – Early XX Centuries: Conscripts’ Delivery in Siberia and Far East

The paper considers an issue of conscripts’ delivery to the troops deployed in Siberia and Far East in the 1880s- early 1900s. The historical period under consideration is marked by a substantial increase of the Russian armed forces’ manpower in the Far East including the Kwantung peninsula leased to Russia by China. It was Russia’s response to the challenge of other Asian and European powers’ growing presence in the region. Siberia’s vast territories and underdeveloped transport infrastructure significantly hampered the army’s personnel replacement and conscripts delivery to the military districts of Siberia and Far East. The author evaluates how these problems were solved and finds out whether these solutions were effective.

Key words: *conscripts of the Tsarist Army, conscripts’ delivery to the Siberian military units, conscripts’ movement within Siberia, means of conscripts’ transportation to the Far East in the XIX – early XX century.*

Shishkin V.I. The “Road to Calvary” of the Lawyer V.P. Lamanskiy in 1918-1919

The article throws light on the ups and downs of the lawyer V.P. Lamansky’s life during the Civil War in Siberia. His vicissitudes were due to the fact that at the beginning of 1918 by order of the Anti-Bolshevik underground organization this young man worked in the Soviet judicial bodies for counterrevolutionary purposes. After the overthrow of the Soviet power in Siberia he faithfully served in the Anti-Bolshevik administration of the

Kansk uyezd. However, the attitude of the Kolchack's authorities (especially of the military circles) to Lamansky made him play a tragic role of being "a foe among friends".

Key words: underground organization, officers, power, commissar, administrator

Zaporozhchenko G.M. Unions of Consumers' Cooperatives in the Cities of Siberia: Problems and Contradictions of Institution-Building (1913-1920)

The article explores the history of unions of consumers' cooperatives formation in Siberia in 1911-1920. The study focuses on the activities of district and regional consumers' cooperative societies aimed at creation of the All-Siberian Union of urban and worker co-operation. The author concludes that the process of centralization of the cooperative movement deformed free and active institution-building of the consumer's co-operation.

Key words: Siberia, consumers' co-operation, cooperative union

Isaev V.I. Courts of Siberia Defending Rights of Women in the 1920s

The paper deals with living conditions and legal status of women in Siberia in the 1920s. The author describes the judicial bodies' activities in Siberia aimed at defending women's personal rights and rights of property.

Key words: sexual equality, moral consciousness, legal status of women, labor relations, trade unions, family, law of marriage, court, female crime.

Morozova T.I. Bureau of the Siberian Regional Committee of the RKPb – VKPb (Sibkraikom): Competence, Structure, Forms and Methods of Activities (May, 1924 – August, 1930)

The article considers competence, staff, principles of organization, forms and methods of work of the Bureau of the RKPb (VKPb) Siberian Regional Committee – Sibkraikom – the superior body of the Bolshevik Party in Siberia. Based on a wide range of archival sources and materials from the periodical press the author characterizes relations between the regional center, the Central Committee and local party organizations. Bureaucratization of the regional party apparatus is traced. The role and place of the Sibkraikom's Bureau in the system of party leadership in Siberia is determined.

Key words: bureau, Communist Party, party apparatus, Sibkraikom, Siberia.

Krasilnikova E.I. October Celebrations in the West Siberian Cities in the 1930s: Commemorative Aspect

The article is devoted to a commemorative component of October celebrations held in the cities of Western Siberia (Novosibirsk, Tomsk, Omsk, Barnaul) in the 1930s. The author reveals origins of the October holiday practices, describes their implications for representation of certain forms of collective memory and expression of political solidarity. She also explains the festive commemoration's specificity in the 1930s compared to the previous decade.

Key words: October celebrations, commemoration, politics of memory, public holidays.

Romanov R. Ye. The Role of Youth in Shaping the Human Potential of Siberia on the Eve of the World War II (on the 1939 Soviet Census Materials)

The paper characterizes the role of young people aged 15 – 25 in the development of various components (demography, military mobilization, migration, labor, sociocultural aspects) of human potential of Siberia on the eve of World War II. In particular, the author shows the youth's effect on quantitative and qualitative characteristics of the age and sex structure of the population (structure of male population subject to military conscription during the war; local population involved into migration processes; working-age and literate population). The author concludes that during the period under consideration the youth played one of the leading roles in human capital formation in Siberia. This demographic factor served as an important prerequisite for an intensive use of youth as a major military manpower and labor resource during the World War II.

Key words: World War II, Siberia, human potential, youth.

Abblazhey N.N., Salakhova L.M. "How Are Regime and Control Organized Here?"

The authors introduce into scientific use a document originated in the Special Settlements Department of the UMGB (Ministry of State Security Directorate) of the Irkutsk oblast. It is a typical annual report of one of the special settlements' regional headquarters belonging to the 9th department of the UMGB of the Irkutsk oblast. The document shows reporting procedures as well as regulations of the deportees' life in special settlements. The shorthand report of the special settlement commandants' meeting on March 28, 1952 serves as a commentary to the above-mentioned document.

Key words: ethnic exile, special settlement headquarters, department of special settlements, regime.

Savitskiy I.M. Environmental Situation in the Kara Sea in Regard to Disposal of Nuclear Waste during the "Cold War"

The article considers locations and methods of nuclear waste disposal in the Kara Sea; analyzes measures undertaken in order to study the radiation environment as well as their results. The growing topicality of this problem is connected with further development of the Northern Sea Route (including the international consignments) and the area around the Belyy Island in the Kara Sea, where one fourth of the world's hydrocarbon reserves, gas and condensate are located.

Key words: disposal of nuclear waste, nuclear reactor, navy, spent nuclear fuel (SNF), the Kara Sea, scientific expeditions, ecological state of the sea.

Dashinamzhilov O.B. Urbanization in Western Siberia in 1959-1989

The process of population formation in urban settlements of Western Siberia during the post-war period is considered in the article. Quantitative changes in the structure of urban contingents are studied. Having analyzed different types of urban settlements (small, average, large) the author reveals qualitative characteristics of urbanization in 1959 – 1989 and its specifics.

Key words: urban population, Western Siberia, post-war period, economic development.

Zolnikova N.D. Realia of the Soviet Socialism in the Works of a Novokuznetsk Old-Believer

The paper studies eschatological views shared in the 1980s by the “Tokarevtsy” – a branch of the Pomortsy Old-Believers’ consent. The author analyzes links with the Pomorian tradition in the XVIII-XIX centuries; shows how the original theoretical schemes of the Tokarevtsy reflected the XX century realia.

Key words: Old-Belief, prophets, eschatology, Antichrist, Judgement Day.

Rodigina N.N. The Journal “Vsemirnaya Illyustratsia” (World in Pictures) and Representations of Siberia on Its Pages

The article deals with researching Siberia’s representations in a weekly journal “Worldwide Illustrations” in the second part of the XIX century. The author determines subjects of the texts about Siberia, characterizes the circle of their authors, soundly argues for the specifics of the region’s representations in the illustrated weeklies.

Key words: representation of Siberia, images of region, illustrated weekly magazines.

Starukhin N.A. Theophylact (Savkin), the Hegumen of the Kazanskiy skit of the Old-Believers’ Belokrinskiy Consent, and His Epistolary Heritage

The paper considers works by hegumen Theophylact (Savkin), a writer of great originality who belonged to the Belokrinskiy monkhood. Based on the extant epistolary heritage of the Siberian monk the author defines stages of his creative life; analyzes his epistles; determines key trends in the outer- and inner-Old Believers’ polemics of the Siberian “Austrians”.

Key words: Belokrinskiy consent, monarchism, Chasovennye, polemics.

Shilovskiy M.V. Mass Riots among the Demobilized Soldiers in Siberia during the Second Half of July, 1914

The article considers mass protest actions of Siberian soldiers called up for the military service in the course of mass mobilization in July, 1914. The author reveals causes of protests and describes pacification measures undertaken by the authorities.

Key words: World War I, mobilization, mass protests, riots.

Kornovenko S.V. Agricultural Crop Harvesting by the “The Whites” Civil Authorities in Ukraine in 1919

The article is devoted to a little-known aspect of history of Revolution and Civil war in 1917–1920. On the basis of archival materials and published sources the author studies activities

of “the Whites” civil authorities aimed at agricultural crop harvesting in Ukraine in 1919.

Key words: agrarian policy, peasantry, Ukraine, Armed Forces of the South of Russia, Special Council

Kationov O.N. S.V. Obruchev’s Book “To the Unexplored Lands” as a Source on the Means of Transport in the North-East of Russia in the 1920s – 1930s

The study is aimed at describing the traditional and new means of transport in the North-Eastern areas of Siberia during the socialist modernization based on the materials from S.V. Obruchev’s book “To the Unexplored Lands”. The author characterizes specifics of the means of transport used by the indigenous population and surveyors (mapping and spatial scientists); shows adaptation of the aboriginal peoples to the environmental and climatic conditions in terms of using the means of transport. Attention is paid to the fact that S.V. Obruchev’s scientific expeditions used up-to-date means of transport (aerosleigh, motor boats, steamboats, airplanes) and introduced traditional Russian means of transport to the aboriginal population.

Key words: transport (animal-drawn, river, sea, arosleigh, air transport), traditions, novations, aborigines, scholars.

Ilyinykh V.A. System of Cattle Breeding Management in Siberia in the Late 1920s-1930s

The study reconstructs the process of creation and development of the Soviet system of cattle breeding management in the late 1920s-1930s. It is clear from the documents that during the period under consideration this system was unstable, permanently reformed, multi-layered and suffered from administrative parallelism.

Key words: public administration, agricultural policy, agriculture, cattle breeding, collectivization, Siberia.

Orlov D.S. Planning of Agricultural Production and Procurement in Kolkhozes and Sovkhozes in Western Siberia in the Second Half of the 1960s – First Half of the 1980s

The paper analyzes understudied problems of agrarian and economic history of the USSR in the second half of the 1960s – first half of the 1980s, connected with the state’s efforts to boost production in the kolkhozes and sovkhozes by limiting regulatory dictate in the sphere of agricultural production and procurement planning. Using the data on Western Siberia the author proves that in the second half of the 1960s the mechanisms of economical incentives led to increase of agricultural production while the growing administrative pressure on farms in the early 1970s made for the low rate of future agricultural growth.

Key words: agriculture, agricultural policy, kolkhozes, sovkhozes, agricultural planning, procurement, Western Siberia.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*